

Брошенная

Мариса Кондрашова

Мариса
Кондрашова

Брошенная

Брошенная

Брошенная

Брошенная

Брошенная

Брошенная

Брошенная

Брошенная

Брошенная

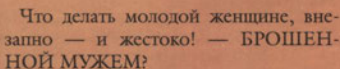
Брошенная

Брошенная

Брошенная

«...ПЛАМЯ КАМИНА ВЫСВЕЧИВАЛО ВСЕ: ИХ ГЛАЗА,
ГУБЫ, РУКИ, НЕТЕРПЕЛИВО СРЫВАЮЩИЕ ДРУГ
С ДРУГА НЕМНОГИЕ ОДЕЖДЫ...»

Что делать молодой женщине, внезапно — и жестоко! — БРОШЕННОЙ МУЖЕМ?

Тихо плакать о разбитой вдребезги жизни?

Или — начать ВСЕ СНАЧАЛА?
Снова ощутить себя свободной, красивой и желанной — и попытаться найти НОВОЕ СЧАСТЬЕ?

Однако Марина, пережив предательство любимого человека, не верит мужчинам. Ее руки добиваются и обаятельный бизнесмен, и друг юности, и мужественный военный...

Кто сможет убедить ее в своей искренности?

Кто станет ее судьбой?

ISBN 5-17-012834-7

9 785170 128341

Русский роман

Мариса
Кондрашова

Брошенная

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТРАНЗИТКНИГА

Москва
2003

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
К64

Серийное оформление Е.Н. Волченко

*В оформлении книги использован слайд,
предоставленный фотоагентством M-Star*

Подписано в печать 27.05.03. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 15,12. Тираж 10000 экз. Заказ № 1212

Кондрашова Л.

К64 Брошенная: Роман / Л. Кондрашова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. — 285, [3] с. — (Русский романс).

ISBN 5-17-012834-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9578-0061-9 (ООО «Транзиткнига»)

Что делать молодой женщине, внезапно — и жестоко! — БРОШЕННОЙ МУЖЕМ?

Тихо плакать о разбитой вдребезги жизни?

Или — начать ВСЕ СНАЧАЛА? Снова ощутить себя свободной, красивой и желанной — и попытаться найти НОВОЕ СЧАСТЬЕ?

Однако Марина, пережив предательство любимого человека, не верит мужчинам. Ее руки добиваются и обаятельный бизнесмен, и друг юности, и мужественный военный...

Кто сможет убедить ее в своей искренности?

Кто станет ее судьбой?

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Глава 1

Алла Пугачева пела из радиоприемника на кухне: «Люби его, детка, как я не смогла. Люби его крепко — он хочет тепла». В том смысле, что мужик от женщины ушел, а она беспокоится, чтобы другая делала все как надо. Не повторяла ее ошибок.

Нет, ты прикинь, тепла ему захотелось! Да такую песню и слушать не стоит! Подумать только, к чему певица призывает: позови разлучницу к себе, напои ее чаем, дай соответствующие инструкции, как с кобелем-возлюбленным поступать... А что, очень даже благородно. Только тогда зачем «сильная женщина плачет у окна-а-а...»?

Марина расхохоталась: смех гулко прокатился по пустой квартире, хотя мебель вроде стояла на местах и негде было катиться этому самому смеху. Услышит кто-нибудь, как она тут хохочет сама с собой, и подумает, что женщина с катушек съехала...

А все потому, что в отличие от Пугачевой Марина вовсе не сильная. Если разобраться, она даже слабая, потому и никак не может осознать того, что в ее жизни произо-

шло. Ей не верится в случившееся, как не верилось бы в страшный сон. Она не замечает, как повторяет будто заведенная: «Не может быть! Этого не может быть!»

Люди! От Марины Ковалевой ушел муж! Это она — мадам Брошкина. Только та же Пугачева поет об этом весело: мол, поезд ее ушел, а так все тип-топ. Вернее, ту-ту, ту-ту... А у Марины жизнь кончилась.

Она откликается на случившееся лишь частью своего сознания — охватить во всей полноте жизненную катастрофу просто нет сил. Ясно только: это конец!

Марина говорит себе, что теперь надо нести с достоинством свой крест брошенной жены. Но вот не успела его поднять и взгромоздить на себя, как тут же уронила. Вернее, упала вместе с ним. Теперь лежит, придавленная этим крестом, и даже раздавленная. Без чувств. Без сердцебиения. Лежит, как в гробу. Одна в трехкомнатной квартире.

Хорошо хоть, сын в пионерском лагере. Нет, это теперь называется скаутский лагерь. Не важно. Ребенок отдыхает и ни сном ни духом не ведает, что он уже наполовину сирота. Не думает же супруг, что Марина будет отпускать с ним Юрку, как в фильме «Папа на воскресенье»? Пусть и не мечтает! Сын ее, и только ее! Вряд ли суд — если бы Мишка надумал подать в суд, чтобы отобрать у нее сына, — стал даже разбирать его заявление. Как в фильме «Крамер против Крамера».

Марина потому все время вспоминает то песни, то фильмы, что своего опыта у нее совершенно нет. Да и какой может быть у нее опыт — муж у нее один-единственный... был. Теперь хорошо бы узнать у кого-нибудь — из жизни, а не из глупой песни, — как ведут себя оставленные женщины? Кричат? Рвут на себе волосы? Сходят с ума? Пьют упаковками транквилизаторы? Режут вены, принимая ванну? Или вот так же бесцельно сидят на чис-

той, выскобленной кухне, сложив руки на коленях. И ощущают в голове звенящую пустоту. И звенит пустота одним-единственным вопросом: «За что?»

Когда с человеком подобное случается, он обычно считает, что такого никак не заслуживает. То есть сплошь и рядом с другими это бывает, а вот с ним не должно происходить!

Марина всегда была верной женой. Заботливой. Безотказной. Самоотверженной. В чем ее можно упрекнуть? Она даже тряпок модных себе не покупала, все ему, Мишеньке. Первое время он еще стеснялся: «Давай и тебе что-нибудь купим». Она выбирала: колготки там или помаду, чтобы успокоить его совесть. И страшно гордилась своим благородством: Мише надо, у него работа на людях. С иностранцами встречается. С администрацией города. А ей для кого наряжаться?

И ни разу не подумала: «А для себя?»

Пой теперь, ласточка, на свой лад: «Серая женщина плачет у окна!»

Марина подошла к зеркалу, из которого на нее смотрело бледное, рыхлое существо в старом, застиранном халате, с волосами-сосульками и с глазами загнанного зверя. Жалкое зрелище.

— Я не смогу без него жить, — сказала она своему изображению.

— Ничего не поделаешь, придется, — качнуло оно головой.

Нет, это решительно невозможно! Одинокая! Какое страшное слово... Но почему одинокая? Штамп в паспорте у нее все еще стоит. По паспорту Марина — замужняя женщина... Она вдруг начинает лихорадочно искать свой паспорт, чтобы лишний раз посмотреть на чернильный прямоугольник. Не исчез ли он вместе с мужем? Нет, все

в порядке! Она замужем! А та, к которой ушел ее законный муж, неизвестно кто. Любовница! Сожительница! Проститутка!

Марина всегда была довольна жизнью. У нее имелся муж, и это казалось вечным, незыблемым. Она собиралась прожить с Михаилом до гробовой доски...

«В одном и том же старом халате!» — услужливо подсказал внутренний голос.

Михаил ее самопожертвование принимал как должное. Обнимал за плечи, шутил: «Ты у меня экономная. Другие бабы из своих мужей кровь пьют — купи то, купи это, а ты довольствуешься малым. Ты бескорыстная. Ты хозяйственная. Мне повезло с женой!»

Она млела от его похвал и старалась экономить еще больше. Помаду — самую дешевую! Крем для лица — не дороже десяти рублей, а то и вовсе обходилась без него. Тушь покупала ленинградскую, за пять рублей...

В конце концов Михаил стал ее стесняться. Сейчас стало понятно — муж, одетый с иголки, и Марина в старой, немодной одежде никак не выглядели парой, мужем и женой. Одна его туалетная вода стоила, как два ее платья.

И он уже не брал ее с собой на всякие там званые вечера, презентации. Мол, чего ей делать среди незнакомых людей? А он быстренько сматается — туда и обратно. Причем в последнее время «обратно» порой затягивалось до утра. Где он был так долго? По собственному выражению, оттягивался с коллегами. Он полюбил теперь вставлять в речь такие вот словечки.

А Марина? Первое время еще ждала его, не ложилась спать. Тупо смотрела в телевизор, пока не кончалась очередная программа. Тогда щелкала пультом, искала канал, на котором передачи шли круглосуточно.

Потом ждать перестала — утром ей нужно было идти на работу, она не высыпалась — и даже засыпала почти сразу. Мол, все равно придет, куда денется. Недалекая самоуверенная дура!..

Вот вчера он и не пришел. Только позвонил.

— Собери мне вещи.

— В командировку уезжаешь? — не поняла она.

И с ужасом услышала, как он презрительно хмыкнул:

— Я ухожу от тебя. Навсегда.

Она засуетилась, попыталась уточнить, подумала, что ослышалась, не так поняла. Как это, уходит насовсем? Но он уже повесил трубку.

Марина оглядела свой домашний халат. Кажется, ей подарили его на Восьмое марта в девятом классе. Зачем она его носит? Разве у нее нет нового халата, ненадеванного? А этот фартук? Такой древний, что у него оторвались тесемки, и Марина не стала их даже пришивать — проще выбросить. Но так и не выбросила. Надевает, застегнув на английскую булавку.

А ведь и фартуки у нее есть — красивые, кружевные, друзья дарили на дни рождения. Наверное, намекали: выбрось старье, надень новый... Но ей все было жалко. Для чего жалко, для жизни?

В таком вот виде она встречала Михаила с работы. А он приезжал будто из другого мира: элегантный, в модном костюме, с сотовым телефоном, весь день прошедший в окружении красивых, хорошо одетых женщин.

И что видел дома? Можно такую женщину любить? С волосами, на кончиках которых сохранилась еще прошлогодняя краска, самая дешевая, по восемнадцать рублей.

Марине всегда было жалко тратить деньги на себя. Она даже к парикмахеру навевывалась, что называется, раз в

сто лет. И тогда, когда Михаил еще брал ее с собой на тусовки. Теперь вроде было не для чего, и она ходила на работу, собрав сзади волосы в пучок... резинкой от микстуры, черненькой такой...

А ведь Марине всего тридцать лет. Всего или уже? Почему она вдруг стала думать, что это очень много? Если разобраться, тридцать ей стукнет через три месяца. Стукнет! Мишино словечко. Ему исполнится тридцать пять, а ей стукнет тридцать!

Ну почему это случилось именно с ней? Сколько подруг живут со своими мужьями и горя не знают, а ее бросили... Горе-то какое! Может, это он так пошутил? Разозлился на что-то? А вечером придет как ни в чем не бывало...

Она машинально взяла в руки потрепанный сборник стихов Марины Цветаевой. Ее тезки. Иной раз, если под рукой не было подставки, Марина ставила на книжку горячий чайник. Теперь ей почему-то стало стыдно. Она разгладила ладонью обложку, невольно счищая следы копоты, и открыла книжку. Тут же ее глаза выхватили строчки, словно нарочно для нее написанные:

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

Стихотворение оказалось длинным, но она прочла его залпом, потом еще — вот, даже стихами перестала интересоваться. А ведь раньше с удовольствием читала, многое

знала наизусть. В девятом классе и сама пыталась стихи писать...

Марина любила своего мужа странною любовью: без намерения вызвать или поддержать в нем любовь к ней, к своей жене. Думала, он прикован к ней на всю жизнь. То есть она имела в виду брачные оковы, конечно. Так-то Михаил был свободен. Даже чересчур. А раз дали мужчине свободу, то почему бы ею не пользоваться?

Муж ушел к другой, стройной и красивой. По утрам она приносит ему кофе в постель... Нет, таким его не удивишь. Он привык, что жена пыль с него сдувает. Пожалуй, это Михаил приносит ей кофе в постель. А она лежит на высоко поднятых подушках, в кружевном пеньюаре, и волосы ее уже с утра красиво уложены...

Смешно вспомнить, как в юности Марина рвалась в семейную жизнь. Еле дождалась восемнадцати лет. Она мечтала освободиться от родительской опеки. Свобода! О, ее манила свобода взрослой, самостоятельной женщины. Как Остапа Бендера — Рио-де-Жанейро. И как мало она оказалась подготовленной к этой свободе!

Она думала, что сможет теперь читать любимые ею романы серии «Страсть» от рассвета до заката, а вместо этого пришлось брать в руки поваренную книгу и учиться готовить, потому что, как оказалось, мужа надо кормить три раза в день! И он не соглашается жевать шоколадки вместо борща или хорошей отбивной. И сосиски с макаронами ему надоедают...

А стирка! А уборка! Все то, что дома Марина делала из-под палки, здесь поджидало ее каждый день, и никто не говорил: «Ладно, отдохни, почитай, я все сделаю сама...» То есть сам. Нет, Миша четко разделял домашние дела на женские и мужские, причем последних было гораздо меньше.

Марина так и не смогла оправиться от навалившихся на нее серых будней, которые погребли под собой веселую девчонку с сияющими фиалковыми глазами.

А потом она забеременела и три года просидела в декрете, во время которого и привыкла к халатам, как ко второй коже. Так было удобнее. Набросила на себя, и ходи целый день. Всегда обыденная, привычная, которую перестаешь замечать, как веник за плитой.

Она вдруг живо представила себе, как придет на работу и будет глядеть в сочувствующие глаза сослуживцев. Вряд ли стоит надеяться на то, что они ничего не узнают. Хотя прежде о Ковалеве Марина рассказывала сама, но теперь ей казалось, что скрой от них такую важную новость — будешь чувствовать себя как человек, которому есть что скрывать.

Все сразу подумают, что она очень переживает из-за ухода Михаила, и, конечно же, станут ее жалеть.

Она вспомнила, как недавно ей рассказывали о похожем случае — ушел муж от их сотрудницы, заведующей складом.

— Представьте-ка, — со смехом повествовала собравшимся вокруг нее женщинам приемщица Элеонора. — От Нины Голиковой муж ушел. К молоденькой.

И все охотно смеялись, потому что до того Нину считали женщиной благополучной, у которой муж много получает и которая никогда не считает копейки до зарплаты. Теперь и она узнает, что такое нет денег!

А Марине было жалко Нину. Кому она нужна, такая до безобразия расплывшаяся в свои сорок пять лет, похожая на черепаху, которая выглядывает не из панциря, а из толстого слоя жира. Нина даже ходила, переваливаясь с ноги на ногу, потому что из-за полноты ноги ей трудно

было переставлять. Интересно, ей хочется секса или она считает себя для этого старой?

А до этого ей было жалко мужа Нины, который живет с такой непривлекательной женщиной и каждый день ложится с ней в постель. Неужели он может чувствовать к жене то, что в литературе называется вожделением?

Непонятно, почему ей такое пришло в голову, но Марина взяла и позвонила Элеоноре.

— Эля, помнишь, ты говорила, что от Нины Голиковой муж ушел? Я все забываю спросить: он так и не вернулся?

— Вернется он, как же! — услышала Марина в трубке жизнерадостный голос Элеоноры; вот кто никогда не печалится по поводу нехватки мужиков: «На мой век хватит!» — Чего ему там делать, дома у Нины? На дачу ездить? С внуками возиться? А здесь молодая, красивая, знает, как дать и как взять...

Элеонора захохотала, а Марина поморщилась. Она не любила скабрезные шутки приемщицы, которая обожала поговорить об интимной стороне отношений безо всяких там околичностей и наслаждалась замешательством слушателя.

Она и сейчас правильно поняла молчание Марины, но не собиралась утомняться:

— Вот скажи-ка, ты можешь представить Нинку в постели? Не можешь? И я не могу. Небось она и ноги поднять не сумеет, а современный секс, знаешь, какой физподготовки требует?!

— А как сама Нина себя чувствует? — слегка изменила направление своего интереса Марина. Нина вдруг стала для нее чуть ли не символом брошенной женщины — придется и Марине привыкать к тому же.

— Как, как, а никак! От ее болезни лекарства нет.

— От какой болезни? — не поняла Марина.

— Ты чё, тупая? Лучшее лекарство от любви — другая любовь, правильно? Клин клином вышибают, это давно известно. А кто на Нинку глаз положит? Тут и нормальным бабам мужиков не хватает, а такая квашня неповоротливая кого привлечет?

Кое-как скомкав разговор, Марина положила трубку.

Сегодня воскресенье. У Марины было столько планов! Все они касались работы по дому. Вечером она собиралась съездить к родным.

Теперь же они сразу поймут, что у Марины что-то стряслось, начнут расспрашивать, а что говорить, она не представляла. И знала по себе: если ее начнут жалеть, она станет рыдать, и чего в этом хорошего? Лучше побыть одной...

Она вдруг почувствовала огромную усталость — то ли от тяжести того самого креста, который на себя взваливала, то ли от своих долгих тридцати лет, но ей захотелось прилечь. Марина пошла в спальню и легла с краю огромного супружеского ложа — кажется, впервые за много лет не застеленного покрывалом и холодного, как каменное плато. Свернулась калачиком.

Шторы она сегодня не раздвигала, — странно, ведь раньше это тоже было ее привычным движением: встать и раздвинуть шторы...

Полумрак в спальне странным образом ее успокоил. Он словно завернул в невидимое полотно все ее мысли, переживания, тревоги, — Марина лежала, смотрела прямо перед собой, ничего не видела и ничего не хотела.

Кто-то позвонил, она сняла трубку, но даже не поняла кто. Что-то ответила. Кажется, невпопад, но когда зво-

нивший удивился, Марина просто выдернула телефонную вилку из розетки. И заснула, как провалилась в спасительную темноту. И тишину.

Глава 2

Когда Марина проснулась, было темно. Она сходила в ванную, машинально почистила зубы, приняла душ — от ее тела исходил какой-то непривычный запах. «Запах брошенной жены», — подумала она отстраненно. Потом прошла в кухню, достала початую бутылку пепси-колы — единственный напиток, которым она позволяла себе себя же баловать, — и налила в стакан. Выпила и опять легла в постель.

Следующий раз она проснулась, видимо, под вечер. Попила воды и снова легла. Долго не могла заснуть, просто лежала безо всяких мыслей и через приоткрытую дверь следила, как медленно скользили прочь из комнаты последние блики солнца.

Так же незаметно провалилась в сон. Проснулась опять среди ночи. Вяло подумала: интересно, который час? Радио на кухне что-то бурбулило, и Марина встала, чтобы выключить его. Опять выпила любимой воды. Уже почти совсем негазированной.

Есть ей не хотелось. А во рту отчего-то появился неприятный привкус. Она опять сходила в ванную и почистила зубы. Легла. Заснула.

Жизнь для Марины текла совсем по-другому, чем для всего остального человечества. Она не ощущала ни дней, ни часов. Однако обоняние у нее не пропало. Она со-

блюдала все правила гигиены, а когда почему-то решила, что уже давно спит на одном и том же постельном белье, то спокойно поменяла его на чистое, а грязное привычно сунула в стиральную машину.

Хорошо, что у нее автомат — сама стирает, сама сушит. Не какая-нибудь «Вятка» — «Бош»! Ее купили пять лет назад с какой-то крупной премии Михаила. Это был один из немногих его широких жестов в адрес жены.

На этот раз она не смотрела ни за какими бликами. Просто легла и отключилась.

Разбудили ее своим шепотом две фигуры возле кровати, которые виделись неотчетливо из-за задернутых штор. Или на улице опять были сумерки?

Первая фигура голосом матери почему-то со слезами проговорила:

— Вика, да жива ли она?

Вторая фигура голосом младшей сестры ответила:

— Жива. Я пульс щупала — слегка замедленный, и все. А так, как говорят врачи, хорошего наполнения...

— Много ты понимаешь! — шикнула первая. — Надо привести врача, пусть ее посмотрит... Вдруг это летаргия...

— Никакая не летаргия, — не согласилась вторая. — Это реакция на шок. Другие вон из окон выбрасываются...

— Тыфу, типун тебе на язык! — рассердилась мать и передразнила: — «Реакция на шок!» Кто знает, сколько она вот так уже спит? Я-то думала, они с Михаилом уехали куда. Хорошо, сегодня в ее контору позвонила. Они говорят: ваша дочь на работу вторую неделю не выходит, а ее телефон не отвечает. И Михаилу я звонила, кобелю этому! Мы, говорит, с Мариной расстались как цивилизованные люди, без истерик и скандалов... Без истерик! Он себе козлом скачет, а Маришка, бедная, пластом лежит!

Мать тихонько заплакала.

— Ну чего ты, мама, — стала утешать ее сестра. — Третий раз одно и то же рассказываешь. Выздоровеет она. Ты же сама говорила, мы — Меньшовы — крепкой породы. А врача я на всякий случай уже вызвала. У меня знакомый психотерапевт. Владик. У него сегодня прием до шести, а после приема он сразу и приедет...

— Твой Владик адрес-то знает?

— Знает, мы с ним как-то у Ковалевых в гостях были. Как только ты мне сообщила, что Маринки на работе нет, так я ему и позвонила. А он стал спрашивать, что да как, не истеричка ли Марина, не нервная, чем болела... Помнишь, я у тебя спрашивала?... В общем, иди, не волнуйся, я здесь побуду...

Мать медленно пошла к двери, не зная, что Марина почувствовала себя наконец выпавшейся и теперь лежит, наблюдает за Викторией сквозь неплотно прикрытые ресницы.

Сестрица решила устроиться основательно. Подтащила торшер от кровати к креслу, включила его, отвернув абажур, чтобы свет не падал на кровать, и пошла на кухню.

«Сейчас себе бутербродов наделает и сядет книжку читать!» — подумала Марина.

И точно, сестра стукнула дверцей холодильника. В отличие от Марины Вика себя любила. И всюду прежде всего устраивалась с комфортом.

Несколько минут спустя она вошла с тарелкой, книгой под мышкой и стаканом воды. «С собой, наверное, принесла, — вяло подумала Марина, — я-то свою пепси допила».

Вика поставила рядом тарелку и поерзала, устраиваясь в кресле поудобнее. Зашуршала страницами и одновременно задвигала челюстями.

— Не понимаю, чего вы переполошились? — спросила Марина нормальным голосом, без хрипа и надрыва, а Вика отчего-то с перепугу уронила себе на юбку бутерброд, а потом бросилась к ее кровати.

— Маришка, ты очнулась?

Она заплакала, а Марина удивилась:

— Можно подумать, я с того света вернулась. Что ж, человеку и поспать нельзя? Ты же раньше никогда не плакала, чего сейчас ревешь?

— Поспать! — всхлипнула Вика. — Ни фиги себе, десять дней спишь. Я уж матери говорить не стала, сама на твою работу перезвонила, уточнила..

— Десять дней? — удивилась Марина. — Какое же сегодня число?

— Девятнадцатое июня.

— Боже мой! Завтра Юру из лагеря забирать надо.

— Михаил заберет. Я об этом тоже матери не сказала, но я и ему на работу позвонила.

— Как позвонила, зачем?

От возмущения Марина даже приподнялась на кровати, но голова у нее закружилась, и она без сил упала на подушку. Странно, ослабеть от сна...

— Затем, что он — твой муж... Погоди-ка, но почему он не знает, что ты так долго спишь?

— Потому что он ушел к другой женщине. Он же объяснил маме: мы расстались!

Вика села к ней на кровать.

— Это как раз я знаю. Но мог бы позвонить. Мало ли... Десять лет прожили. Это что же, ушел и забыл? Я родителей накручивать не стала, но отец, кажется, все равно разозлился. Ты знаешь, что бывает, когда папа злится. Я твоему Ковалеву не завидую. Кстати, он скоро придет. Я

ему на работу позвонила. Попросил у меня два часа на улаживание своих дел. У них там какие-то иностранцы... Он знает, что со мной лучше не связываться!

Марина еще раз попыталась подняться, и на этот раз ей удалось. Она не очень вежливо спихнула сестру с кровати:

— Иди садись в кресло. Я одеваться буду!

— Чего ты злишься? Прибежит твой Мишутка, никуда не денется, как миленький прибежит!

— Да не нужен он мне, твой Мишутка! — закричала Марина.

Вика от нее даже отшатнулась.

— Здрасьте, Настя! Не нужен! Взять и запросто так отдать мужика чужой бабе? Того, которого ты одела-обула и в люди вывела? Ты что, мать, и вправду умом тронулась? Какой мужик не гуляет? Все они кобели!

— Почему это я его в люди вывела? Он сам вышел.

— Уже забыла? Нет, подумать только, она его еще и защищает!

— Не защищаю. Но и напраслину чего возводить?

— Напраслину! Да в эту фирму его наш отец устроил. А на машину кто вам деньги давал? Ты на себя посмотри — тебе не тридцать, а все сорок дашь, все ради него убивалась, себе лишней тряпки не купила... А откуда у вас трехкомнатная квартира? Твой Мишенька — пролетарий, у него, кроме цепей, ничего не было.

— Каких цепей? — не поняла Марина.

— Цепей дурной наследственности.

Чувство справедливости в Марине, однако, не спало.

— Нет у Михаила никакой дурной наследственности, — сказала она.

— А патологическая неблагодарность?

— Ох и закрутила ты, сестренка! — вздохнула Марина. — Ничего мне от него не надо. Он попросил собрать его вещи — я собрала, вон, под вешалкой стоят... И позвони ему на работу, скажи, чтобы не вздумал приходить... Своему Владику, кстати, тоже позвони!

— Так ты все слышала? А почему ничего не сказала? С мамой не поздоровалась.

— К маме я завтра схожу. Сегодня, уж извини, я еще одна хочу побыть. Мне подумать надо.

— Так это что же, ты намекаешь, чтобы я убиралась?

— Хочешь, сиди, читай, зря, что ли, ты бутербродов наделала. А хлеб откуда?

— С собой принесла. У тебя же вечно хлеба нет...

— Погоди-ка... Михаилу позвони... пожалуйста! Скажи, пусть Юрку домой привезет... И еще. Твой психотерапевт больничные не дает?

— Дает, наверное. Ты же знаешь, за деньги у нас все дают, в том смысле, что можно получить... любое медицинское обслуживание.

— Договорись, чтобы я завтра к нему на прием попала.

— Марина! Что с тобой произошло?

— Я так изменилась?

— Раньше у нас я командовала, а теперь ты мне рта не даешь открыть... Хорошо, товарищ командир, я иду выполнять ваш приказ!.. Телефон небось отключила?

— Отключила. Если помнишь, розетки здесь у кровати и в кухне у стола...

— А что ты сейчас делать будешь?

— Налью ванну, лягу и буду отмокать. Ты за это время пригодишь какую-нибудь закуску. Я достану из заначки марочное вино, и мы с тобой выпьем...

— За твое выздоровление?

— Нет, за мое освобождение от старой кожи. Разве ты не видишь, что она на мне уже ключьями висит? А под ней кожа розовая. Так что прошу поосторожнее, она еще очень нежная.

— Оригинальный юмор, — пробормотала сестра, включая телефон в розетку. — Только ты, это, в ванне долго не сиди. Слаба небось, столько дней в отключке! И дверь не запирай. Я заглядывать буду. Не дай Бог, захлебнешься!

Марина открыла шифоньер и достала с полки, на которой лежало вроде на всякий случай новое, в упаковке, постельное белье и шикарный белый купальный халат — страшно подумать, сколько он стоил! Марине боязно было не только его надеть, но и вообще распаковать. Раньше.

Теперь она разорвала упаковку с каким-то мстительным удовольствием и перебросила халат через руку, идя в ванную. Как будто всегда только и делала, что надевала после ванны фирменные махровые халаты.

Ванная у Ковалевых вся в зеркалах. Михаил настоял. А Марина прежде все норовила быстрее юркнуть в ванну или встать под душ — после рождения Юрки она располнела и не любила свой новый, не лучший облик. Но не любила как-то отстраненно, словно не ее это был облик, а так, одной не очень привлекательной женщины. Чего его рассматривать?

Теперь же она задержалась у зеркала и с удивлением увидела, что за эти десять дней — если Вика, конечно, не прибавила с перепугу — она здорово похудела. Килограммов на пять, не меньше! Куда-то делся ее привычно выпирающий животик... Первое время, когда она вдруг сильно поправилась, Михаил ее грубовато-шутливо успокаивал:

«Не переживай! Женщина без живота, что лошадь без хвоста!» А потом уже и не обращал внимания. Не смотрел. Вернее, не рассматривал. Влезал, как на лошадь, делал свое дело и отворачивался. Почему ее это не обижало?!

Нет, талия определенно стала тоньше. Марина не поленилась даже сходить за сантиметром. Померила. До прежнего девического размера оставалось всего восемь сантиметров. А это уже обнадеживает. Еще бы немного пресс покачать...

«Не было бы счастья, да несчастье помогло», — констатировала она не без грусти, но без надрыва. Куда подевалось ощущение катастрофы, конца света? Не иначе, заспала!

Вот и хорошо. Прочь, прочь идите, мысли о каком-то там несчастье. Как пела Эдита Пьеха, «если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло!». В нашем случае ушел муж, и к другой... Стоит оглянуться назад, а заодно и подумать, как жить дальше.

Горячая вода быстро наполняла ванну. Марина бросила в нее морскую соль с ароматом фиалки и хотела по привычке просто шагнуть в нее. Перевалиться через край, но нет. Странная мысль пришла ей в голову. Стоп-кадр! Представьте себе, Марина Алексеевна, что некто мужского пола... нет, не Михаил, другой мужчина исподволь наблюдает, как вы не влезаете, как краб на песок, а входите в ванну, изящно подняв ногу и выгнув стан...

Забывшись, она расхохоталась, и тут же дверь в ванную открыла сестрица:

— Маришка, что с тобой?

— Со мной? Ничего. А что может быть со мной?

— Ты смеялась.

Подслушивала за дверью, что ли?

— Но не плакала же.

— Так ведь сама с собой!.. Может, все-таки пусть Владик приедет?

— Ты бутерброды съела?

— Нет еще.

— Тогда иди ешь.

Вика пробурчала что-то вроде «грубиянка» и даже «неблагодарная», но дверь затворила с обратной стороны.

Марина закрыла глаза и блаженно вытянула ноги. Странно, почему она раньше не обращала внимания на то, какие вещи ее окружают? Ремонт в ванной они сделали недавно. Марина понимает теперь: Михаил хотел создать нечто похожее на то, что он видел у кого-то.

Ванну он привез большую, овальную. Чтобы ее разместить, пришлось ломать стенку между прежней ванной и туалетом, совмещать до того отдельные санузлы. На всю квартиру денег не хватило, но в ванной евроремонт сделали.

Значит, совсем недавно Мишка уходить еще не собирался, иначе не старался бы для чужих мужиков...

Марина поймала себя на этой мысли с изумлением: каких таких мужиков? Где она их возьмет? Кому она, кроме Ковалева, нужна...

Но мысль о том, что Михаила застало врасплох чувство пусть к другой, пусть к более молодой женщине, странным образом успокоила ее. Все-таки эмоциональный порыв — это вам не какой-нибудь пошлый расчет...

Как и полагалось дорогой ванной, здесь стояли импортные шампуни и туалетные воды, но прежде Марине было жалко распаковывать их, и она пользовалась недорогой отечественной парфюмерией, которая, конечно, не пахла подобно той же французской, зато была, как говорили, полезной и сплошь натуральной.

Может, Марина сама превратила себя в женщину не очень привлекательную, но натуральную?.. Шутка!

Она закрыла глаза. Надо ли удивляться тому, что она то плачет, то смеется? И мысли ее скачут с одного на другое, и реагирует она на все неадекватно, потому как на самом дне души все еще копошится, кажется, первобытный жуткий страх: как же она станет жить, одна-то?!

Пришла она в себя, когда вода в ванне остыла, — вот еще одно свидетельство неблагополучной психики: провалы во времени. Марина перестала это самое время чувствовать. Вроде только легла в ванну, а поскольку вода успела остыть, значит, прошло не меньше получаса. Может, и вправду позвать Владика? Но это показалось ей издишной слабостью. Пусть Марина и была слабой, но она не хотела распускаться окончательно. Надо привыкать справляться с собой. Только так можно изменить свою жизнь к лучшему.

И еще. Слабая женщина наверняка потащилась бы к мужу на работу, стала просить его вернуться, заклинять его ребенком и своей любовью... Да мало ли возможностей для унижения? Отчего-то Марине такой быть не хотелось. Больше не хотелось.

Она вылезла из ванны — слабость опять дала себя знать, изящно никак не получалось, — встряхнулась, как мокрый пес, и надела белый халат с капюшоном. Потом глянула на полку, где стояла подаренная ей в разное время туалетная вода, и выбрала самую дорогую. Обтерлась ею с ног до головы — пахнуть так пахнуть!

Сестренка Вика сразу унюхала:

— Ого, у тебя какая-то крутая туалетная вода. Откуда?

— У меня много чего есть, — скромно отозвалась Марина, — о чем ты даже не подозреваешь.

— Например? — заинтересовалась сестра.

— Например, огромный тюк «секонд-хэндовских» вещей.

— Ты стала одеваться в секонд-хэнде? — удивилась сестра.

— Я всегда в нем одевалась, — грустно сказала Марина. — Просто раньше не задумывалась, как это называется.

— Теперь ты поняла, что случается с людьми, которые себя не любят?

— Думаешь, в этом все дело? — без улыбки спросила Марина, но Вике тоже было свойственно чувство справедливости, и она сказала:

— Наверное, неприятности такого рода случаются со всеми, но, думаю, со здоровыми эгоистами — гораздо реже.

— Раньше я такого выражения не слышала — здоровый эгоист.

— Потому, что эгоизм бывает нездоровый. Это беспредельщики, которые считают, что на свете имеют право хорошо жить только они, как личности исключительные. Здоровый же эгоист живет сам и дает жить другим...

Марина присела на табуретку на кухне, куда за ней пришла и Вика.

— Первый раз вижу на тебе этот халат, — заметила она. — Нехилый.

— Ты теперь многое будешь видеть на мне в первый раз.

— Хочешь сказать, что ты готова начать жизнь сначала? — оживилась сестра.

Марина подумала и заколебалась. Оказывается, на эту тему легче рассуждать, чем что-то радикально менять в своей жизни. Она лишь новый халат надела, а словно революцию произвела. Плюс ко всему чувство вины еще

где-то там копошится: могла бы побережь его до лучших времен!

Потому ей пришлось сделать над собой некоторое усилие.

— Наверное, теперь хочешь не хочешь, а придется...

— Нет, так я не играю! — подражая мультяшному Карлсону запротестовала Вика. — Так я даже начинать с тобой не буду! А вот когда ты сама дозреешь и скажешь: «Виктория, я готова!» — твоя сестра к тебе тут же придет и проведет для тебя короткий экскурс в современную жизнь...

— Хочешь сказать, что я несовременна?

— Ты несовременна, как старый большевик, ты консервативна, ты ретроград...

— Дегенерат! — рассердилась Марина. — Кончай обзываться, а?

— Сейчас доем бутерброд и уйду, — рассмеялась Вика. — А ты над моими словами подумай.

— погоди доедать, — сказала Марина. — У меня ведь в заначке не только вино хорошее, но и банка черной икры. Я никогда не ела ее «от пуза». Все для гостей берегла, для Миши, если он болел. Иммуитет поддерживала! А сегодня я предлагаю съесть ее вдвоем.

— Разошлась! Юрке оставь, завтра ребенок придет.

— Он икру терпеть не может. А ты чего испугалась?

— Подумала, вдруг это у тебя временное умопомрачение? Оно пройдет, ты увидишь, что натворила, расстроишься. Заставишь меня съеденное компенсировать, а у меня как раз сейчас тяжелое материальное положение...

— Может, подкинуть тебе тысчонку-другую?

— От удивления у нее на лоб полезли глаза, — сказала о себе Вика в третьем лице. — Спасибо за заботу, пока не надо, но буду иметь в виду... Интересно, произошедшие в тебе изменения необратимы или это только бзик?

— Ты подозреваешь, что я все еще сплю, но с открытыми глазами? — вздохнула Марина. — Увы, я окончательно проснулась и даже расстроилась: сколько времени прожила без любви к себе! Чуть совсем не пропала...

Глава 3

Вика ушла, и в квартире настала тишина. Такая оглушительная, что Марина вздрогнула, когда в ванной из крана сорвалась большая капля и шлепнулась на дно.

Она сходила, прикрутила кран и опять села.

«Надо же, — подумала о себе Марина, — я так привыкла с утра до вечера торчать на кухне, что даже в самые ответственные моменты жизни сижу именно здесь, а не, например, в той же гостиной. Сижу и жду у моря погоды...»

И что еще странно, алкоголь ее не взял. На пару с Викой она выпила бутылку вина, по триста пятьдесят граммов на нос, и ни в одном глазу! Раньше с одной рюмки пьянела...

Она поднялась и как была, в новом махровом халате, побежала к кладовке, чтобы забрать из нее самый большой полиэтиленовый мешок. Потом открыла платяной шкаф и стала сбрасывать в него свои старые платья, свитера, халаты — все, что носила долгие годы и всегда жале-ла выбросить. Думала: «А вдруг пригодится?»

Для кого пригодится? Для нее, для Марины. Когда наступит черный день и она не сможет покупать себе одежду. Вот черный день и наступил. Носи, Марина, этот хлам! Правда, деньги на новые вещи у тебя пока есть, но тебе

же ничего не надо! Ты никуда не ходишь. Ты никому не нужна...

От собственных мыслей в душе что-то заledenело. Неужели для нее все кончилось и действительно ни один мужчина не глянет в ее сторону, как в одну из их семейных ссор пророчествовал муж Михаил? Неужели — никто?!

Совсем недавно она о мужчинах и не думала, а теперь вдруг стало обидно. Если она никого себе не найдет, ни в кого не влюбится, то всю жизнь будет беззащитной перед бывшим мужем. Пусть она с Михаилом не развелась, но в мыслях уже так и думала: бывший! Тогда он в любое время может вернуться, а она, как Пенелопа, будет его ждать. Вернее, и он сам, и все прочие будут так думать...

Марина поймала себя на каком-то новом, глубинном чувстве ярости, с каким она пихала в мешок эти вещи, и была эта ярость сродни ярости человека накануне генерального сражения с врагом, который доселе во всех схватках его одолевал, а теперь шансы на победу были равны.

Поздновато пришло к Марине это чувство. Тогда, когда другой уже распорядился за нее, решил, не то, как ей дальше жить, а то, как она жить уже не сможет. Всего одним своим телефонным звонком: «Собери мои вещи. Я ухожу от тебя».

Она опять заплакала, но были это уже не слезы безнадёжности или растерянности, а обиды и даже злости на себя, такую лапшу!

Теперь она запихивала в мешок вещи не старые, но надоевшие, долго не снашиваемые, хотя и вышедшие из моды. Целый тюк секунд-хэнда, как она сама, кстати, пошутила!

Если их переделать... Мысль мелькнула, но не нашла отклика в ее душе. Для таких дел нужен подъем, желание

выглядеть, нравиться, в наличии же присутствовал явный упадок.

Мешок заполнился под завязку, и Марина пошла за следующим. Трехстворчатый шифоньер был битком забит, как упомянутый магазин «вторые руки». А еще на антресолях пылились два огромных чемодана, в которых лежали вещи, пересыпанные антимолью.

Но до антресолей очередь дойдет позже. Марина даже толком не помнила, что там, и подозревала, какие «сюрпризы» ждут хозяйку!

Пришлось тащить эти мешки вниз — в мусоропровод они бы не влезли, — и только на первом этаже она сообщила, что идет в белом купальном халате, но возвращаться ей было лень.

Марина прислонила мешки к огромной емкости за деревянными дверями, в которую с верхних этажей ссыпался мусор. Две старушки, сидевшие на лавочке как раз напротив дверей, едва дождавшись, когда она отойдет, рысью кинулись к ее мешкам. А она еще думала, поставить их рядом или забросить наверх!

Десять дней назад она мало чем отличалась от этих самых старушек.

Марина вошла в подъезд и стала подниматься по ступенькам, и тут только алкоголь ее достал. Можно сказать, со всех сторон. Ее желудок, десять дней обходившийся одной водой, содрогнулся, приняв в себя одним махом хлеб с икрой и красное десертное вино «Черный лекарь». Новая жизнь начиналась тяжело. Со спазм, головокружения и тошноты...

Неужели у нее из жизни выпало целых десять дней? И тут же внутренний голос подсуетился: «Одиннадцать лет семейной жизни выпало... из жизни! Об этом бы подумала».

Марина закрыла входную дверь на два замка, накинула дверную цепочку — ее отчего-то лихорадило. То ли от выпитого, то ли начинался новый виток ухода от действительности.

Телефонный звонок зазвенел среди тишины точно набат. Марина как раз подошла к кровати, поймала себя на этом привычном маршруте, ноги несли ее сами, и от неожиданности покачнулась, но трубку взяла.

Звонила школьная подруга, которая до того не звонила лет пять. Наверное, биополе урожденной Меньшовой излучает такой громкий сигнал SOS, что отзываются на него даже вот такие давно не звонящие друзья, как Катя.

— Слушай, Мариша, сегодня видела на улице Лизку Лях. Вообще-то она теперь не Лях, а, кажется, Демченко... или Дименко... не важно! Она мне такое порассказывала! Веришь, меня просто распирает от желания поделиться с кем-нибудь, кто Лизку прежде знал.

Лиза была самой красивой девочкой в классе и первой из всех вышла замуж за какого-то крутого мужика. У него была и машина, и дача. Квартиры не было, он оставил ее бывшей жене, а новую квартиру Лиза с мужем купили уже спустя год. Все знакомые девчонки ей завидовали.

И вот теперь...

— Представь себе, — вздохнула Катя. — От нее ушел муж. От Лизки! Я думала, в крайнем случае это делает она... Уйти от такой женщины!.. И что ты думаешь? Она не растерялась. Шутила: улетаешь, лети, пожалуйста! Занялась собой. Массаж, бассейн, маски, то да се. Помолодела лет на десять. Пять лет назад она выглядела старше, чем сейчас. И думать забыла про своего козла. А он, между прочим, уже обратно скребся.

— Зачем?

— Как зачем? Та-то вроде и помоложе Лизки, и ногами подлинней, зато в голове одна извилина. Представь, после Лизаветы, которая и Баха знает, и Гете... Короче, он поскучал с этой молодой и длинноногой, да и передумал с ней оставаться, решил к Лизке вернуться.

— А она?

— Не пустила. Зачем он теперь ей? У нее мэны покруче, а уж внешностью — не чета плюгавому Эдику. Слушай, я видела одного из них — вылитый Сильвестр Сталлоне!

Марина положила трубку и задумалась. Безусловно, пример Лизки куда лучше Нинкиного. Так что до той поры, пока информация о неурядицах в Марининой жизни достигнет широких слоев населения, ей нужно успеть кое-что сделать. Она представила, как ее вот так же обсуждают между собой подружки, и поежилась. Катьке не сказала ни о чем. Хотя она поинтересовалась:

— Как там твой Ковалев?

— Процветает, — сказала Марина правду.

— Счастливая! — сказала Катька.

Конечно, она не отделяла Михаила от Марины. Раз ее муж процветает, значит, и она тоже. Пусть подольше будет в неведении. Лучше уж привлекать к себе внимание успехом, чем несчастьем.

Утром Марина позвонила на работу. Попала на начальника — благо он приходил раньше других.

— Лев Евгеньевич, я разболелась. Извините, что не звонила. У нас не работал телефон, строители рыли котлован, бульдозером линию зацепили... И дома никого не было. Сегодня впервые с постели встала. У меня больничный лист...

— Конечно, конечно, — засуетился начальник. — А когда ты выйдешь на работу?

— Я как раз звоню, чтобы попросить у вас отпуск...

— Ковалева! — возмущился он. — Ты же не хотела идти в отпуск. Я предлагал. Ты забыла? Мы пообещали Малышенко.

— Но я же не знала, что заболею!

— У тебя что-то серьезное?

— И не говорите, неделю пробыла между жизнью и смертью.

— Что же у тебя за болезнь такая? Лето, тепло...

— Какой-то азиатский вирус, — беззастенчиво соврала Марина и сама этой легкости удивилась.

Прежде начальника она побаивалась и, разговаривая с ним, обычно робела или, как говорила Вика, бекала-мекала. Теперь она говорила, слегка растягивая гласные, явно кокетничала и отчетливо представляла себе, как удивлен Лев Евгеньевич.

Он, как мужчина, сразу почувствовал, что с его не приметной, серенькой бухгалтершей что-то произошло. Ее неизвестно откуда взявшийся грудной голос волновал даже при телефонном разговоре. На мгновение ему показалось, что он говорит совсем с другой, незнакомой ему женщиной.

— Ковалева! — позвал он, чтобы избавиться от наваждения.

— Слушаю вас, шеф! — отозвалась она, и это тоже было новым — шефом Марина его никогда прежде не звала. И потом, этот доверительный тон... — Скажите Малышенко, что я вернусь через две недельки. Только подлечусь немного.

Сказала как о деле уже решенном, и главбух, только что собиравшийся ей отказать, лишь спросил:

— Тебе отпускные начислить за две недели или за полный отпуск?

— Давайте за полный, — распорядилась она. — Лекарства, массаж, то да се. Заявление на материальную помощь я принесу...

Ему показалось, что в слова «то да се» Ковалева вложила какой-то особый смысл, так что он даже тряхнул головой, отгоняя от себя это непривычное от общения с ней впечатление.

Главбух, может, и не был бабником, но на интересную женщину порой оглядывался. Ковалева же в его сознании с этим понятием никак не ассоциировалась. Почему же вдруг его так взволновал разговор с ней?.. Да, и это — материальная помощь. На его памяти Ковалева никогда о ней не заговаривала. Другие брали, не стеснялись, а эта всегда молчала. Деликатничала. Ну ей никто и не предлагал...

Марина слушала свои переговоры с главбухом как бы со стороны, и собственное кокетство ее удивило. Чего в ней прежде никогда не было, так это кокетливости. А тут... Что Марина хотела доказать людям и самой себе? Что она женщина, которая может увлечь мужчину? Скорее всего ей хотелось соскрести с себя поставленное ее мужем клеймо: «Да кому ты нужна!»

Кажется, Марина отвела от себя угрозу быть уволенной по статье за прогулы, — вряд ли бы ей сошло с рук столь долгое отсутствие на работе. Она села на кухне завтракать и включила телевизор. На пятом канале шел какой-то показ мод, и она стала внимательно его смотреть.

Оказывается, длина юбок, которые она постоянно носила, уже «неактуальна». Нужно было или покороче, или подлиннее. И поскольку подлиннее из готовой юбки она сделать уже не могла, то решила сделать покороче. То есть взяла большие портняжные ножницы и отчекрыжила сан-

тиметров пятнадцать. Пока смотрела какой-то детский мультсериал, вручную подшила юбку.

Кофты подходящей к ней не было, зато на Мишкиной вешалке она отыскала блейзер с короткими рукавами, который стал ему узок из-за появившегося животика. Зато Марине он оказался в самый раз.

Теперь — голова. Она распустила волосы и впервые ужаснулась, оценив их непрезентабельное состояние. Волосы выглядели какими-то тусклыми, нездоровыми, и, будь в них седина, они показались бы принадлежащими глубокой старухе.

Марине отчего-то стыдно стало даже выходить с такими волосами из дома, так что она надела какую-то косынку и здесь же, в небольшом магазинчике при доме, купила краску для волос. Дорогую, но ту, которая обещала моментальный эффект в виде сияющих здоровьем волос.

Много лет она делала себе длинную «химию». Причем не в лучшей парикмахерской, а в той, где подешевле. «Химия» была удобна. Немного посидела, потерпела на голове какую-то гадость — и полгода ходи, ни о чем не думай. А в последнее время не делала даже этого...

Она и теперь не пошла в дорогую парикмахерскую, это потом. Сейчас надо было лишь укоротить волосы настолько, чтобы срезать и остатки «химии», и краски — пусть эти клочья, как и обломки ее прежней жизни, уборщица выбросит в мусор!

Она села не глядя к самому молодому мастеру, девчонке лет восемнадцати, и сказала:

— Сделайте мне каре.

Это была единственная стрижка, название которой Марина знала.

— Длинное? — уточнила та.

— Короткое!

Парикмахерша замялась.

Марина поняла, что эта соплячка уже все за нее решила: мол, в таком возрасте нужно носить только длинное — это ее мнение. Но Марина как раз бросала вызов своей судьбе и всему свету, и если бы раньше она просто поплыла по течению — мастеру виднее, длинное так длинное, то теперь она повторила нетерпеливо и громко:

— Может, вы не знаете, как делать короткое каре? Тогда я пересяду в кресло к другому мастеру.

На самом деле Марина вовсе не чувствовала в себе такой решительности, какую хотела изобразить. И насчет короткого каре тоже. Может, права девчушка и поздно ей выпендриваться, судя по ее реакции, изображать на голове нечто молодежное?

Но что-то — может, инстинкт самосохранения личности? — продолжало удерживать ее в этом показном оптимизме, не давая упасть в пропасть, на дне которой извивались и ворочались разбитые человеческие души.

А еще Марина подумала, что несчастье дает человеку предлог выпустить наружу все, что в нем есть плохого, — как вы со мной, так и я с вами! — слить всю муть со дна души и, как ни странно, дает выход тому хорошему, в чем у человека не было потребности, или тому, что он стеснялся показывать. Например, желанию самоутвердиться. Доказать собственную значимость.

Стригла Марину мастер неопытный. Она не поняла, что к ней в кресло сел человек, начинающий жизнь сначала. К таким людям с обычными мерками подходить нельзя. Наверное, к людям вообще нельзя подходить с обычными мерками, но кто станет заглядывать тебе в душу, чтобы выяснить, начинаешь ты жизнь или заканчиваешь?

Последнее, конечно, Марина придумала для контраста. Конец жизни она торопить не станет...

И вообще, никогда прежде Марина столько не думала. И все время будто с кем-то спорила, кому-то пыталась доказать, что ее сломать не так-то просто. Кому? Неужели Мишке? Тому, с кем прожила одиннадцать лет и кому просто привыкла адресовать такие речи, как мысленно, так и вслух. Первое — гораздо чаще.

Теперь Михаила не было — да и будет ли он когда-нибудь? — и она стала разговаривать со своим внутренним голосом.

— Ты любишь Михаила? — спрашивала она сама себя.

— Люблю. Он у меня первый и единственный мужчина.

— Только поэтому?

— Он — отец моего ребенка!

— Убойный довод. Я люблю, потому что родила Юрку от него. Ничего себе, критерий любви! Да ты просто эгоистка.

Это Марину задело.

— Почему эгоистка?

— Потому, что тебе не важно, любит ли муж тебя. Хорошо ли ему с тобой. Тебе главное, чтоб рядом был, и все. Тогда увеличь его фотографию, повесь на стену и ходи смотри...

А парикмахерша между тем стала укладывать ее волосы феном и вдруг на мгновение замерла от увиденного.

— А вы, оказывается, молодая!

Ей так понравилось, что стрижкой она высвободила какую-то особую Маринину суть — наверное, еще никогда так явно не проступали в женщине результаты ее работы, — что она даже стала давать Марине советы:

— Вам за волосами ухаживать нужно. Им питания не хватает. Купите бальзам, «Пантин-про-ви»...

Питания не хватает! Вроде волосы. — живое существо. Или ребенок. Если на то пошло, у Марины всем

частям тела питания не хватает. Рукам — ногти обломанные, пальцы в ссадинах. Ногам — пятки как у селянки, которая все лето босиком ходит. Коже — морщины появляться стали.

Ничего, дорогу осилит идущий. Теперь дома она развела краску и покрасила свое короткое каре.

Не обманули Марину производители краски, — волосы ее засияли, как у девиц с рекламы шампуней. Волосы цвета осенней листвы — вот как это называлось.

Она вытащила фен, подаренный мужем на какое-то Восьмое марта, и стала укладывать обновленные волосы точь-в-точь, как делала это молодая парикмахер. И что странно, укладывала она волосы, а оживали у нее глаза. Будто часть блеска от волос коснулась ее, как прежде думалось Марине, невыразительных глаз.

Она бросилась к полке с импортной косметикой — не распечатаны целые наборы: тушь, подводка для глаз. Вот! Легким движением руки... Какими большими стали сразу ее глаза. И какими длинными, черными — ресницы. Она рисовала себе лицо, как художник, истосковавшийся по краскам и мольберту.

И так увлеклась, что чуть не прозевала дверной звонок.

Глава 4

— Мама! — Сын остановился на пороге. — Mamочка, как я по тебе соскучился!

— Сынок! — Марина обняла ребенка и зарыдала.

Нет, вовсе не от жалости к себе, а от ощущения вины: как она могла подумать, что никому больше не нужна на

этом свете! А сын? Юрка! Тот, кто любит ее всякую. Он даже не заметил, что она изменилась...

— Мама, — он испуганно стал вырываться из ее рук. — почему ты плачешь? Со мной ведь ничего не случилось!

«Дура! — ругнула она себя. — Напугала ребенка своей истерикой. Зачем, скажи, ему знать то, чего он все равно по младости лет не поймет?»

А вслух она сказала:

— Извини, Юрашек, я тут несколько дней болела. Ослабела, вот и реву. Это скоро пройдет.

— Выздоровливай поскорее, а то наша воспитательница говорила, что слезы женщину старят. — Он посмотрел на нее каким-то серьезным, совсем мужским взглядом. — Мама, какая ты стала красивая; совсем как тетя Таня!

— Какая тетя Таня?

— Папина сотрудница, — проговорил сын. Он еще раз внимательно посмотрел на Марину. — Нет, ты лучше!

Марина засмеялась и перевела разговор на другую тему:

— А почему это ваша воспитательница с вами о женских слезах говорила?

— Потому что мы своим поведением ее до слез доводили!

— Хулиганье малолетнее! — сказала Марина. — А вообще-то тебе в лагере понравилось?

— Если бы нас днем спать не заставляли, то была бы вышка! У меня, знаешь, сколько друзей появилось!

— Есть хочешь?

— Нет. Нам с тетей Таней папа всю дорогу что-нибудь вкусенькое покупал. Посмотри, какой у меня живот — как барабан набитый. Можно, я лучше к Виталику сбегаяю — мы с ним сто лет не виделись. Я ему «куриного бога» привез! Знаешь, есть такой камень с дырочкой.

Если в нее какое-нибудь желание сказать, оно сбудется... Я и тебе такой же могу подарить, только взрослые не верят, что желание выполняется. Ты тоже будешь смеяться, как тетя Таня?

— Нет, сынок, я не стану смеяться и буду рада, если ты подаришь мне такой счастливый камень... А что, разговаривать с тобой мы не будем?

Юрка очень любил такие минуты их общения, когда он мог расспрашивать Марину обо всем и она отвечала на любой вопрос сына. Он каждый вечер приходил к ней на кухню и говорил:

— Давай разговаривать.

Но сейчас он уже не слышал ее. Как маленький страусенок, сунул голову в свой рюкзак, который тяжело стукнул об пол — кажется, у сына собралась приличная коллекция «куриных богов»...

Юрка подарил ей заветный камень с дырочкой и что-то рассовал по карманам. Но оказалось, ее вопрос он не прослушал.

— Разговаривать вечером будем, — серьезно сказал он, — как всегда.

«Здорово, похоже, зацепила Мишку эта тетя Таня, — подумала Марина, — если он ее даже с ребенком знакомит!»

Она грустно усмехнулась: как ни внушай себе, что тебе все до лампочки, как ни говори родным, что тебе безразлично, где твой муж и что с ним, а так просто эта зараза из сердца не выковыривается...

На работе ей таки дали две недели отпуска, вот Марина и должна потратить их на реабилитацию. Превратить полуживого хомо сапиенс, такого биоробота, в нормальную человеческую особь.

О том, что делать, вопрос у нее не стоял. Приехал Юрка — кое-кого любимый внук и любимый племян-

ник, — нужно отвести его в родительский дом. Слава Богу, от родителей ничего скрывать не надо. Они не станут насмешничать и злословить. Даже Вика, которая прежде всегда любила над ней подшутить.

— Я, как Маришка, замуж торопиться не стану, — заявляла она. — Разве мне у родителей плохо? Кто и где еще меня пожалеет и приголубит?

— Где еще я смогу сутками бездельничать и спать до полудня? — подсказывал их отец, Меньшов-старший.

Родители жили в трехкомнатной квартире в старом фонде. Потолки у них были высокие, три метра, а стены кирпичные, толстые, танком не прошибешь. С ковалевским панельным домом не сравнить. Здесь все по-хорошему патриархально. Лепнина на потолке, которую родители не стали отбивать, когда делали ремонт. Большие коридоры. Огромная лоджия, размером с Маринину гостиную.

Марина любила бывать у родителей. Но вот что интересно: любить-то любила, а бывала так редко, что стыдно и вспомнить. А чем она занималась? Готовила обеды, вылизывала до сияющего блеска свою квартиру, так что, кажется, вместе с милым домашним беспорядком из нее незаметно исчез уют. Осталась та самая стерильная чистота, за которую Марина так боролась.

Может, скажут, что так не бывает? Бывает. Порой квартира сияет чистотой, а в ней неуютно, как в холодильной камере. Или в операционной.

В общем, Марина дала сыну пообщаться с друзьями до шести вечера, а потом выловила его на спортплощадке и, несмотря на сопротивление, увела домой переодеться, чтобы поехать к бабушке с бабушкой.

Мама была дома. Вика тоже. Она работала юрисконсульт-ом в частной фирме и имела уйму свободного времени.

Пока мама обнималась с внуком и расспрашивала, как он отдохнул, сестра одобрительно оглядела ее прическу:

— Наконец-то постриглась! Хотя на человека стала похожа. Пойдем ко мне в комнату, я тебе больничный отдам. Двести рублей с тебя!

Марина отдала сестре две сотенные бумажки и взяла больничный лист.

— Владик дал насчет тебя кое-какие советы, но ты и сама пошла в верном направлении. Только вот одежда у тебя...

— Нормальная одежда! — рассердилась Марина. — Этот костюм мне Мишка из командировки привез. Я его ни разу не надевала.

Она отчего-то постеснялась надеть свою сильно укороченную юбку и блейзер. Ей показалось, что эта одежда создаст слишком резкую перемену в ее облике.

— Вот именно, пока думала, надеть не надеть, он успел из моды выйти!

В дверь постучали.

— Заходи, батя, — крикнула Вика.

Отец зашел в комнату и протянул руки к Марине:

— Здравствуй, доченька.

Марина давно не обнималась с отцом. Разве что когда на праздники чмокнет в щеку, вот и все нежности. А тут ей отчего-то захотелось прижаться к широкой родительской груди. Она бросилась к нему, обняла и вдруг заплакала.

— Ну, ну, будет...

Он неловко гладил дочь по спине, и сердце его разрывалось от жалости.

Алексей Григорьевич Меньшов, отец двух взрослых дочерей, был человеком немногословным, но от этого не

менее чувствительным, чем иные говоруны. Узнав от жены о несчастье со старшей дочерью, Алексей Григорьевич разгневался. Он был в городе не последним человеком, имел на паях с приятелем магазин автозапчастей и считался в среде предпринимателей человеком честным и порядочным. С ним охотно вели дела как бизнесмены в возрасте, так и совсем молодые. Те даже прозвали его между собой «папа Леша».

— Да я этого червяка уничтожу! — кричал он о своем зяте; и Светлана Афанасьевна, его жена, не сомневалась, что он вполне может это сделать.

— Ты погоди, — успокаивала она расхившегося супруга. — Может, они еще помирятся.

Но когда он о том же, поспокойнее, заговорил с Викой, та оказалась настроенной куда более категорично.

— Батя, на фиг он ей нужен, этот похотливый козел? Я Маришке никогда ничего не говорила, а мне подруги рассказывали, что он изменяет ей направо и налево! Уходя уходи, как говорят французы. Неужели мы, Меньшовы, не достойны лучшей участи, чем быть просителем у таких вот... кобелей!

— Хотела ругнуться? — усмехнулся отец.

— При тебе вроде стыдно, — улыбнулась Вика, — но, честно говоря, душа горит. Ну вот скажи, в кого она такая мямля уродилась? Михаил же ей на шею сел и ножки свесил. Она еще молодая женщина, а посмотришь на нее — одевается как старая гримза, за собой не следит. Ты взгляни на свою дочь мужским взглядом, со стороны: захотел бы ты сам жить с женщиной, в которой нет...

— Изюминки, — подсказал отец.

— Вот именно. Какая-то воинствующая серость. «Мне, — говорит, — ничего не надо! Я никуда не хожу. Мне уже поздно...»

— Чего поздно? — не понял отец.

— Например, носить короткие юбки. В общем, жить поздно.

— А-а, понял... Но почему поздно-то? Она же еще молодая. Всего... погоди-ка, ну-да, ей же всего двадцать девять лет!

— Объясни ей это хоть ты, может, тебя послушает...

Но тогда Марины не было рядом, а теперь Алексей Григорьевич обнимал ее, плачущую, и опять сердце наполнялось гневом. Она — глупая девчонка, ей еще тридцати нет. Что же, Михаил не видел, во что она превращается, или не хотел видеть?

Так ему было удобно. Тесть помог с квартирой, с машиной, с работой. У мужика все есть, здоровый, привлекательный, а к тому же не связанный семейными обязанностями.

Меньшов вспомнил, что он сам способствовал тому, чтобы Мишке освободить руки: любой ремонт или какая мужская работа по дому — своих мастеров присылал, к работе помельче, вроде наточки ножей или починки утюга, сам подключался, зятю вечно некогда было...

— Хочешь, мы его назад вернем? — предложил он теперь страдающей дочери.

Та подняла на отца заплаканные, но недоумевающие глаза:

— Ты что, папа, да я же со стыда сгорю — какой бы уродиной я ни была, но приводить ко мне мужчину как быка на веревочке...

— Кто это тебе сказал, что ты уродина?

На этот раз удивился отец.

— Зеркало сказало. Да и Мишка в запале обмолвился, что на меня никто не позарится.

— Вот сволочь! — не выдержала Вика. — Уж не знаю, какими глазами ты на себя смотрела, а только затуркал тебя муженек так, что из тебя комплексы и полезли!

— погоди, — остановил Вику отец, — ты у нас революционерка известная, а тут семья рушится...

— Уже рухнула! Он у другой бабы живет. Неужели после такого какая-то женщина захочет мужа обратно принять?

— Глупенькая ты еще. И хотят, и принимают, смертным боем за это бьются... Поди-ка лучше с племянником пообщайся. Нам с Маринкой поговорить надо.

Виктория фыркнула рассерженной кошкой и вышла.

— Лучше скажи мне: ты любишь своего мужа или просто одна боишься остаться?

Марина помедлила и подняла на отца глаза:

— Скорее всего второе. Я так привыкла к словам «замужняя женщина», что превратиться вдруг в одинокую мне страшно. Вроде какую-то черту перешагнуть, за которой — пустота.

— Ты что же, думаешь, кроме твоего Михаила, на свете мужчин нет?

— Есть. Но это другие мужчины. Чужие.

— Значит, все же хочешь вернуть?

— Нет, не хочу. Мне просто обидно. За себя — дуру глупую. Сколько лет я не жила, а присутствовала в этой жизни, покорная, как овца. Мне делали подлости, а я думала, что так положено замужней женщине: терпеть и страдать. В конце концов даже привыкла к этому. Как раб к своему ошейнику.

— Не переживай, дочка, кто знает, может, после этого удара жизнь твоя к лучшему повернется, — проговорил отец. — Встретишь ты еще свое счастье. И, чуёт мое серд-

це, быстрее, чем думаешь!.. Пойдем-ка ужинать, а за столом и решим, что дальше делать.

Выйдя в гостиную, Марина не обнаружила там Юрки.

— Мам, куда он опять удрал? — спросила она у матери.

— К Илье в пятую квартиру отпросился — тот вроде какую-то новую видеоигру от родителей на день рождения получил.

— И когда же это Юрка успел об игре узнать? — удивилась Марина.

— По телефону Илье позвонил, а тот его к себе и позвал. Я Юру покормила, ты не волнуйся.

Мать не меньше самой Марины переживала крах семейной жизни старшей дочери. Вот, думала, у нее жизнь налажена, хороший муж, сын растет... Что же, теперь все сначала начинать?!

Но и убиваться, конечно, не стоит. Кто только не разводится! К примеру, одни друзья Меньшовых-старших почти тридцать лет вместе прожили, а теперь у обоих другие семьи...

Мать думала, ворошила мысленно случившееся так и эдак, а сама споро накрывала на стол.

— Собираем большой хурал*, — шутливо провозгласил отец.

— Не до шуток, Алеша! — одернула его мать.

— Но и без похоронных речей, пожалуйста, — умоляюще сложила руки Вика, — а то начнете причитать: одной жить нынче трудно, ребенок без отца, несчастная Мариночка...

— А что, легко? — не сдавалась мать.

— Тогда давайте своим семейным хуралом лишим ее материнских прав и передадим их мне. Будьте уверены,

* Орган государственной власти (монг.).

Юрку воспитаю современным человеком. Он себя в обиду кому попадая не даст.

— Своего роди и воспитывай на здоровье! — подключился и отец.

Марина в их диспуте не участвовала. За те десять дней, которые она спала или лежала без сна и, как казалось, без мыслей, подсознание, похоже, продолжало свою работу. Не то чтобы она враз забыла и Михаила, и семью, а как-то в один момент приняла решение и сразу почувствовала себя легче. Наверное, не уйди Михаил сам, так и жила бы с ним всю оставшуюся жизнь, не задумываясь, что можно устроить ее совсем по-другому.

Снятый ею рабский ошейник еще долго будет о себе напоминать. Шея станет казаться голой и незащищенной, но если уже сейчас не больно, то месяц-другой спустя...

— Что же Маринке-то делать, скажи, раз ты такая умная, — подтолкнула мать свою шуструю младшую.

— На море ехать! — выпалила Вика.

Мать с отцом поначалу изумленно переглянулись, а потом словно в раздумье оба поочередно кивнули: мол, а почему бы нет?

Наконец и Марина сообразила, что семья все решает за нее. Считают, будто она так глубоко увязла в своем горе, что уже ничего не соображает?

— На море? — удивилась она.

— Конечно. А для чего ты тогда отпуск брала?

— С сыном побыть.

— Знакомая песня: схватишь в охапку ребенка и будешь день и ночь над ним рыдать, ах, бедная сиротка!

— В самом деле, Марина, — заговорил отец, — можно подумать, что ты сына год не видела. Ты всегда забо-

тилась о нем, была внимательной матерью. В конце концов, не на чужих людей оставляешь, на деда с бабкой. Будем ездить на дачу по выходным. Днем то Вика, то мать за мальчишкой присмотрят — не пропадет. Вон выросли, мы с матерью работали, няньки не было. Ничего, вырастили, а возле твоего сына трое взрослых останутся.

— Да не хочу я ехать на ваше море!

— Положим, море пока не совсем наше, — засмеялся отец, — но отдохнуть тебе надо. Мы с матерью тыщонку-другую тебе подкинем, что-то на работе получишь...

— Это папа только говорит — тыщонку, а на самом деле он понимает, что для нормального отдыха нужно гораздо больше, — встряла Вика. — А я за твоей квартирой присмотрю.

— Еще чего, — не согласилась мать, — тебе только позволь...

— Ладно, я уже давно совершеннолетняя. Пьяных оргий обещаю не устраивать... Лучше скажи, Маринка, в чем ты на море ехать собираешься?

Марина вообще-то еще и не собиралась, но сестра всегда умела ее так с ходу втянуть в разговор и в немедленное осуществление своих идей, что о возражениях и забывалось.

— Как это в чем? У меня куча летних платьев. А купальник, еще мамой купленный, гэдээровский, до сих пор цел...

Что поделаешь, нельзя в одночасье отказаться от многолетних привычек.

— Так я и думала, — шутливо простонала Вика, — а босоножек из лыка с двенадцатого века у тебя не сохранилось?

— Как говорит мой сын, меня тогда еще в живых не было! А то бы непременно в шкафу лежали.

Теперь, оказывается, Марина вполне спокойно может подшучивать сама над собой. Неужели жизненные неурядицы так меняют человека?

— Скажи, — продолжала допытываться Вика, когда они остались вдвоем у нее в комнате, а родители удалились вместе на кухню — они привыкли так общаться: мама моет посуду, а отец курит у форточки, — у тебя деньги есть?

— Зарплату я почти не расходовала, и отпускные мне начислили, только сейчас мне получать их не хотелось бы... Кстати, ты не отнесешь ко мне на работу больничный лист и заявление на отпуск?

— Отнесу, ~~что~~ же.

— И придумай там что-нибудь. Ну, что я покудела или подурнела после болезни, потому и стесняюсь.

— Не волнуйся, придумаю. Ты же знаешь, мне это — ~~тыфу~~! Так как насчет денег? Я ~~спрашиваю~~ про нормальные деньги — про сбережения, понятно?

Марина помедлила, соображая.

— У Михаила есть сберкнижка, а дома... Разве что деньги, которые я откладывала ему на японские часы. Он все мечтал. Дорогущие. Я хотела подарить на тридцать пять лет.

— Перебьется, — распорядилась Вика. — Любовница подарит. Тетя Таня.

Что-то на мгновение сжало сердце Марины — теперь и Вика знает имя его любовницы, — но она приказала себе: «Прекрати! Все это в прошлом». Ей и в самом деле стало легче. Хорошо бы научиться вот так снимать все стрессы — прикрикнуть на свое стонущее второе «я», и все в порядке.

— Ты откуда знаешь?

— Земля слухом полнится... Юрка успел бабушке рассказать. — Она прикрикнула на сестру: — Привыкай! Чем скорее переболеешь, тем лучше. Это называется шокотерапия. Кстати, помнишь, реклама: девчонка смотрит на красивого парня, потом глаза вниз опускает, а у него вместо ног лошадиные копыта, кентавр, значит. По-нашему — это шок!

— Что-то я не пойму. Ты мне советуешь на море кентавра присмотреть?

— Наоборот, советую глаза вниз опускать. Вдруг у него копыта.

— Ну, сестра, твои намеки по меньшей мере странные. Смотри вниз! Имеешь в виду — на то, что ниже пояса? Скажешь тоже.

— Пошлячка! — рассмеялась довольная Вика. — Знаешь, а у тебя уже получается.

— Что именно?

— Юмор на современный манер!

Глава 5

Загоревшаяся идеей Вика — это тайфун, цунами, извержение вулкана. Вчера посадила Марину на маршрутку — домой сестру провожала, — а сегодня чуть свет примчалась:

— Вставай, мы с тобой идем на барахолку!

— Они так рано начинают работать? — удивилась Марина; одна ее знакомая говорила, что раньше девяти на «толчке» делать нечего.

— Сейчас половина восьмого, так? Сорок минут тебе на сборы: душ, косметика, то да се...

— Ты же знаешь, я не пользуюсь косметикой, — запротестовала Марина. Но тут же вспомнила, что не далее как вчера она накрутилась, и даже с удовольствием.

— Не поль-зо-ва-лась, — раздельно произнесла сестра. — Но смогла же вчера выглядеть как человек. Правда, тени выбрала не те и накрутила по старинке, все равно, это шаг вперед. Сегодня воспользуешься косметикой под моим руководством. Я лично тебя накручу.

— Спасибо, мама с папой меня давно накручивали.

— Мама с папой делали тебя в советское время, а тогда с красками была напряженка! — отпарировала эта хулиганка. — И потом, они сделали заготовку, так называемый полуфабрикат, а шлифовка женщины происходит в течение жизни. Иди в душ. Принимай контрастный. Надеюсь, ты знаешь, что это такое? Горячий — холодный, горячий — холодный. Закончишь холодным.

— Так холодно же, — поежилась Марина.

— Ни фига себе, на улице плюс двадцать пять.

— Вика, а может, не надо?

— Надо, Мара, надо!

Так они прежде поддразнивали друг друга. И что интересно, и прежде, и теперь Виктория всегда стояла на своем, а Марина рано или поздно ей подчинялась. Конечно, она могла бы сжульничать с душем, но отчего-то побоялась, что младшая сестра уличит ее в обмане, и тогда шуму не оберешься.

Контрастный душ оказался вовсе не так страшен, как Марине представлялось, а когда она после него взглянула на себя в зеркало, на нее смотрела свежая, порозовевшая, непривычно молодая физиономия — она давно уже такой

себя не видела. И вообще, прежде Марина принимала душ по вечерам — утром ей было некогда. Она кормила Мишку, отправляла в детсад, а потом в школу Юрку, так что до себя руки уже не доходили. А ведь могла просто встать на пять минут раньше...

Свой экскурс в будущий «прикид» Вика начала еще в трамвае.

— Как ты думаешь, что главное в женщине, едущей на море?

— Лицо? — попробовала угадать Марина.

— Шляпка! Женщина на отдыхе начинается со шляпки, потому на нее нельзя жалеть деньги.

Они такую и купили. За эту цену у оптовиков Марина запросто могла купить себе неплохое платье.

Босоножки... Оказалось, что босоножки по важности стоят на втором месте после шляпки. Их отчего-то Вика выбрала на высокой платформе.

— Я еду отдыхать или дефилировать? — уже стала пугаться сестринского размаха Марина.

— Отдыхать дефилируя, — отмахнулась та. — Скажи спасибо, что не выбрала тебе их на шпильке. Ладно, думаю, пожалею. Еще сломает ноги, катай ее потом в коляске! Но вечерние туфли купим на шпильке, тут уж не обессудь. Привыкай.

— Зачем туфли-то, босоножками обойдусь!

— А если кто-нибудь пригласит тебя в ресторан?

Первое выбранное сестрой платье было из материала, напоминавшего тонкий ситец, розового цвета, с маленькими белыми цветочками, длинное, до щиколоток, оно оканчивалось двумя рюшами. Сзади платье выглядело более-менее закрытым, зато спереди неожиданно резко ныряло вниз, обнажая грудь почти до сосков. Причина, чтобы тут же купить под него особый лифчик.

Следующим был цыпленочно-желтый махровый костюмчик: футболка и короткие шортики.

И сам «толчок», и вещи, которые прежде она на себе даже не представляла, а теперь оказалась вынужденной постоянно примерять, менторский тон Вики, который она принимала с покорностью, так сбили Марину с толку, что она ходила за сестрой, будто бычок на веревочке, и кивала на все ее вопросы, как китайский болванчик.

Большая дорожная сумка, в сложенном виде помещавшаяся в небольшой пакет, по мере покупок все увеличивалась в высоту. Вика сначала открыла одну молнию, а когда это отделение заполнилось, потянула за другую. Марина и не ожидала, что столько вещей для нее можно купить вместо японских часов для Мишки.

— Ты хоть на отдых что-нибудь оставь, — попробовала утихомирить сестру Марина.

— Тебе батя две штуки обещал? Думаю, даст пять. Обойдешься! В крайнем случае скажем, пусть еще в кошельке пороется.

Остановилась она лишь на белом спортивном костюме — тайной мечте Марины, теперь осуществившейся. На нем Викина энергия иссякла.

Правда, прощаясь недалеко от дома Ковалевых, Виктория сообщила еще более странную вестъ:

— Днем выпись, волосья уложи, я приду ближе к вечеру, где-то в половине пятого, сделаю тебе лицо. Сегодня мы с тобой идем слушать оперу.

— В каком смысле — оперу? Это что, шутка такая?

— Господи! — простонала Вика. — Тебя, случайно, звать не Маугли?

Марина как раз в это время ела мороженое в вафельном стаканчике, так она этим стаканчиком едва не подавилась.

— Настоящую оперу? А как она называется?

— Тебе не все равно? Хорошо, оперу Шарля Гуно «Фауст». Слышала о такой?

— Вика, умоляю, оставь меня в покое, — заныла Марина. — Я сроду не ходила в оперу. Нашла меломана!

— И не мечтай! — категорически заявила сестра. — Ты начинаешь новую жизнь, а это всегда трудно.

— А без оперы нельзя?

— Никак нельзя!

А правда, почему Марина никогда не ходила в театр? Она вообще мало куда ходила, но в их городе три театра, не считая филармонии, в которой постоянно выступает какая-нибудь знаменитость. Билеты дорогие? А во сколько же вы ценили свою жизнь, госпожа Ковалева?

Поругав себя для порядка, Марина смирилась и приготовилась к походу в театр, как и требовала Вика. И платье приготовила. Новое, вечернее, которое они как раз сегодня купили с Викой.

Чувство какой-то праздничной торжественности охватило Марину, едва она с сестрой вошла в фойе музыкального театра. Всюду сияли зеркала, с высокого потолка лила яркий свет хрустальная люстра, стены украшали фотографии ведущих артистов...

К сожалению, как отметила Марина, люди были одеты средненько. Некоторые вполне буднично, так что обе сестры в вечерних платьях даже выделялись из толпы.

Для чего Виктория это придумала, непонятно. Вернее, было бы перед кем выкаблучиваться, потому что мужчин в театре оказалось гораздо меньше, чем женщин, а те, что пришли, в основном были с женами.

Но интереснее спектакля ей показалась реакция на него Виктории. Та комментировала содержание вполне в современном духе:

— Нет, ты подумай, какие козлы! Что же это они все про невинность да про невинность пели? Можно подумать, женщину, кроме одной самой первой ночи, больше использовать нельзя!.. Ты посмотри на этого мерзкого братца! Мало того что он сестру ославил на весь город, он еще ее проклинает за то, что она с красивым мужиком по любви переспала!.. Чего она перед этими ханжами в ногах валяется: простите да простите! Не прощают, и не надо!

На сценах Вальпургиевой ночи Вика оживилась:

— Если бы кто этой дурехе Маргарите рассказал, как в аду весело, она бы так не убивалась. Посмотри, какие черти красивые. Не чета этому престарелому Фаусту!.. Подумаешь, соблазнитель! Да наш Сережка Никольский ему сто очков фёры даст!

— Кто это такой?

— Так, один мой знакомый адвокат. Красивый до потери пульса!

В конце концов какая-то женщина с переднего сиденья не выдержала и прикрикнула на нее:

— Девушка, в опере принято слушать, а не разговаривать!

Вике пришлось замолчать, но потом, когда ехали в троллейбусе домой, она все возвращалась к разговору об опере.

— Этот «Фауст» безнадежно устарел. Просто зло берет! И чего я тебя на него потащила! В наше время, между прочим, нормальные мужики вообще не любят с девственницами связываться. Говорят, возни много, а удовольствия — ноль целых хрен десятых...

— Ой, сестренка, до чего тебя работа с мужиками портит! Можно подумать, я не с молодой девушкой общаюсь, а с лихим гусаром. Что за выражения!

— Ладно, Марка, не будь ханжой. Это я для прикола так говорю. С любимым человеком я плохих слов употреблять не стану.

— А зачем ты меня заставила вечернее платье надеть? Ты же видела, таких, как мы, там почти не было.

— Вот и хорошо. Я хотела, чтобы ты к нему привыкла. Как говорится, обкатала. А где-нибудь на званом вечере ты бы кукожилась и старалась в толпу затереться. Там, знаешь, какие фифы попадают! Надо соответствовать.

— погоди, куда ты меня тащишь?

— Как это — куда: разве ты не у нас сегодня ночуешь?

— Нет, я хотела бы поехать к себе домой.

— Я тебя понимаю, — завистливо вздохнула Вика. — Если бы у меня была отдельная квартира, да еще на другом конце города, подальше от родительского дома...

— Что за странные нотки я слышу? — покачала головой Марина. — То ты мечтала подольше оставаться рядом с папой-мамой, а теперь вознамерилась отделиться?

— Созрела, значит, как говорил Высоцкий. Смотри, сейчас уже поздно, а ты пойдешь домой одна. У нас город криминогенный. Ты давно по вечерам одна не ходила?

— Лет десять.

— Вот видишь, подумай. Я не хочу каркать...

Но, как оказалось, сестренка все-таки накаркала.

Марина сразу почувствовала нездоровое любопытство этого парня. Он не просто смотрел на нее, а как бы ошупывал взглядом. Никогда прежде она не думала, что взгляд может быть таким осязаемым!

Вначале парень стоял в другом конце вагона. Марина обратила внимание, как тщательно он осматривает находящихся в трамвае женщин. И вот его взгляд упал на нее.

А Марина увидела себя его глазами. Платье они с Викой купили синее, цвет электрик, как сказала сестра. Он так оттеняет ее глаза, что они кажутся не голубыми, а синими. Импортная бижутерия сверкает в ушах и на шее. Декольте наполовину обнажает грудь — прозрачная накидка не столько прикрывает глубокий вырез, сколько его подчеркивает.

В какой-то момент она подумала: «Проеду в этом трамвае круг, а в центре пересеяду на троллейбус и таки переночую у родителей. Улица там освещена, в холле консьержка дежурит...»

А потом ей стало стыдно: у страха глаза велики. Парень просто пялится на нее, а она напридумывала черт-те что!

И даже когда он встал за ее спиной, чтобы выйти на той же остановке, Марина все ещё не верила, что он идет следом за ней.

Чтобы не поддаться страху, она намеренно не стала ускорять шаги, даже будто замедлила их. Тот, сзади, тоже не торопился, но и не отпускал ее от себя. Так они и шли на расстояний, шаг в шаг.

Мысли ее лихорадочно работали, но Марина никак не могла придумать, что делать. Наконец она не нашла ничего лучше, как изобразить, что у нее расстегнулась пряжка на босоножках. Она отошла на край тротуара и нагнулась. Он поначалу проскочил вперед, а когда она пошла следом, обернулся и буркнул:

— Что вы там за мной колдуете?

— Я не люблю, когда кто-то идет за моей спиной! — проговорила она как ни в чем не бывало.

— Я тоже не люблю, — сказал он и замедлил шаг. Некоторое время они шли рядом, как двое хороших знакомых.

— Вы живете неподалеку или просто пошли за мной? — спросила она напрямик.

— Пошел за вами. — Он тоже не стал скрывать своих намерений.

От его неожиданного признания она даже остановилась посреди дороги: еще подобного ухажера ей не хватало в довершение ко всем жизненным неприятностям!

— Да уж не убить, не бойся, — сказал он грубовато. — Трахну пару раз, и иди себе домой.

Его неприкрытое хамство на несколько минут лишило ее не только всяческих умных мыслей, но и вообще дара речи, так что Марина никак не могла придумать очередную реплику. Но вот что странно, она стала вспоминать то, что когда-то читала, над чем смеялась да потом забыла, точно освобожденное от неких пут подсознание стало бурлить и выбрасывать на поверхность всякие куски и обломки. Например:

Трудно тем на свете очень,
У кого сосед маньяк
Всю дорогу озабочен —
Где, когда, кого и как*.

Марина засмеялась, но от волнения смех у нее получился хриплым, как у заядлого курильщика.

— Ты смеешься? Молодец, — похвалил он, — а то я побоялся, кричать начнешь.

Марина и не заметила, как они перешли на ты, но так было даже лучше, без церемоний. Теперь парень шел рядом, и раз отпала надобность скрывать свои намерения, он одобрительно посматривал на нее, будто примеривался...

* Стихи Игоря Иртеньева.

Молодой, глупый... Марина вдруг почувствовала себя женщиной хитрой и многоопытной. Откуда пришла к ней эта самоуверенность? Прежде она частенько чувствовала себя слабой, неловкой, инфантильной.

Михаил вечно дергал ее по любому поводу. Она может скороговоркой перечислить ограниченный запас выражений, которые обычно использовал муж: «Тебе этого не понять. Что ты можешь об этом знать? Не напрягай попусту свои извилины, а то морщины появятся...»

Почему она прежде не замечала, что Михаил ее не то чтобы презирает, а ценит предельно низко? То есть заранее уверен, что Марина — дурочка, женщина с низким интеллектуальным уровнем, а потому ничего умного она не скажет и ничего интересного не придумает.

Вот и этот тоже, супермен. Еще не запряг, а уже погоняет.

Она представила, как бьет ему в пах острым концом лаковой туфли. На время это лишит его охоты приставать на улице к женщинам. Членистоногое! Так пошутил по телевизору кто-то из юмористов. Мол, куда член, туда и ноги...

Нет, положительно общение с идиотами делает и ее... не очень остроумной. С кем поведешься, от того и забеженеешь! Так шутит у нее на работе главный экономист...

— А чего ты не женишься? — поинтересовалась Марина у своего сексуального маньяка. Черт-те что, люди о таком по телевизору смотрят, а ей, нате, пожалуйста, наяву! Можно подумать, она одна в чистом поле и молниям просто некуда бить, кроме как в нее...

— Так я женат, — хмуро пояснил ее преследователь. — А жена у меня такая сучка холодная... неделю надо просить, пока допросишься!

— Ты решил, что я — горячая?

— А хоть и холодная, да никуда не денешься. На мою-то попробуй руку подними. Тесть — амбал еще тот, брат — качок, оба за стенкой живут.

— Иными словами, ты приготовился меня насилловать? А ты разве не понимаешь, что твоя задумка — уголовно наказуемое деяние? — Вот что значит сестра юрист, нахваталась от нее спецтерминов. — Если я заявлю на тебя в милицию, лет пять схлопочешь!

— Кроме шуток? — изумился он. — Пять лет за то, что я захотел сделать женщине приятное?

— Чего же твоя жена этой приятности не хочет? — ехидно спросила Марина.

— Так она же дура, а ты нет. Я по лицу вижу.

— Спасибо за комплимент, — медленно проговорила Марина. — А скажи, пожалуйста, где именно ты меня собираешься... трахать?

Слово, так в современном языке распространенное, отчего-то произносилось трудно. Наверное, потому, что по отношению к себе она его прежде никогда не употребляла.

— Думаю, в подъезде, — помявшись, сообщил будущий насильник.

— А ты каких женщин любишь: покорных или чтобы сопротивлялись?

— Покорная — значит, согласная? — Он нахмурил лоб. — А чего ж тогда в подъезде? Пойдем к тебе домой!

— А если у меня дома муж?

— Нет у тебя никакого мужа! — хмыкнул он.

Марина обиделась.

— Почему это, интересно, у меня не может быть мужа?

— Ну, я не в том смысле говорю, что ты страшная какая или не при фигуре. У тебя все — высший класс! В

натуре! А в том смысле, что если мужик нормальный, он ни за что такую телку одну не отпустит. Чтобы такие, как я, не привязались. Я бы тебя к себе наручником пристегивал!..

Марина активно поддерживала этот дурацкий разговор потому, что парня забалтывала, отвлекала от его намерений, расхолаживала, в то время как сама настороженно поглядывала по сторонам и почему-то была уверена, что стоит ему перейти от слов к делу, как она найдет выход из положения.

Мысль ее продолжала работать в поисках этого самого выхода. Если, войдя в подъезд, она просто побежит, то до третьего этажа, где находится квартира Ковалевых, он ее догонит. Если она вырвется вперед, то, пока будет открывать ключом дверь, он все равно успеет ее схватить.

И самое главное, ни на улице, ни возле дома — никого! А ведь всего одиннадцатый час вечера. Что делают жители микрорайона в такое время? Неужели все разом пошли спать? Или прилипли к своим телевизорам?

Между тем до ее дома оставалось совсем немного, и она по привычке сокращать путь пошла через детскую площадку рука об руку с ее преследователем.

— Марина! — раздался вдруг строгий, но заплетающийся голос от одного из грибков; она сразу узнала голос соседа дяди Вити, которого в сильном подпитии жена частенько выгоняла проветриваться. — А с кем это ты идешь?

— Все пропало! — шепнула Марина своему спутнику, сразу сориентировавшись, что это именно тот самый шанс, о котором она в последние пятнадцать минут так горячо просила свою судьбу.

Каким бы крутым ни старался прикидываться парень, стычки с мужем, судя по всему, ему не хотелось. Он отошел от Марины, но остановился поодаль, то ли не доверяя женщине, то ли решив посмотреть, чем закончатся ее разборки с так называемым мужем.

— Витенька! — закричала Марина, побежала в своих лаковых босоножках на шпильке по песку, проваливаясь и неуклюже взмахивая руками, и рухнула на колени перед пьяницей, повергнув его в неопишное изумление.

Он бы, конечно, все испортил, если бы не был так пьян, если бы его реакция не была такой замедленной. Но даже в этом состоянии сосед отшатнулся от нее и прошептал:

— Маринка, ты чего, напилась?

— Молчи, дядя Витя, — сквозь зубы проговорила Марина. — Ругай меня, ругай последними словами, ведь я чуть было тебе не изменила.

— Ах ты, шлюха! — поднялся во весь рост сосед, много лет сгибающийся перед суровой супругой и вдруг получивший возможность отпустить на волю свои задержанные эмоции. — Ты с кем это хороводишься, сука? С этим молокососом?!

Такого ответа на свою просьбу Марина никак не ожидала. Пьяный дядя Витя почти без задержки подхватил ее реплику, вошел в роль, и теперь даже ее несостоявшемуся насильнику было ясно, что с таким психом лучше не связываться.

Сосед лишь качнулся в его сторону, как он стал отступать все дальше и дальше, будто на всякий случай выставив перед собой ладони:

— Спокойно, дядя, я только проводил твою жену! Я к ней даже не прикасался!

Повернулся и быстро пошел прочь.

— Давай я отведу тебя домой, дядя Витя, — предложила довольная Марина.

— Лидка не пустит! — сказал он убежденно.

— Пусть только попробует! — рассмеялась она и чмокнула пьяницу в щеку.

Глава 6

Билеты до Геленджика, куда ехала Марина, оказались на самый первый рейс, и, чтобы успеть на него, пришлось подниматься чуть свет. Хорошо хоть, с помощью Вики чемодан заранее сложила. Теперь сестренка стояла возле нее в коридоре в ночной сорочке, мучительно зевая во весь рот, но не забывая дать ей последние указания:

— На квартире не экономь. Бери получше, со всеми удобствами. Возле моря. Если она будет далеко, лишний раз на пляж не сходишь, по себе знаю. Ешь побольше овощей и фруктов, не жадничай. Вдруг денег не хватит, я тебе тут же телеграфом вышлю. Помни, ты должна вернуться другим человеком...

— Вот еще, на море фрукты покупать! Дома наемся, а то ты не знаешь, какая на море дороговизна.

— Опять про экономию. Ты что, Гобсек? Будь хоть чуточку эгоисткой, вспомни мой девиз!

— Люблю себя и балую?

— Именно! Не жлобься! Летом каждый день важен: что летом есть будешь, так зимой выглядеть станешь!

— Не Виктория, а врач-диетолог.

— Пospорь у меня! Чтoб приехала помолодевшая, загoрeвшая и с мужикoм.

— Меду, да eще и бoльшoй лoжкой, — прoбурчала Мaрина.

Ментoрский тoн сестры смeшил ee и, кaк ни стрaннo, успокаивал. Единствeннoe, чтo ee беспокоило, тaк этo сoдeржимoe бoльшoй дoрoжнoй сумки из гoбeлeнa, в кoтoрoй oнa вeзлa свoй нoвый гaрдeрoб. Мaрина спускалaсь пo лeстницe и мeжду прoчим думалa, чтo, нaвeрнoe, oдeждy нaдo приoбрeтaть пoд чeлoвeкa, пoд eгo нaстoящий oбpaз, a нe приспoсaбливaться к oдeждe, кaк к мaтрицe, с кoтoрoй ты дoлжнa сoвпaсть...

Кaк ни убeждaлa ee Вика дeржaть пoдбoрoдoк припoднятым, спину прямoй, взгляд oткрытым, у Мaрины этo никaк нe пoлучалoсь. Oнa нe умeлa сeбя нeсти. И прeпoднoсить. Длa этoгo нужнo былo имeть вpoждeннoe чувствo увeрeннoсти в сoбствeннoй крaсe или вoспитaть eгo в сeбe.

Нo прoцeсс вoспитaния — дeлo, рaстянутoe вo вpeмeни, тaк чтo Мaрина скoрee вceгo тoлькo к старoсти смoжeт рaспрямить спину и пoнeсти сeбя среди тoлпы...

Или нeт, среди тoлпы сeбя пoнeсeт, a вoт спину рaспрямить ужe нe смoжeт. И сeбя ужe нe пoнeсeт, a пoтaщит. Пoвoлoчeт... Ну нe мoжeт oнa нe зaнимaться сaмoуничижeниeм, хoть умри! Гдe тaм этa нeсчaстнaя спинa? Рaспрямляйся, пoкa нeт oстeoxoндрoзa!

Тeпeрь Мaрина стoялa нa мoрскoм причaлe — ждалa кaтeрa, кoтoрый рeгулярнo хoдил дo пoсeлкa нa мoрскoм бeрeгу, гдe oнa в дeтствe частeнькo oтдыхaлa вмeстe с рoдитeлями.

Пoтoм нaчaлaсь пoсaдкa в кaтeр. Рeйсoвый тeплoхoд стoил нeскoлькo дeшeвлe, нo зa спиной Мaрины будтo нe-

зримо стояла Вика и следила, чтобы она не экономила и ни в чем себе не отказывала, иначе не заметишь, как вернешься в прежнее, до боли знакомое состояние: ей ничего не надо, у нее все есть! При том, как выяснилось, что на самом деле не было ничего. Этим состоянием сестра ее откровенно пугала.

Катер неся над морем, задрал нос, и казалось, что он время от времени превращается в птицу, которая лишь делает вид, что плывет, а сама уже давно летит над водой.

Ветер сильной ладонью толкал Марину в лоб — она сидела на самом носу суденышка, — и Марина тихо смеялась от восторга.

У нее вдруг словно началась жизнь, отличная от той, которую она покинула всего несколько часов назад. Перед ней было бескрайнее море, вольный ветер и свобода лететь вдаль, не думая ни о чем. Принадлежать себе и своим желаниям и не думать о том, что она кому-то что-то должна...

Теперь Марина была рада, что родные прямо вытолкнули ее в эту жизнь, в отдых, на море. Ведь сестра угадала — ее первоначальное намерение провести полмесяца с Юркой на самом деле было не чем иным, как попыткой ухватиться за что-то прочное, привычное. Как ни парадоксально это звучит, за некое вечное понятие, символ постоянства.

Сын — вот тот, кто не предаст, не бросит, не переметнется на другую сторону. Она нужна была ему сама по себе, просто потому, что Марина — его мать. Он не хотел другой матери. Он бы не стал другую искать...

Выходит, она действительно собиралась прожить эти две недели вместе с сыном, судорожно обнимая его и причитая: бедная сиротка? Марине странно было вот так вы-

ворачивать себя наизнанку, искать скрытые мотивы и объяснения поступков там, где люди обычно не ищут, потому что считают это само собой разумеющимся.

Теперь она пошла дальше и вспомнила, что в таком состоянии некоторые женщины живут не две недели, а годами, порой всю жизнь, выращая в себе, а заодно и в своем ребенке зерна ненависти к негодяю-отцу. То, что прежде казалось ей гипертрофированной материнской любовью, на поверку выходило тем самым эгоизмом, против которого предостерегала Вика.

Безо всякой связи с этими своими рассуждениями она вдруг вспомнила пьяненького соседа дядю Витю, которого она вела по лестнице на третий этаж, преисполненная благодарности к нему за спасение от сексуально озабоченного мужчины, а он вдруг совершенно трезвым голосом спросил ее:

— Так что это был за парень?

— В трамвае пристал, — честно пояснила она. — Жена ему, видите ли, отказывает в интимной близости, вот он пытается на других женщинах отыграться.

Речь ее была излишне витиеватой. Она думала, что сосед ее не поймет, и потому подбирала слова, объясняя ему причину, по которой парень ступил на преступный путь. Марина была уверена, что он плохо кончит.

— Понятно, — кивнул дядя Витя, опять стремительно пьянея. — Есть такие суки — мужу не дают, а потом гоняются за ним, когда он другую находит. И кричат, что он кобель...

Марина позвонила в дверь его квартиры, и соседка зло крикнула, не открывая двери:

— Иди к своим друзьям, алкаш чертов!

— Тогда пусть он у меня переночует, тетя Лидя? — предложила Марина.

Дверь тут же распахнулась, и соседка несколько минут обалдело на нее смотрела.

— А вы кто... Марина, ты, что ли?

— Конечно, я, — рассмеялась Марина. — Паспорт показать?

— Ты это, чего... пластическую операцию сделала?

Теперь был черед Марины уставиться на нее с открытым ртом. Дядя Витя воспользовался паузой и проскользнул в квартиру, а жена и не подумала его задержать.

— Ничего я такого не делала, — сказала Марина. — Постриглась да покрасилась.

— А что случилось-то? Может, наследство получила?.. Да погоди ты, не смейся, я просто узнать хочу, от чего женщины вдруг так расцветают.

— Муж от меня ушел, — пояснила Марина и стала открывать дверь в свою квартиру.

— Счастливая! — вздохнула ей вслед соседка...

Квартиру поблизости от моря Марина нашла быстро. Правильнее было бы сказать, что это квартира нашла ее. Марина просто пошла по одной из улочек, которые начинались почти от самого причала, и первая же встретившаяся ей опрятная старушка сама спросила:

— Девушка, вы не квартиру ищете?

Теперь ее опять стали называть девушкой. Опять, потому что ей скоро тридцать, или опять, потому что она и вправду помолодела? В последнее время к ней чаще обращались: женщина! Не походила она на девушку. И одежду носила темную, и вечные бабские кудряшки на голове. Как говорится, без вариантов...

— Дней на семь-восемь, — кивнула она старушке.

Та явно обрадовалась, но вслух сказала:

— Вам повезло. У нас на улице уже все переполнено. Соседка даже в сарай взяла... А ко мне из Воркуты обеща-

лись приехать. Мои старые постояльцы, я для них и держала комнату. В последний момент у них там что-то случилось, вот я и осталась на бобах...

Она осеклась. Теперь получалось, что это Марина ее благодетельница, а старой женщине хотелось, чтобы было наоборот.

Комната оказалась маленькой и чистенькой. Хотя вовсе не такой, какую советовала снять Вика. Невооруженным глазом видно, что удобства здесь во дворе, а рамы на окнах сделаны без форточек и шпингалетов. Намертво. Для проветривания не откроешь. У бабушки в селе были такие окна. Но ничего, если не закрывать дверь, свежий воздух будет поступать. Да и жить-то здесь Марина собиралась только ночью. Спать, ежели точнее. В остальное время — дышать морским воздухом и загорать.

Она оставила в комнате сумку с вещами, переделалась в махровые топ и шорты. Пляжная сумка у нее была приличных размеров, но, как принято говорить, эксклюзив. Виктория смастерила ее собственноручно и сделала аппликацию, вырезав забавную морду тигра со старой майки. А сама сумка — кто догадается! — выбеленный перекисью мешок из-под картошки.

Марина направилась к пляжу. У моря она помедлила, жадно вдыхая морской воздух, пропахший водорослями и дальними странствиями. С утра она была полностью захвачена дорогой, своими перемещениями по ней, скоростью, с которой она переходила из одного ландшафта в другой: город, степь, силуэты невысоких гор, горы, за которыми открылось море...

Был яркий солнечный день, море искрилось до горизонта ровной синей гладью, безо всяких там гребешков и барашков, которые появляются под жестким гребнем ветра.

Отдыхающие расположились по всему пляжу, как если бы кто-то высыпал людей из мешка и они вывалились на гальку кто как упал...

Марина усмехнулась собственному воображению. Сколько времени она вообще так не думала. В смысле не мыслила образами, вот они и получаются у нее неуклюжие, как у больного ребенка.

Она направилась к воде. Сняла босоножки и пошла по кромке прибоя, временами посматривая на берег, чтобы отыскать местечко помалоллюднее. Ей не хотелось быть сейчас рядом с кем-то, знакомиться, о чем-то говорить. Ей хватало общества себя самой, не очень знакомой. А если точнее, непознанной. И ей вдруг стало интересно узнать о себе: какая она, чего ей хочется, а главное, что она может?

Неужели Михаил своим уходом и вправду выжиг на ней клеймо: «Брошенная» — и теперь она так и будет плавать под этим флагом в жизненном море, не пытаясь сменить его на какой-нибудь другой. «Пиратский!» — ехидно подсказал внутренний голос. Мол, для этого у нее не хватит ни смелости, ни характера.

«Замолкни! — строго прикрикнула она на него. — Дай сначала во всем разобраться».

Она так брела себе и брела, как в детстве шлепая по воде босыми ногами, как вдруг совсем рядом оглушительно захохотал какой-то мужчина. От неожиданности Марина вздрогнула и оступилась. И услышала извиняющееся:

— Простите, я нечаянно!

Наверное, сказали не ей, подумалось на мгновение. Но обращались именно к ней. Приподнявшийся с подстилки незнакомец неловко объяснял:

— Никак не могу привыкнуть издавать тихие звуки. Вот и вас напугал. Слушал приемник, а на «Русском ра-

дио» хохмят: «Отдам концы... в хорошие руки!» Правда, смешно?

— Правда, — кивнула Марина, рассеянно улыбнулась и пошла дальше.

Она потихоньку стала входить во вкус своей свободы. Не посреди ограниченного кухонного пространства — о таком слове, как «свобода», ей прежде и не думалось — свободе на фоне бескрайней морской сини, безоблачного неба и пока нежаркого солнца, которое не жалило, а нежно ласкало.

Сколько лет она не была на море — два года, три? При том, что на своей машине сюда можно было добраться за два часа. Но она не привыкла ездить на отдых одна, а Михаил упорно избегал совместного отдыха под любыми предлогами. И обещал, обещал, что вот на следующее лето непременно...

Она могла бы ездить на море, как когда-то, с родителями, но ей было неудобно — как так, без Михаила? Единственное, на что она обычно решалась, так это провести несколько дней отпуска на даче родителей.

И вообще, что ее муж о себе возомнил? С чего вдруг решил, что Марина хуже его? Что ее надо стесняться?..

Ишь как ее пробирает! Запоздалое возмущение. Что-то раньше она этому не противилась.

Главное — такие хохмы, наверное, можно было проделывать только с ней! — сам Михаил на море бывал. То на семинаре молодых специалистов в Дагомысе, то в творческой командировке в Сочи...

Однажды он приехал из командировки не то в Курск, не то в Тверь с отличным морским загаром, но она отчего-то постеснялась спросить его об этом. Можно подумывать, что была не его законной женой, а так, приживалкой! Уговаривала себя, что ей это только кажется. Ведь не

пойман — не вор, тем более что он так складно объяснил: директор фабрики — этакий негодяй! — пригласил его к себе на дачу и заставил вкалывать почем зря, а отказать было несудбно, потому что от него так много зависело...

Догадывалась — да чего уж там, точно знала: врет! Он всегда так нарочито не отводил глаз, честно пялился в ее глаза, когда говорил неправду. Будто это врал она, Марина. Не он, она смущалась и холодела: врет, но как это докажешь? Скажет, что у нее от ревности едет крыша...

Почему она раньше не замечала убогости своей семейной жизни? Каждый день одно и то же, серое и привычное, как один и тот же сон, который знаешь наизусть, а он все снится и снится...

Наверное, поэтому она самой себе и всем желающим рассказывала сказки о счастливой семейной жизни. Муж в этих сказках был внимательный, добрый, любящий. А что поздно домой являлся, так и этому находилось объяснение: он просто работающий. Трудоголик. Беспокоится о своей семье, пашет как вол, все несет в дом.

Такая идиллическая картина успокаивала и, главное, не требовала от Марины никаких дополнительных усилий. Плыви себе по течению, да и все...

Неужели и на отдыхе она будет постоянно думать о своей прошлой жизни и ошибках, которые в ней наделала? Все, немедленно забыть о Михаиле, о его скучной дуре-жене, а думать о другой, молодой и счастливой женщине, которая приехала отдыхать на целых две недели! На самое синее в мире Черное море... Как в песне поется.

В конце концов Марина выбрала для отдыха небольшую болес-менес ровную площадку среди нагромождения

обломков скал. Место не слишком удобное — даже в воду входить здесь попросту было опасно. Эти обросшие водорослями глыбы были скользкие и таили под водой такие расщелины, что, попади туда нога... Правда, ее это не слишком расстраивало. Марина решила искупаться на обратном пути, а сейчас просто полежать на солнце, позагорать.

Никого из отдыхающих поблизости не было. Те кучковались подле кабинок для переодевания, пунктов проката лежаков и лодок, киосков и кафе. Из пляжного радио сюда доносились лишь тихая музыка да в перерывах неясное бормотание диктора. Красота!

Марина переоделась в купальник, завернувшись в большое полотенце, — кабинка ей не понадобилась. Киоски? Но у нее с собой было несколько отборных помидоров, которые она купила на рынке возле дома. Что может быть лучше, чем поесть их с хлебом и солью? Два-три потерянных килограмма только улучшат ее внешний вид.

Она оглядела себя в купальнике. После десяти дней ее лежания, когда Марина почти ничего не ела, и отсутствия аппетита в другие дни она похудела на восемь килограммов и приобрела фигуру, почти схожую с той, девической, которой когда-то восхищался ее муж.

Смешно сказать, за день до отъезда она даже отыскала на лоджии велотренажер, заваленный тряпьем и стопками со старыми учебниками, который пылился там больше пяти лет, и позанималась на нем полчаса...

Этот тренажер — подарок Михаила ко дню ее рождения. Значит, он не всегда был равнодушен к тому, что она полнеет и не следит за собой. Этим подарком он попытался намекнуть, что пора бы Марине обратить на

себя внимание. Опять она думает о нем, как себе ни запрещала!

Как, оказывается, легко обвинять во всем других, а начнешь разбираться, не так все и однозначно. Вначале он, видимо, хотел, чтобы Марина вернула себе прежнюю форму, а потом решил, что так-то оно и лучше. У него в рукаве теперь был спрятан козырь: ты посмотри на себя в зеркало! И она бы посмотрела, и ужаснулась, и в глубине души поняла, почему его интересуют другие женщины...

Хорошо, когда у женщины всего один мужчина. Для него... Во-первых, женщине не с кем его сравнивать. Во-вторых, что он ни делает, все правильно, ведь она не знает, как НАДО. А в-третьих, она боится, что другой может быть еще хуже.

Если, например, секс с мужем ее откровенно не радует...

Теперь Марина стала думать еще и о сексе. С чего бы вдруг? Она никогда без секса особо не страдала. Или, наоборот, прежде она не очень его жаждала. А если еще точнее, секс с Михаилом не доставлял ей никакого удовольствия. И об этом она тоже не думала, принимала тягостные супружеские обязанности как должное.

В любовных романах женщины чуть ли не сознание теряли от удовольствия. Марина объясняла это себе так: сказки. Ловушка для женщин. Стоны и вздохи в порнофильмах — один она как-то посмотрела — всего лишь игра артисток...

От этих сумбурных мыслей Марина не заметила, как заснула.

Приснился ей муж Михаил. Он обнимал за талию какую-то фигуристую блондинку, которую Марина никогда прежде не видела. На незнакомке был купальник без вер-

ха, и муж ее откровенно лапал. При этом он еще смеялся над Мариной.

— Посмотри, — говорил он, — ей нравится, когда я ее щиплю или кусаю. Она не протестует, она ловит от этого кайф!

Он и вправду укусил блондинку за шею, а та изогнулась и засмеялась, как зарычала: гры-гры...

Потом Михаил оставил блондинку и, плотоядно ухмыляясь, стал кусать за спину Марину короткими болезненными укусами. Причем она никак не могла от него высвободиться и только стонала от боли...

Почему-то ему всегда доставляло удовольствие делать ей больно. Он так грубо ее ласкал, что если поначалу у нее и были какие-то неясные желания, то потом они напрочь исчезали, потому что Марина сжималась в комок и ждала, что вот он опять ее укусит или до боли сожмет. Когда Михаил впивался в нее зубами, она едва сдерживалась, чтобы с размаху не залепить ему оплеуху...

Господи, ну почему он не прекратит грызть ее спину!..

И тут откуда-то на нее упала одна холодная капля, другая... Как хорошо!

— Девушка, девушка, — шепотом позвал ее мужской голос.

Марина открыла глаза: перед ней стоял незнакомый мужчина. Видимо, он только что вылез из моря — на коже его еще блестели капельки воды, а в руке он сжимал ласты и маску.

— Нельзя сейчас спать, вы сгорите. Пора реактивного солнца...

— А почему вы шепчете? — удивилась Марина. — Здесь еще кто-то спит?

Мужчина громко хохотнул, но тут же закрыл ладонью рот.

— Видите? Я много лет проработал в кузнечно-прессовом цехе, где все громыхало и, чтобы тебя услышали, нужно было перекричать этот грохот. Оттого я до сих пор не могу соразмерять свою громкость.

— Спасибо, что разбудили, — горячо поблагодарила Марина.

Вот почему во сне у нее болела кожа. Она попросту обгорела на солнце. Еще немного, и дальнейший отдых превратился бы для нее в кошмар.

Мужчина собрался было уходить, но глянул, как она морщится, натягивая бикини, и решительно произнес:

— Идите за мной!

Почему-то она покорно за ним последовала, пробираясь по узкой тропинке среди острых каменных плит, и подивилась про себя, как далеко она сгоряча забралась.

Марина смотрела в спину своему проводнику и думала, что он похож на большого медведя, вставшего на задние лапы не для того, чтобы напасть на человека, а для того, чтобы... поесть малины, например. Но шел он при этом легко и бесшумно, как ходят бывшие спортсмены. Или разведчики. Наверное. Этих людей она видела лишь в кинофильмах, но представляла их себе именно такими.

— Моя сестра точно настучала бы вам по спине! — сказала Марина.

Надо же как-то завязывать разговор, а то он идет будто под конвоем.

— Почему? — Он слегка повернул к ней голову.

— Вы так же сутулитесь, как и я.

— Что есть, то есть, — согласился он. — По-моему, это у меня еще со школьных лет. На линейке я стоял правогофланговым, как самый высокий из ребят, понятное дело,

стеснялся и своего роста, и неизбежных для долговязых мальчиков кличек, вроде фитиль или останкин.

— Останкин? — удивленно переспросила она и улыбнулась. — Ах да, имеется в виду телебашня!

Марина и сама была достаточно высока — лишь чуть-чуть ниже Мишки. И не нашла ничего лучше, как ради него вообще отказаться от каблуков. И горбиться стала из-за того же.

«Выпрями спину!» — будто наяву услышала она голос сестры. Она так и сделала — грудь тоже пошла вперед, и надо же, в ту самую минуту провожатый к ней повернулся. Он хотел что-то сказать, но лишь шевельнул губами и отвернулся.

«Хохочет надо мной, — подумала Марина. — Как я браво несу перед собой свои груди!»

Но если бы прежде она засмушалась, может, даже растерялась бы, то теперь подумала, что ее грудь, может, и не как у Мэрилин Монро, всего лишь четвертый размер, но тоже ничего. Так что Марина вполне может ее выпячивать и не бояться насмешек...

Между тем они вышли на цивилизованный пляж, и ее нечаянный знакомец слегка сбавил шаг, чтобы Марина могла идти рядом.

Он привел ее к своему лежаку и коротко бросил:

— Садитесь.

А сам полез в полиэтиленовый пакет и достал стеклянную банку, на которой было написано: «Шоколадный крем».

— Как чувствовал, взял его с собой, — сказал мужчина будто самому себе.

— Шоколадный крем?

— Не обращайтесь внимания, этикетка не соответствует содержанию. На самом деле это облепиховое масло с

какими-то травами. Состав мне неизвестен, это мамино ноу-хау, но назначение его совершенно определенное: от ожогов.

Он отвинтил крышку и положил на ладонь немного желтовато-коричневой мази.

— Повернитесь.

— Нет! — Марина отшатнулась и увидела изумление в его глазах, сменившееся, как ей показалось, насмешкой.

Чего она испугалась? Того, что посторонний мужчина притронется к ее обнаженной спине? Пусть даже с врачебной целью...

— Предпочитаете покрыться волдырями? — спокойно спросил он.

Этот его тон отрезвил Марину. Что он подумает? Дикарка или ханжа. А ведь она ни то, ни другое. «Ни то ни се!» — хихикнул внутренний голос.

— Простите. — Марина повернулась к нему спиной, стараясь унять неизвестно откуда взявшуюся дрожь.

События последних дней не прошли для нее даром. С виду она спокойна, расслаблена, общается с незнакомыми людьми безо всякого напряжения, а на самом деле натянута как струна. Не может нормально реагировать на происходящие, вполне обычные, события.

Такое впечатление, будто Марина несколько лет сидела в одиночной камере и не видела никого, кроме надзирателей, а теперь ее неожиданно выпустили в свет, от которого она за время заточения отвыкла...

— Ничего, — усмехнулся он. — Не кажется ли вам, что мы оба только и делаем, что извиняемся?

Боялась она совершенно напрасно. Он не сделал ей больно. Руки у него хоть и выглядели устрашающе большими, на проверку оказались чуткими и осторожными. Он

равномерно размазал лекарство по ее спине и стал осторожно его втирать.

Марина никогда не думала, что может быть такое: незнакомый мужчина касался ее спины, а у нее пульсировала какая-то точка внизу живота. Она никогда прежде не была такой чувствительной. И даже чувственной. Ей стало стыдно, и она едва сдержалась, чтобы тут же не подхватиться и бежать куда глаза глядят.

А он между тем сказал спокойно:

— Отодвиньте бретельки, а то я их испачкаю.

И долго искал что-то в своем пакете, пока Марина намазывала руки и ноги.

— Кто ваша мама — знахарка? — спросила Марина, чтобы сгладить возникшее у нее чувство неловкости.

— Можно сказать и так. Она врач-гомеопат. И эта мазь — одна из ее разработок. Мама у меня просто замечательный травник. Оно и понятно: в Сибири травы чудодейственные...

— Вы так далеко живете — в Сибири?

— Сибирь — моя родина. А сейчас я живу гораздо западней, хотя и намного северней.

— Несмотря на то что в школе у меня по географии была пятерка, я не совсем поняла, где это.

— Если вам интересно... — начал он, но Марина поторопилась вернуть своему добровольному спасителю банку с мазью и поспешно поднялась с лежака.

Конечно, опять она поступала глупо. Сама его стала расспрашивать, сама и прервала, потому что ей показалось, будто она флиртует с незнакомцем, который всего лишь выказал себя отзывчивым человеком. Наверное, точно так же он мазал бы спину какому-нибудь подростку или старику. И никто из них не стал бы приставать к нему с расспросами.

Как сказал бы ее папа, пора и честь знать. А бабушка бы, наверное, посмеялась: «Чего это, внученька, тебя так раздражает?»

Вот именно, и мысли, и чувства у нее в раздрае. Неужели она никогда теперь не будет такой же спокойной и уверенной в себе, как многие другие женщины?

За что Марина была благодарна своему спасителю — кроме спасения от полного изжаривания, — это за то, что он если и удивился ее нервозности, то не подал виду. А просто молча сидел на своем лежаке и смотрел на нее снизу вверх. Наверное, ждал, что Марина еще выкинет.

— Спасибо, — сказала она. — И хочу вас хоть как-то отблагодарить.

Она вынула из сумки два самых больших помидора и протянула ему.

— Отлично, — отозвался ее спаситель, впрочем, не делая попытки принять ее дар, — но теперь к этим помидорам нужно еще кое-что.

— Что? — удивилась она, тщетно морща лоб — ничего на ум не приходило.

— Ша! улык! — объяснил он. — И я приглашаю вас для этого в одно уютное кафе.

Глава 7

Марина попыталась возражать. Мол, она не одета для кафе, — ее все еще смущали короткие штанишки костюма. Совсем как у девчонки. Это, конечно, она подумала про себя.

Когда она примеряла именно этот наряд, Вика притворно вздохнула:

— Теперь и не поймешь, кому из нас двадцать три: тебе или мне. Мужик на такой костюмчик косяком пойдет!

— Какой такой мужик? — отбивалась Марина. — Дай мне хотя бы в себя прийти. Хочешь, чтобы я попала из огня да в полымя? И вообще, ты с женщинами одинокими поговори. Они считают, что нормальных мужиков — неженатых — в моем возрасте уже не найти. Остались одни алкаши, наркоманы и бандиты...

— А сами все равно ищут! — ехидно подсказала Вика. — Знаю я эти хохмы: многие женщины даже про своих мужей гадости говорят! Мол, и скотина он, и козел, но попробуй у нее эту негодную скотину отнять. Вцепится, как гарпия! Мое!.. Нет мужиков, надо же такое придумать! А куда они, интересно, подевались? Я думаю, так только неудачницы рассуждают. Упаси тебя Бог, сестрица, примкнуть к их змеинному племени!

Конечно, Виктория — максималистка, как все молодые, пороку не нюхала, но ее разглагольствования странным образом успокаивали Марину.

К тому же она думала, что никакой мужчина ей не нужен... Но не потому, что считала всех негодьями, а потому, что в глубине души она пыталась посмотреть на себя их глазами и не видела в себе как в женщине ничего интересного. Именно как в женщине. Недаром же Мишка говорил, что она холодная. Лежит в постели, будто в ожидании казни. Казни не казни, а пытки — это точно. Интересно, если бы Марина стала грызть его до крови, царапать, щипать, понравилось бы самому Мишеньке? А то надела бы сапоги-ботфорты, как она видела в одном женском журнале, и стала всякий раз во время секса хлестать его плеткой...

А вдруг она и вправду фригидная? И тоже когда-нибудь подаст объявление, что согласна на брак без секса?

Буквально вчера они с Викой прочли такое объявление в газете, и сестра этому немало повеселилась.

— До чего у нас бедную женщину довели! Она согласна даже на семейную жизнь без самой главной ее составляющей.

— Ну уж, так и главной! — не согласилась Марина.

— А для чего тогда люди создают семьи? — наступала на нее сестра.

— Детей воспитывать... — неуверенно протянула Марина.

— Ты имеешь в виду тех, что приносит аист, или тех, что находят в капусте?

Марина не призналась Вике, что понимает эту женщину. По сути дела, секс нужен лишь мужчинам, а если семьи станут создавать те, которым интим не нужен... Тогда сразу отпадут все страхи, главный из которых — забеременеть и отправиться на аборт. Ее муженек никогда не хотел предохраняться. И Марину не берег.

— Это проблема женщины, — говорил он.

Нет, эти свои мысли Марина высказать сестре постеснялась. Это проблемы самой Марины, женщины, которую пугает даже само слово — секс! Так что в глазах любого мужчины она — инвалидка. Но не станешь же кричать об этом на каждом углу!

В конце концов, от посещения кафе не забеременеешь! К чему эти дурацкие рассуждения? Приехала на отдых, а попутно решает мировые проблемы! Так изругав себя, Марина наконец обратила свое внимание на мужчину.

— Но это открытое кафе, недалеко от пляжа, — уговаривал между тем ее новый знакомый, имени которого она до сих пор не знала. — Я видел, туда женщины даже в купальниках приходят.

— На нудистском пляже, говорят, вообще ходят без купальников, — пробурчала Марина.

Мужчина развеселился.

— Говорят? Вы никогда не были на нудистском пляже?

— А что мне там делать? Нудить я никогда не мечтала.

— Интересная вы женщина.

— Хотелось бы знать — чем?

— То ли вы со мной воюете, то ли с собой. Если со мной, обещаю, я больше не буду!.. Скажите только, как вас звать.

— Марина.

— Морская. Здорово. Мое имя куда прозаичней — Ти-мофей.

— Ну это же хорошо — иметь редкое имя! А вы как будто огорчены. Ти-мо-фей. Как будто птица над рекой пролетела и села на воду, зашуршав камышом...

Он ошеломленно взгляделся в нее.

— Вы так все слова воспринимаете?

— Как — так?

— Как образы.

— Раньше я за собой этого не замечала, — смутилась Марина. — Но в последнее время действительно вдруг начинаю видеть все так объемно... Понимаете, у меня появилось чувство, как будто лопнула оболочка, в которой я жила прежде. И будто мир на меня надвинулся: звуки стали отчетливее, краски ярче... — Она оборвала себя. — Вот и говорить стала помногу!

А про себя добавила: «Кто бы мог подумать — Марина Ковалева, сухой прагматик, бухгалтер по сути, холодная женщина, вдруг чуть ли не романтиком стала. Как там сказал мой бывший муж Михаил? Кто на тебя польстит-ся?.. Не выдержала, опять про свою женскую несовершенство».

ность вспомнила! Все-таки не хочется знать такое о себе. Или считать себя такой!.. Определенно сегодня я обожгла не только кожу, но и мозги...»

— Что желают молодые люди? — Перед ними стоял невысокого роста черноглазый официант в одеянии, стилизованном под кавказскую черкеску.

— Мы пришли поесть шашлык, — сказал Тимофей, взглядом предлагая Марине поучаствовать в переговорах.

— Тогда я посоветую вам вино...

Но она только согласно кивнула и опять перестала его слышать. Наверное, потому, что было ей совершенно все равно, какое вино принесет официант.

А сбивал Марину с толку взгляд, каким на нее смотрел Тимофей. Так на нее не смотрели... лет десять! Или чуть меньше. С тех пор, как она вышла замуж за Ковалева и осела в кухне сначала однокомнатной квартиры, а затем трехкомнатной.

Что он в ней такого увидел? Может, Марина все же зря пришла сюда в шортах? Она нервно переложила нож и вилку. Взгляд мужчины ее волновал, но совсем не так, как хотелось бы. Под его светло-карим взглядом она чувствовала себя не в своей тарелке и начинала думать, будто у нее что-то не в порядке с лицом. Или с прической. Не может же она ему просто понравиться!

Не переродилась же Марина в одночасье! Или для того, чтобы хорошо выглядеть и представлять интерес для противоположного пола, она должна была уйти от мужа?

Ведь именно из-за Михаила она перестала вовсе обращать внимание на себя. Любящий мужчина поднимал бы ее на пьедестал, а этот все время норовил закопать в землю. Еще и землю ногами приминал, чтобы в яме, вдалеке от

посторонних взглядов, ей лучше лежалось в тесноте и темноте...

Своему новому состоянию Марина противилась изо всех сил. Не хотела она, чтобы взгляд мужчины выдавал нешуточную заинтересованность... Не должна она была никому нравиться! Такая вся из себя неинтересная, кухонная дама.

Виктория сказала бы: «Опять пургу гонишь!» А еще наверняка заметила бы, что сестренка — форменная моральная мазохистка. Ее прямо-таки распирает от удовольствия вот так себя уничтожать!

На самом деле Марине просто боязно. Мир чувств, который она пыталась от себя отодвинуть, непостоянен и жесток. Как стремительная горная река. Она может закружить в водовороте, а может водопадом сбросить вниз с головокружительной высоты. В этом мире слишком обнажена душа, а потому и слишком беззащитна...

Такая констатация факта привела Марину в себя. Настолько, что она перестала притворяться перед собой и спросила Тимофея:

— Вы считаете меня интересной женщиной?

Он не то чтобы замаялся, но скорее постарался справиться с замешательством. Почему его ставят в тупик такие простые вопросы? Или не ставят? Ну сколько можно травить себя! Самоедство, которому не видно конца.

— Я считаю вас красивой женщиной, — просто сказал он.

Эта простота смутила ее. Марина понимала: если так и дальше пойдет, напрямую, без прелюдии, то это лишит их отношения романтического флера первых ухаживаний. Как если бы вместо того, чтобы протянуть руку для знакомства, она сразу стала бы раздеваться.

Ишь напридумывала! Если так пойдет и дальше, Марина останется без защиты, без прикрытия из собственных домыслов, а значит, ей придется принимать решения... Словом, она пыталась, как и прежде, лишь плыть по течению, но чтобы это было не слишком опасно, чтобы это течение ее слегка покачивало, а не бросало в водоворот!

«И вообще, ты еще даже официально не развелась!» — вдруг обнаружил себя внутренний голос.

«То же можно сказать и о моем муже!» — огрызнулась Марина.

Мы уходим всегда — к сожалению, а может быть, к счастью, мы уходим всегда, и от этого нам не уйти.

Мы бежим от судьбы по велению ветреной страсти, но находим судьбу на ином, незнакомом пути*.

Тимофей вдруг проговорил эти стихи, пока Марина молча копалась в себе. Она виновато посмотрела на него:

— Простите, я веду себя по меньшей мере невежливо. Чьи это стихи?

— Мои, — сказал он безо всякого жеманства и хвастовства, просто, как говорят о само собой разумеющемся. — А насчет невежливости — позвольте с вами не согласиться. Я ведь пригласил вас отдохнуть вместе со мной, а не для того, чтобы вы меня развлекали. Если вам думается в моем присутствии, это тоже хорошо.

— Чем же? — улыбнулась Марина.

— Значит, для вас во мне нет ничего раздражающего, иначе вы не могли бы уйти в себя так далеко и надолго.

— Все, все, — Марина подняла руки ладонями вперед, словно демонстрируя, что оружия у нее нет, — отдыхать

* Здесь и далее стихи Евгения Петропавловского.

так отдыхать. Ведь то, чем я занимаюсь, скорее тяжелый труд. Я пытаюсь навести порядок в доме, который перед тем разграбили бандиты. Все, что могли унести, унесли, а оставшееся разломали и разбили...

— Опять образ. Он настолько меня впечатляет, что я могу по нему восстановить всю картину: в вашей жизни произошло крушение, катастрофа без человеческих жертв, а вы думаете, что жизнь кончилась.

— Вы не правы, жертвы есть. Мой муж, например. Он умер. Правда, всего лишь для меня.

— Значит, вы вдова?

— Соломенная, — вздохнула Марина.

— Меня это устраивает, — сказал Тимофей. — Есть надежда.

— На то, что он умрет вславу? — улыбнулась она.

— Надежда на то, что не вернется, как и положено умершим.

Марина подумала, что юмор у него достаточно тонкий, чтобы не резать ухо. В компаниях друзей Михаила их откровенные жеребачьи шуточки частенько вызывали у нее содрогание. А у Тимофея... Они знакомы всего второй час, а он уже говорит о какой-то надежде. Женщине приятно это слышать.

Принесли шашлык и красное сухое вино. Марина, посмеиваясь, вынула «подарочные» помидоры, а Тимофей попросил официанта:

— Пусть на кухне порежут.

Тот хотел, по-видимому, сказать, что у них есть свои помидоры, но промолчал. Посмотрел на лица клиентов и молча отошел. Понимание было написано на лице: «Влюбленные, что с них взять?»

Но они еще не считали себя таковыми. И пока лишь смаковали чувство взаимного притяжения, незаметно перейдя на ты, и говорили о разных мелочах.

— Ты что делал среди этих камней? Плавать там, кажется, не только неудобно, но даже опасно.

— Ловил крабов... Что делала ты, и так ясно. Специально ушла подальше от людей, чтобы до них запах горелого мяса не доносился.

— Если бы не ты, я была бы точь-в-точь как этот шашлык.

Она потянула носом исходящий от шашлыка дух и почувствовала, что проголодалась. Скосила глаза на часы Тимофея — три часа пополудни, пора и пообедать!

И вспомнила еще об одном своем комплексе. До сего времени Марина стеснялась есть при других. Отчего-то получалось у нее это действие весьма неуклюже. Как-то Михаил, еще в начале их семейной жизни, заметил:

— Ты вцепляешься в вилку, как мясник в свой топор. Нельзя взять ее как-то поизящнее?

Сказанного в раздражении — он часто позволял себе подобный назидательный тон — вполне хватило, чтобы впредь Марина волновалась, когда ела в компании. А если ей приходилось пользоваться ножом, он вообще ходил у нее в руках вкривь и вкось, повергая ее в отчаяние.

Потому в компаниях Марина ела обычно мало, а когда возвращалась домой, на нее прямо-таки нападал жор.

— Ты опять жуешь? — брезгливо морщился муж. — Раскабансеешь, в дверь не будешь пролазить!

Отчего он вел себя так, будто, женившись на Марине, оказал ей неслыханную честь? Как если бы Марина была его недостойна, но вот он к ней снизошел и теперь требовал, чтобы она его обожествляла.

Марина была в него влюблена с самого первого дня, как только увидела. Он казался девушке сказочно краси-

вым, а когда прикасался к ней, она обмирала от блаженства, и даже неминуемую боль первой ночи перенесла стоически, как партизанка на допросе.

Это потом она стала раздражаться от его грубых ласк, но и то как-то вяло, лишь на мгновение забывая о покорности. О супружеском долге. Разве не для того она вышла за него замуж?

Иными словами, в своей прошлой жизни она все делала не так: стеснялась есть, стеснялась секса, стеснялась своего тела, даже ног, которые другие находили безукоризненными. И тут ей казалось, что кожа на них недостаточно гладка, что колени не такие круглые, как надо. Говорят, порой мужчины целовали женщинам колени. Михаил же, казалось, вообще на ее ноги внимания не обращал. И даже когда она увеличила длину своих юбок — до половины икры, в двадцать лет! — он будто ничего не заметил.

Словом, муж не только не придавал ей уверенности в себе, а, наоборот, уверил ее в том, что она непривлекательна как женщина — ни внешне, ни в постели...

Теперь же, под доброжелательным взглядом Тимофея, она ела шашлык и ничего в ее руках не плясало. И совсем уже заставило ее удивиться его одобрительное:

— Как ты аппетитно ешь!

Одно и то же ее действие у двух разных мужчин вызвало противоположную реакцию. Значит, все дело не в Марине, а в том, как каждый из мужчин к ней относится?

— Ты здесь в санатории? — спросил он.

Она отрицательно качнула головой.

— В пансионате?... Снимаешь комнату?

— Снимаю комнату. У меня ведь отдых, так сказать, внеплановый. Я вовсе не собиралась ехать на море в этом

месяце. Так что среди других отдыхающих я — одинокая комета, залетевшая в чужую галактику...

— Послушай, Марин, кем ты работаешь?

— Бухгалтером. А что?

— Тогда, видимо, на своем рабочем месте ты имеешь дело не с сухими цифрами, а с поэтическими символами.

— Просто я очень долго жила в неволе. В камере-одиночке. Вот и научилась разговаривать сама с собой. А чтобы моему второму «я» не нужно было ничего объяснять, я рисовала ему картинки.

Он крякнул от удовольствия и посмотрел на нее долгим взглядом. Будто что-то прикидывал про себя.

— Твое рабство было добровольным?

— Увы, — кивнула она. — Наверное, это был самогипноз, вызванный привычными представлениями, надуманными правилами, существовавшими лишь в воображении людьми, а когда тюрьма рухнула, я даже чувствовала себя несчастной... Пыталась опять возвести упавшие стены.

— Понятно, — медленно сказал он, — хотя и не очень. Она улыбнулась:

— Никогда не ощущала себя философом, а за час общения с тобой только и делаю, что философствую.

— Вот и хорошо, продолжай, мне интересно, какие мысли водятся в такой хорошенькой головке, — с одобрением произнес он и вдруг спохватился: — Я знаю, что мы не сделали. Не выпили за нашу встречу!

Когда они выходили из кафе, Тимофей держал ее за руку. С детского сада она ни с кем так не ходила, но теперь вот шла с малознакомым мужчиной и отчего-то не смущалась.

Шкурка кухонного зверька продолжала с нее слезать — кажется, это называется линькой? — и под этой шкуркой показывалось совсем другое существо.

— Кометы, — таинственно шептал Марине на ухо ее спутник, — очень непостоянные небесные тела. Вдруг ты исчезнешь так же внезапно, как и появилась? Вот сейчас мы пойдем кататься на карусели, а ежели ее раскрутить умеючи, начинаются такие чудеса...

— На карусель? — удивилась Марина. — А это удобно? Мы ведь не дети...

Он остановился и тоже удивленно посмотрел на нее.

— Наверное, ты очень долго просидела в этой своей одиночке. На карусели катаются и взрослые. Разве ты об этом не знала?

— В фильмах видела, — смутилась Марина.

— Не бойся, я с тобой! — пошутил он и ободряюще пожал ее руку. — Я вовсе не возражаю, чтобы со мной ты многое открывала для себя в первый раз.

Это был чудесный день. Станный, как все, что теперь с ней происходило. Начать с того, что никогда прежде она с мужчиной так не знакомилась. То есть, кроме Михаила — с тех самых юношеских лет, — она вообще ни с кем не знакомилась. А уж то, что с первого дня, да что там дня, часа, она сможет общаться с мужчиной как со старым знакомым, Марина попросту себе не представляла.

Кататься на карусели ей понравилось. В первый момент Марина еще побаивалась, что оторвется цепь, на которой висело небольшое пластмассовое креслице, и она рухнет вниз, прямо на острые колья ограды. Но потом забыла об этом.

Тимофей притянул ее сиденье за цепь к себе и жаркодохнул в ухо, от чего по всему телу Марины побежали щекотливые мурашки. Отпустил и опять поймал. Теперь Марина видела, что на качелях катаются не только дети,

но и взрослые, и все так же дурачатся, и удивлялась, почему раньше она об этом не знала. Конечно, прежде никто не водил ее, взрослою, в парк...

— А теперь куда мы пойдем? — спросила она у своего спутника, когда они ступили за ограду аттракциона. — Может, прокатиться на карусельной лошадке?

Наверное, Марина здорово отстала от жизни. Она все себе не так представляла. По крайней мере если не долгого ухаживания, то хотя бы долгого узнавания. А здесь — раз! — и они уже на ты. И никакого смущения или напряжения, словно они сто лет знакомы.

«Не слишком ли быстро?» — запоздало насторожился внутренний голос.

Но сегодня она больше не хотела анализировать — не компьютер! — а просто вошла в эту новую жизнь, как в воду, и поплыла. Ей казалось, что вот-вот, и все кончится. Но ничего не кончалось, а наступил вечер.

Тимофей ни за что не хотел с ней расставаться. Даже когда она стала доказывать, что вечером просто неприлично ходить в пляжном костюмчике по поселку и ей надо переодеться, да и полежать, отдохнуть, ведь она сегодня после дороги...

— Маришенька, — запросил он, как маленький, — тебе ничего не придется делать. Только посидеть со мной за столиком в ресторане, поужинать. Если ты устала, могу донести тебя на руках! Ты же не собиралась оставаться без ужина?

— Я взяла бы булочку, пакетик ряженки...

— Нет, не может быть и речи. Я тебя спас от зажаривания и теперь чувствую себя ответственным за твое здоровье. Ряженка, булочка... Могла бы из благодарности и обо мне подумать!

— Ты тоже хочешь ряженки?

— Я хочу поесть как следует. Но если я буду знать про твой скудный ужин, мне же кусок в горло не ползет! В общем, как говорят в Одессе, слушай сюда: я провожаю тебя до твоей квартиры, жду на лавочке, пока ты переоденешься, потом мы идем ко мне и ты ждешь, пока я переоденусь. А уж тогда мы вместе идем в ресторан.

— Нагородил. Встретились бы в условленном месте, оба переодевшиеся...

— Ну да, ты меня кинешь, и буду я до утра стоять, как три тополя на Плющихе.

— Ты подозреваешь, что я обманщица?!

— Доверяй, но проверяй... Лучше показывай, где ты сняла квартиру, и не скандаль. С виду выглядела такой миролюбивой...

Глава 8

И вот теперь Марина перекладывала вещи в своей сумке, выбирая наряд на вечер, и поминала ссору с женщиной добрым тихим словом. Ей вдруг захотелось выглядеть перед Тимофеем серьезной женщиной...

«Ха-ха! — сказал внутренний голос. — Это после того, как он весь день лицезрел твои голые ноги!»

Лицезрел. И не без удовольствия. Его интерес тоже не оставил ее равнодушной. Но вместе с тем пришла тревога. Смешно сказать, после одиннадцати лет семейной жизни она боялась мужчины.

Марина подумала, что с удовольствием осталась бы в этой комнате — здесь бы ее защищали стены, к которым

она так привыкла в своем доме. Все-таки на свободе возникают совсем другие чувства, которые пугают бывших затворников. Как называется у людей боязнь открытого пространства? Кажется, агорафобия...

Прежде за стенами спокойно спали не только чувства Марины, но и все ее комплексы. Теперь она словно балансировала на доске жизни... Вот так накрутила! Это же просто «идет бычок, качается, вздыхает на ходу...»

Ничего не оставалось делать, как надеть розовое платье с открытой грудью. А под него ожерелье из розовых индийских камней, и вроде не таким откровенным стало казаться проклятое декольте.

Тимофей при виде ее вскочил на ноги:

— Ух ты!

Марина сменила пляжные шлепки на туфли с высоким каблуком, но все равно оказалась лишь чуть выше плеча своего кавалера. Окажись сейчас рядом с ней муж Михаил, который выше ее всего на четыре сантиметра, она бы привычно ссутулилась, чтобы казаться ниже. Рядом с ним Тимофей выглядел прямо-таки великаном.

— Пожалейте паренька! — смешно морщась, проговорил между тем он.

— А что я ему плохого сделала?

— Убила красотой.

Он сделал вид, что хочет упасть, и Марина невольно попыталась подхватить его, чем заслужила горячий поцелуй в ладонь. Но это же просто ладонь! Отчего ее опять будто током пронзило? Разве на ладони есть эрогенная зона?

Во всем, что касается теории секса, Марина была достаточно подкована. Начиталась. После того, как получила клеймо фригидной женщины.

К тому же до сегодняшнего дня Марина не питала никаких иллюзий насчет своей внешности. Глаза ее, голубого цвета, были небольшие, зато губ хватило бы на два лица — их она всегда стеснялась. Брови широкие и густые. Марина пробовала их выщипывать, но на другой день пришла на работу опухшая, с краснотой на пол-лба и больше с пинцетом не экспериментировала. Неплохо, пожалуй, смотрелся небольшой прямой нос, но разве нос — все, что нужно для красоты? Скорее Тимофей сказал ей дежурный комплимент. Или увидел то, чего не видел Михаил... И она сама.

Странно, но воспоминание о муже теперь не вызвало в душе Марины привычных эмоций. Будто не о нем подумала, а о сантехнике Володе, который за бутылку ремонтировал краны и унитазы всему дому.

— Послушай, Тим, — сказала она, — мне совсем не хочется есть. Может, ты сходишь один, а я тебя подожду? Честное слово, я убежать не буду.

Во все время тирады он смотрел на Марину как на чудо заморское или на дикарку. А откуда ей быть не дикой, если она вышла за Михаила в восемнадцать лет, он был ее первым и единственным мужчиной. Ни с кем другим она не встречалась, ничьих ухаживаний не принимала. То есть она, конечно, читала книги, смотрела фильмы, но все это казалось ей далеким от реальной жизни, и уж тем более Марина не могла представить, что подобное может произойти с ней.

Тимофей даже не представляет себе масштаба ее неискушенности. Сейчас в ней говорила практичность кухарки и домохозяйки: зачем ему на нее тратить, если между ними все равно не может быть ничего серьезного? Лучше бы он нашел себе девушку помоложе, покрасивее, кото-

рая примет его чувства и ответит на них как должно, такую, с кем он был бы на равных...

— Мариша, ты неподражаема! Не хочешь колоть фрэра... — Тут он глянул в ее непонимающие глаза и заговорил по-другому: — Не хочешь, чтобы я тратил на тебя деньги? Большинство женщин это очень любит. Представь, мужик с деньгами приехал на море...

— Здесь много красивых женщин, — сухо сказала она, — и ты мог бы потратить деньги с большей пользой.

Жизнь упорно ставила Марину на то место, которого она всегда панически боялась. До сих пор у нее был муж, он думал обо всем, знал, как жить, и давал ей указания, которые она покорно исполняла.

Теперь она оказалась одна, без всякого прикрытия, — беззащитная! И ей самой нужно было решать, как жить дальше. Решить-то она не возражала, но не так же скоро! На этом новом пути она сделала всего первый шаг.

Она не успела осмотреться, перевести дух, отойти от перенесенного стресса...

— А ты, оказывается, трусиха, — усмехнулся Тимофей.

— Что есть, то есть, — согласилась Марина.

Он улыбнулся и положил ее руку на свой согнутый локоть.

— Обещаю ничего с тебя за это не требовать.

— Но тогда зачем... — продолжала сопротивляться она.

— Затем, что ты мне нравишься. Мне приятно с тобой общаться. Мне хотелось бы доставлять тебе удовольствие, исполнять твои желания, какие я смогу выполнить.

— Но у меня их не много.

— Появятся, — развеселился Тимофей. — Так что не откажите приговоренному к смертной казни в последней просьбе! Посидите рядом с ним за столиком и помогите утолить голод, который терзает его могучее тело...

Марина рассмеялась, а он, довольный, повлек ее к центру поселка, где были многочисленные заведения, в которых кормили посетителей под веселую музыку. Отдыхать так отдыхать!

Марина подумала, что приятно нравиться этому могучему интересному мужчине, который склонялся перед ней, как перед своей повелительницей. Рядом с ним она ощущала себя хрупкой и прекрасной, желанной женщиной и могла даже немного покапризничать. И чувствовала, что эти капризы с воодушевлением будут исполняться...

— Ладно, — согласилась она. — Но прошу без широких жестов. Меня это будет обязывать...

Что-то мелькнуло в его глазах, словно он хотел пошутить, но в последний момент передумал и так ничего и не сказал, лишь попросил:

— Зайдем ненадолго ко мне. Я тоже переоденусь к ужину.

Тимофей жил в шикарном корпусе санатория «Прибой». Охраннику у входа он показал какую-то карточку, слегка сжав Маринин локоть.

— Это мой гость.

Она чувствовала себя так, будто тайком пробралась во дворец, случайно проскользнув мимо стражников у входа. Но с минуты на минуту они опомнятся и спросят, по какому праву она здесь, где не положено быть таким... Каким таким? Бедным и некрасивым, ничем не заслужившим такое великолепие. Золушкам, которые могут иметь принца только на вечер.

Она опять предложила Тимофею:

— Я подожду тебя в коридоре.

От непривычно шикарной окружающей обстановки массивных кожаных диванов и кресел, огромного количе-

ства экзотических растений в напольных керамических вазах, какой-то киношной стойки портье — Марина опять будто съежилась, и сонм ее комплексов высунул наружу свои злобные головки.

— Не придумывай, — мягко сказал он. — Стала бы ты держать своих гостей в прихожей?.. Минуточку!

Он шагнул в сторону, что-то спросил у продавца газет и журналов и вернулся к ней с журналом «Космополитен» в яркой глянцевой обложке. Марина изредка читала этот журнал. Брала у своей сотрудницы. Купить самой — журнал стоил сто с лишним рублей — не поднималась рука. Как замечала в таких случаях Вика, жаба душила.

— Надо мне побыстрее удирать с курорта этого, — шутливо вздохнула Марина.

— Почему?

— А то еще привыкну к твоим ухаживаниям. Что потом дома делать буду? Так со мной никто не носит. И никогда не носился...

— Вот и хорошо, если привыкнешь. Я очень хочу, чтобы ты ко мне привыкла! Чтобы жить не захотела без меня! — Он сказал это с такой яростной интонацией в голосе, даже с экзальтацией, что Марина невольно отодвинулась в сторону. Слишком много эмоций для первого дня знакомства. Интересно, что ему от нее нужно? Само собой, того же, что и другим мужчинам от женщин, но он тратит столько эмоций...

— Ну вот, опять я тебя напугал.

Лифт поднял их на какой-то высокий этаж — она не успела заметить, какую кнопку нажал ее спутник. Чтобы не показать, как она ошеломлена и даже растеряна, Марина стала говорить, толком не вслушиваясь в собственные вопросы:

— Ты приехал сюда лечиться?

— Нет, просто отдохнуть.

— Но ведь «Прибой» — санаторий.

— Теперь это просто гостиница, в которой желающим могут оказать медицинские услуги. Платные, разумеется. Мне нравится, что здесь тихо, чисто. И полотенца меняют каждый день.

Он отпер дверь и пропустил ее вперед, в роскошный номер-люкс.

— Полистай журнальчик, а я пока переоденусь. Телевизор работает, но мне почему-то кажется, что ты не захочешь его смотреть.

Марина не захотела. Она столько вечеров провела перед телевизором, что, кажется, возненавидела его на всю оставшуюся жизнь. А могла бы привыкнуть и стать телеманом, как одна ее знакомая. Одинокая. Та всегда знает, что на каком канале идет, и всю свою жизнь приспособливает к нужным фильмам и передачам. Она знает не только ведущих всех известных передач и шоу, но и их биографии со всяческими подробностями. Теперь она живет в этом иллюзорном мире. Вся прочая жизнь остается по другую сторону от голубого экрана...

Сколько раз Марина смотрела телевизор в гордом одиночестве! Да и была ли она не одна хоть когда-нибудь? То есть рядом с ней был, конечно, ребенок, но мужчина — близкий, любящий, понимающий? Наверное, не было.

Тимофей скрылся в спальне, и теперь Марина могла спокойно осмотреться. Номер отличный, она сама хотела бы пожить в таком. Не чета ее комнатухе! Но, в конце концов, нечего разевать рот, словно она приехала из дремучей глубинки и у нее в волосах до сих пор солома...

Она села в кресло и открыла журнал. Не читалось. Зато думалось. Прежде Марина немало слышала рассказов о том, как на отдыхе люди легко сходятся. Это и понятно, отпуск не вечен, надо торопиться. Потому романы в отпусках и скоротечны. Если подумать, ее роман не роман вовсе, а так, повесть в тонкой обложке. Встретились и разошлись. Вот и нечего ей волноваться. Надо всего лишь принять как должное законы курортов и не примеривать к ним жизнь рабочую, будничную.

Да-а... Она подняла голову — Тимофей стоял в дверях, одетый для променада. Недаром всегда говорит Вика: «Одень пень, будет ясный день!» В том смысле, что одежда кардинально меняет человека. Но не настолько же!

Прежде на Тимофее, как и на ней, был пляжный костюм: длинные шорты и футболка. Теперь же это был денди, в белых брюках и кремовом батнике, загорелый и невероятно мужественный. Он словно в момент похудел, стал стройнее, изящнее. Куда-то делась его сутулость и простоватость мужика. «С таким появись где-нибудь на крутой дискотеке, — невольно подумала она, — все бабы от зависти сдохнут!» Но вслух она произнесла:

— Ух ты!

— Прекрати меня передразнивать.

— Но если лучше не скажешь?

— Издеваешься? Или я тебе нравлюсь?

— А то! — по-одесски сказала она.

— Тогда прошу.

Он опять согнул руку в локте. Марина подошла и уловила запах хорошей туалетной воды.

— Вперед, к развлечениям! — гаркнул он, и она поняла, что Тимофей недаром все время понижает олов.

— Ты в цеху на прессе работал?

чатление. Если второе, то можешь не напрягаться. Впечатление ты произвел еще тогда, когда намазывал мою спину своей мазью. Могу сказать даже больше: впечатление благоприятное. И снова повторяюсь — никто из нас никому ничего не должен. Давай просто будем вместе отдыхать, раз уж ты мне это предлагаешь.

— Догадываюсь, что тебя пугает! — опять горячо заговорил он. — Я кажусь тебе старым. Что поделаешь, мне тридцать четыре, и ни годом меньше. Между нами добрый десяток лет...

Марина расхохоталась:

— Вот уж не думала, что лучшие комплименты мужчины говорят в тот момент, когда ни о каких комплиментах не думают... Ладно, я тебя успокою — хотя не все ли равно, сколько мне лет, когда мы просто идем в ресторан. Не на работу же к тебе я устраиваюсь!.. В сентябре мне исполнится тридцать. Не знаю почему, но родные и друзья уже год повторяют эту цифру... Господи, но сейчас-то мне пока двадцать девять! Видишь, как плохо быть выпущенной из камеры-одиночки. Другим женщинам возраст убавляют, а мне все норовят прибавить...

Она подумала, что цифру «тридцать» впервые произнес ее муж Михаил. Что ему так не терпелось ее состарить? Понятное дело, он познакомился с молоденькой. Но ведь между ним и Мариной и так пять лет разницы...

Если на то пошло, он на год старше Тимофея. Когда там ему тридцать пять? Или тридцать четыре только исполнилось?.. О какой ерунде она размышляет! Ну при чем здесь эта дурацкая арифметика?

У Михаила день рождения в июле, именно тогда она собиралась подарить ему японские часы... Опять Марина

вспоминает ушедшего! Ушел и ушел! Но как, скажите на милость, заставить себя вовсе не думать об этом?!

— В сентябре — тридцать? — между тем радовался Тимофей. — А я так боялся, что ты моложе меня... в смысле намного моложе... Понимаешь, у меня с некоторых пор развился комплекс... печальный опыт прошлого. Я кажусь себе с того времени ужасно старым... И с подозрением отношусь к молоденьким женщинам. Я ведь обратил на тебя внимание, еще когда ты шла мимо меня в ту самую жаровню среди камней, но сказал себе: еще одна соплячка. Та, у которой ветер в голове... Но, как видишь, ангел-хранитель не совсем отвернулся от меня!

Он схватил Марину на руки и закружился вместе с ней.

— Отпусти, ненормальный! — в шутку рассердилась она. — Впервые встречаю мужчину, который радуется, что женщине не меньше лет, а больше...

Он вдруг резко погрузстнел.

— У меня не может быть все хорошо. Наверное, ты замужем. И сказала, что твой муж как бы умер, ради красного словца, да?

— Ты вынуждаешь меня выдавать тайны, которые я предпочла бы не разглашать. Но раз ты так волнуешься... Хорошо, скажу правду: я почти замужем.

— Не понял. Это как чуточку беременна?

— Это значит — юридически замужем, согласно штампу в паспорте. А на деле — мужа нет. Он бросил меня, — добавила она с невольной горечью. — Так что я просто не успела развестись. Решила вначале отдохнуть на море...

— Но это же здорово!.. То есть, я хотел сказать, ушел, ну и пусть катится!.. Уйти от такой женщины мог только

круглый дурак! Но ведь ему своего ума не вставишь... Или ты жалеешь? В том смысле, что если он передумает и захочет вернуться, ты примешь его обратно?

— Объясни, почему я должна отвечать на такой, я бы сказала, интимный вопрос?

— Потому, что я хочу на тебе жениться!

Пауза. Все встают. Некоторые тут же падают!

Глава 9

Им удалось попасть за один из немногих столиков, спрятанных за высокими барьерами. Музыка доносилась сюда без помех, но вот любопытные взгляды могли проникнуть лишь с одной стороны, да и ту пока что загоразживал собой официант.

Сначала он принес меню. Потом через несколько минут появился снова, чтобы принять заказ. Марина хотела заказать какой-нибудь нехитрый ужин, но Тимофей настоял на всяческих изысках вроде яиц, фаршированных черной икрой.

— Моя младшая сестра, — заметила Марина, — на моем месте не колебалась бы. У нее девиз: «Люблю себя и балую!» Народ смеется, потому что в нашей стране долгое время считалось, будто любить себя может человек без моральных принципов. Разве не пели: «Раньше думай о Родине, а потом о себе!» Между тем еще древние считали, что тот, кто не любит себя, не сможет любить и других...

— А старшая сестра, значит, ее девиз взять на вооружение не хочет?

— Пока не получается. Привыкла к самоограничению, которое превратилось... — она замялась, но все же призналась, — в пренебрежение к себе...

— Придется брать на себя твое обучение, — приговорно вздохнул он. — Я уже начинаю ощущать себя таким Пигмалионом. Чем быстрее я начну процесс созидания, тем быстрее мне дано будет счастье созерцать ожившую статую...

— Сомнительный комплимент.

— О, прости, я вовсе не хотел тебя обидеть, — спохватился он.

— Я тоже пошутила.

— Разбойница... Но материал для работы очень хороший... Скажи, что бы ты сейчас хотела поесть? Не бойся, призови свою фантазию.

— Та-ак, — Марина поднесла руки ко лбу, — сосредоточиваюсь, заглядываю внутрь... Подскажите, сэнсэй, куда нужно заглянуть — в душу или в желудок?

— В душу, глупенькая! Вспомни, как раньше приговаривали: все, что твоей душеньке угодно!

— Ничего ей не угодно, — разочарованно вздохнула Марина. — Наверное, в моей душе атрофировался орган желания...

— Атрофировался? — ужаснулся Тимофей.

— Может, сузился или усох. Как вы считаете, доктор, это необратимо?

— Ваш орган можно восстановить... если размочить его в некотором количестве шампанского. Самого лучшего.

— А некоторое количество — это сколько?

— Думаю, пары ящиков хватит.

Так они дурачились, танцевали, даже поцеловались в своей кабинке после медленного танца, который так

расслабил их, что Марине показалось, будто они знакомы не один день, а что чувствовал Тимофей было и так ясно.

Осознала она себя идущей в сторону его корпуса. Марина в момент пришла в себя и остановилась посреди дорожки, будто споткнулась.

— Что с тобой? — беспокоился он.

— Я снимаю комнату, которая находится совсем в другой стороне.

— Мариш, но ты же не возражала!

— Прости, затмение нашло.

— погоди, я знаю, почему ты вдруг передумала. Ты боишься, что я не пойму твоего согласия, вернее, пойму его не так, как надо...

Он торопился высказать ей все, потому что опасался, что она просто возьмет и уйдет, а у них все так хорошо складывалось. И разве имеет значение, что подумают люди или что там положено по неписаному правилу? Столько-то встречаться, столько-то целоваться, и только потом ложиться в постель...

— Тим, мы только сегодня познакомились!

— Ну и что же, разве не бывает любви с первого взгляда?

— Если это любовь, никуда она от нас не денется... Я не могу! Понимаешь, может, это и глупо, но... у меня в жизни был один-единственный мужчина. Что-то мешает мне так легко перешагнуть через барьер между моей прошлой жизнью и нынешней. Это нужно сделать, но не так, на полном скаку, чтобы потом жалеть о своей поспешности. Прости!

Она повернулась и пошла прочь.

— Подожди!

Тимофей догнал ее и крепко взял за плечо.

— Неужели я отпущу тебя, чтобы ты одна шла домой? Пойдем, твоя квартира вон там.

Оказывается, Марина потеряла верное направление, и, если бы не Тимофей, неизвестно, где оказалась бы.

— Говоришь, не надо торопиться, а сама куда помчалась?

Марина невесело засмеялась. Ей не хотелось разочаровывать его отказом, но от принятого в самом начале своего нового пути решения — не плыть больше по течению, а также не идти на поводу у других — она не хотела отказываться.

— Самое смешное, — сказала Марина, когда они с Тимофеем шли под руку по дороге, — я сегодня даже не окунулась в море...

— Маришка, а с какого дня ты решила начать новую жизнь? — невинно поинтересовался он.

— С сегодняшнего, — медленно ответила она, соображая, нет ли подвоха в его вопросе.

— Начать с постели ты не хочешь, это понятно, а на какой-нибудь поступок ты можешь решиться?

— Я уже решилась: пошла в ресторан с почти незнакомым человеком.

— И это все?

— А что бы ты хотел?

— Чтобы ты меня поцеловала.

— И это уже было, — смутилась Марина и почувствовала, что ей даже стало жарко от краски, бросившейся в лицо; хорошо хоть, на улице темно.

Теперь, когда она протрезвела окончательно, случившееся с ней сегодня предстало не в самом лучшем свете. Мало того что она пошла в ресторан, где целовалась, она

буквально схватила себя за руку в последний момент, чтобы не пасть окончательно и не отправиться с Тимофеем в его номер!

Супруг Михаил в тесной компании любил развивать мысль, что все женщины — потенциальные шлюхи. Все до единой! Мол, если им создать соответствующие условия: ухаживание по полной программе, цветы, конфеты, комплименты, приличного вида мужика, который смотрит на нее влюбленными глазами, ни одна не устоит. Тут же бери ее, тепленькую! Вот бы он порадовался, что его тезисы так соотнеслись с практикой!

Впрочем, насчет ее, Марины, его отношение прогнозировать трудно. Может, Михаил пришел бы в бешенство. Ведь он оставил ее одну в полной уверенности, что она будет сидеть дома и ждать его, как Сольвейг*, всю оставшуюся жизнь... А вообще, чего это она о нем вспомнила? О человеке, который едва не уничтожил ее как женщину!

— Кстати, — веселым голосом проговорил Тимофей, — можно было бы искупаться в море прямо сейчас!

Марина почувствовала, что он напряжен, а если точнее, обеспокоен: только что между ними была духовная близость, которая стала стремительно таять, как лед на жарком солнце. Он мучительно соображал: в чем провинился? Ведь то, что она покорно пошла с ним к санаторию, произошло как бы само собой, безо всякого нажима с его стороны.

Его слова о ночном купании не вызвали в Марине никакого отклика. Они шли как раз берегом моря, которое шевелилось и дышало в темноте, как огромный зверь. Но думалось вовсе не об этом, а о том, что до ее квартиры

* Героиня драмы Ибсена «Пер Гюнт», символ женской верности.

оставалось совсем немного, всего лишь подняться на пригорок. И она останется одна.

Ей просто необходимо было сейчас побыть в одиночестве, чтобы разобраться, чего это вдруг в ней проснулась тяга к сексу. Да, да, именно так! То, от чего она всегда бежала, то, что никогда не приносило ей особого удовольствия, вдруг так властно повлекло ее, что Марина откровенно струхнула. Вряд ли фригидные женщины, к числу которых она с подачи мужа теперь себя относилась, испытывали такие ощущения...

— Давай завтра? — сказала она и прибегнула к традиционной женской уловке, объясняя свое нежелание: — Сегодня у меня были ранний подъем, сборы, дорога — я устала.

— Да, да, конечно, — поспешно согласился он. — Завтра утром я найду за тобой, и мы вместе пойдем на завтрак.

— Ты решил меня кормить и поить? — улыбнулась она.

— Разве мы не договорились, что мне это приятно и ничего не стоит? К тому же ты ешь как птичка. Уверен, мне это обойдется совсем недорого.

— Признаюсь честно, я старалась выглядеть в твоих глазах получше, — хихикнула Марина. — На самом деле я страшная обжора и меня легче убить, чем прокормить!

Он с облегчением поддержал ее шуточный тон, который давал возможность обеим сторонам разойтись в стороны с минимальными потерями, то есть без обид. Ведь, в конце концов, сегодня — только первый день. А завтра...

— Утро вечера мудренее, — сказали они в один голос и расхохотались.

А Тимофей продекламировал:

На вершине июльской жары
нас кружили цветные миры,
и швырял амальгаму прибой,
многократно бликуя тобой.
Ты шептала: «Чуть-чуть подожди —
отзвенят золотые дожди,
мы пойдем — и у кромки воды
соберем золотые плоды...»

— Спасибо, — вздохнула Марина, остановившись у калитки; сквозь зеленую стену винограда пробивался электрический свет, в беседке слышались веселые голоса. — Мне еще никто не читал стихов. Тем более своих. Такое впечатление, что они у тебя есть на всякий случай жизни.

— Я мог бы читать их тебе всю ночь, — с некоторым упреком проговорил он, — люди еще не спят, слышишь?

— Наверное, они приехали не сегодня, — примиряюще улыбнулась она. — Обещаю, завтра я буду слушать тебя хоть до утра...

Она сказала так в запале, тут же прикусила губу, но было уже поздно.

— Ловлю тебя на слове! — оживился Тимофей. — Ради этого я готов немедленно отправиться на покой и даже не требовать с тебя последнего поцелуя.

— Требовать? — удивилась Марина.

— Конечно, ведь ты обещала пойти ко мне и, получается, обманула!

— Что может наобещать пьяная женщина! — покачала она головой и уже за калиткой послала ему воздушный поцелуй.

Похоже, бедная старушка, позвавшая ее к себе на квартиру, была не так уж бедна. За грубо сколоченным дере-

вянным столом в беседке, увитой виноградом, сидели человек восемь разнополых особей и шумно что-то праздновали. Вместе с ними сидела за столом хозяйка дома и прилегающего к нему жилья, простоволосая и оттого выглядевшая моложе лет на пятнадцать.

— А вот и новая квартирантка! — вскричала хозяйка и резво выскочила из-за стола. — Садись, Мариночка, к столу, я сейчас тарелочку принесу.

— Спасибо, я недавно поужинала и ничего не хочу, — проговорила Марина, но ее никто не услышал. А если точнее, не захотели слушать.

— Дак мы тоже не есть сюда пришли, — пробасил бородатый мужчина в полосатой майке, рядом с которым посадили Марину.

Вся компания дружно рассмеялась, хотя Марина не поняла, из-за чего.

— Чё тут есть! — фыркнул бородатый, и сидящие опять захохотали. Он понизил голос и доверительно сообщил: — Меня звать Саша.

«Это называется — в чужом пиру похмелье», — подумала Марина, понимая, что уйти из-за стола ей не дадут, а, наоборот, начнут втягивать ее в общий разговор, доводить до общего градуса, а если она не захочет пить, станут уговаривать всем столом, потому что у кого-то из них день рождения...

— У нас сегодня — День медицинского работника! — громко, как глухой, пояснил сосед Саша.

— Мне казалось прежде, что День медработника бывает в воскресенье, а сегодня понедельник, или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. Но ведь я сказал, у нас, — правильно? — а значит, мы сами себе его устроили.

— Саша у нас медик, — сказала женщина напротив и посмотрела на него влюбленными глазами.

«Наверное, санитар!» — неприязненно подумала Марина.

С некоторых пор ее стало раздражать стремление отдельных членов человеческого сообщества не только вмешаться в ее жизнь, но и навязать ей свое представление о том, как на самом деле жить надо. И обстоятельства зачастую складывались таким образом, что она не могла от этого вторжения отмахнуться без риска быть вообще отторгнутой сообществом.

Хозяйка положила перед ней тарелку и вилку, а пресловутый Саша тут же, не спрашивая ее желания, наполнил ее тарелку салатом, картошкой и огромным куском какой-то большой жареной рыбы.

Молодой мужчина по другую руку от Марины — она только теперь смогла его разглядеть, потому что он до этого разговаривал с другой своей соседкой, чуть не падая носом в ее тарелку, — обратился к Марине, держа в каждой руке по бутылке:

— Вам вина или водочки?

— Вина, — вздохнув, сказала Марина; она мысленно позавидовала Вике, которая была куда свободнее в своих проявлениях и на ее месте, если бы не захотела, ни за что не села бы за стол. Сказала бы, мило улыбаясь, что-нибудь вроде: «Извините, но я сегодня смертельно устала, дорога меня просто вымотала!» Или: «Всем привет! Иду спать. Сегодня я никакая. Все вопросы ко мне — с утра!»

— Сегодня праздник не у медработников, а у меня, — сказал Марине другой сосед, и она увидела, как сильно он пьян. — Саша вернул меня к жизни всего одним нажатием руки.

— Василий, — окликнул его Саша, — только без чествований, мы же договорились.

— Как вы думаете, — тот, кого называли Василием, с трудом сфокусировал на Марине свое внимание, — что может чувствовать человек, которому дали возможность жить, не чувствуя боли, если до этого он не мог не только спокойно сидеть, но даже и лежать...

— Саша — мануальный терапевт, — пояснила Марине женщина напротив, — а я — Кира, его жена.

Марина невольно оглянулась на Сашу: ему было лет тридцать, а женщине...

— Между нами семнадцать лет разницы, — любезно, видимо, уже по привычке, пояснила та.

— ...А тут появляется волшебник, который одним движением руки...

— Ты повторяешься, — улыбнулся ему Саша и пояснил для Марины: — Я всего лишь вправил Василию смещенный позвонок. Над ним поработал не очень умелый массажист.

— Всего лишь! — несколько обиженно вмешался пьяненький Василий. — А я не мог ни сидеть, ни лежать.

— Понятное дело, больно. — Саша скосил глаза на Марину. — А на вас глядя, милая леди, я могу сразу сказать — кабинетный работник. Не на месте третий позвонок, отчего случаются головные боли. К тому же нарушена осанка. Вы сутулитесь при ходьбе...

— Саша, уймись, мы сидим за столом! — с внезапным раздражением заметила Кира.

И тут, на счастье Марины, Саша стал что-то объяснять хозяйке, другой сосед тоже отвлекся, так что она оказалась предоставлена сама себе.

— Как вы думаете, — обратилась она к жене Саши, Кире, которая продолжала пялиться на нее без особой люб-

ви, — если я сейчас уйду из-за стола, это не будет слишком неприлично?

— Но почему вы... — растерянно начала женщина.

— Я только сегодня приехала, — пояснила Марина. — Дорога, солнце, я устала...

— Конечно, конечно, идите, я объясню остальным...

Вот так Марина ускользнула с этого застолья, в которое угодила, как муха в варенье. Никто и не заметил, что она ушла. По крайней мере в ту минуту, когда она уходила, из чего можно было понять, что в ней не очень-то и нуждались. Просто потому, что Марина — не очень интересный человек...

Нет, у нее точно что-то с головой. Она постоянно буксует на одном и том же. Это уже становится скучным...

«Стоп! — скомандовала она самой себе. — Этого больше не будет!»

«Чего — этого?» — удивился внутренний голос.

«А вот этого: самоуничтожения».

В комнате было душновато, поэтому Марина быстро переделась в ночную сорочку — так, одно название, на тонких лямках, чуть ниже трусиков — и выключила свет. Дверь она решила оставить открытой. Кого ей в этом доме бояться? Не грабителей же. Хозяйка предупредила: во внешнем дворе перед домом ночью бегают дворовый кобель Жук — черный и на вид добродушный.

— На чужих он, может, бросаться и не будет, трусоват, — пояснила хозяйка, — но своим лаем мертвого поднимет!

Марина с наслаждением вытянулась на кровати с металлической сеткой. Вроде их давно не выпускают, а они все есть и есть. Такие вот скрипучие, продавленные под грузом многих тел, но вот поди ж ты... Она хотела поле-

жать в темноте и поразмышлять над тем, что сегодня случилось. С тех пор как от нее ушел муж, у Марины не было времени спокойно расставить все на свои места.

Едва она пришла в себя после странного провала в сознании — на целых десять дней! — как родственники тут же выдворили ее на отдых, который тоже проходил так интенсивно, что Марина не имела времени именно подумать обо всем без спешки...

Но она лишь приготовилась думать, как подкравшийся сон властно сгреб ее в свои сладкие объятия.

Глава 10

А проснулась она именно от объятий, но уже не крылатого бога сновидений, а кого-то вполне материального. Было темно. И этот кто-то недвусмысленно шарил горячими руками по ее телу, заклиная:

— Тише! Только тише!

Марина, еще не разобравшись, кто это, стала так отчаянно сопротивляться, что та самая кровать из металлолома, на которой она спала, яростно заскрежетала.

— Пустите! Кто вы? — тоже шепотом потребовала она, пытаясь удержать тяжелое мужское тело на вытянутых руках.

— Саша я, Саша! — хриплодохнул ей в ухо мужчина и словно в подтверждение своих слов коснулся бородой ее шеи.

— Да плевать мне, что Саша! — уже по-настоящему рассердилась Марина, а каким-то краем сознания отметила, что прежде в такой ситуации она бы впала в панику, а

вовсе не чувствовала злость. — Я не собираюсь ни с кем здесь трахаться!

«Фу, как грубо!» — хмыкнул все тот же внутренний наблюдатель, которому отчего-то было смешно. Со стороны.

— Хорошо, не будем здесь, — легко согласился лежащий на ней, невидимый в темноте Саша, — давай возьмем одеяло и пойдем на берег моря. Там классные лежаки, и вода рядом...

И тут зажегся свет. Как пишут в книгах, вспыхнул. В голове Марины тоже вспыхнул сигнал тревоги: «Берегись, сейчас начнется!»

В дверях комнаты стояла Кира в кокетливом кружевном халате, наброшенном на голое тело — оно как раз таки из этого халата вываливалось, с трудом удерживаемое единственной пуговицей, — и прикрывала рот ладонью, словно закрывая в нем крик.

Нелепее положения, в котором Марина очутилась, трудно было и придумать. Саша даже не сделал попытки тотчас прыгнуть на пол, а словно закаменел на ней, усугубляя ситуацию. Изобрази теперь Марина сопротивление, оно выглядело бы не натуральным, а как бы запоздалым откликом на зажегшийся свет.

Наконец Саша медленно сполз с нее и примиряюще проговорил:

— Ладно тебе, Кира, ничего же не было!

— Да. У меня не в порядке третий позвонок, и ваш муж решил мне его вправить, — не удержавшись, добавила Марина; что за бес поселился в ней? В самые неприятные минуты только и делает, что ерничает.

— Проститутка! — ударил в уши визгливый женский голос, и Кира метнулась к ней, как кошка в каком-то детском мультике, которая летела когтями вперед.

Марина обреченно замерла на месте, отчего-то представляя себе, как ей в лицо сейчас вцепятся эти красные наманикюренные когти, и весь отпуск ей придется провести либо в комнате, которую она сняла, либо вернувшись домой каким-нибудь ночным автобусом... Она даже глаза зажмурила и невольно приподняла подбородок, словно подставляя себя этим когтям, но тут опять раздался визг, на этот раз полупридушенный.

Марина приоткрыла один глаз и увидела, что Кира сидит на полу у ног Саши и он крепко держит ее за запястье.

— Дела-а, — медленно произнесла Марина и, почувствовав в себе некий кураж, наверное, как облегчение от того, что самого страшного не произошло, сказала Кире: — Вообще-то проститутки — это те, которые отдаются за деньги, а у вашего мужа даже карманов никаких нет.

Саша взглянул на нее и чуть заметно покачал головой: мол, смотри, а то я сейчас ее отпущу:

— Давайте разойдемся по своим комнатам и поспим, — сменила тон на просительный Марина. — Я просто падаю с ног от усталости. Давайте отложим цирковое представление на завтра.

— На завтра?! — взвыла Кира и попыталась вскочить на ноги, но муж ей этого не позволил, и она опять покорно уселась возле его ноги.

— То есть я пошутила. Я хотела сказать, давайте поспим, а утром поговорим о том, кто прав, кто виноват.

— Утром ты соберешь свои шмотки, и чтобы я тебя здесь больше не видела!

— Дело в том, — уточнила Марина, — что я заплатила за эту комнату и по крайней мере неделю имею право жить здесь, в то время как вы грубо нарушаете Уголовно-процессуальный кодекс в части неприкосновенности жилища...

Вот это она загнула! Вика, наверное, описалась бы от восторга, услышав такую абракадабру.

Супруги обалдело уставились на нее, а потом Кира первая, а Саша за ней вышли из комнаты, оставив наконец Марину одну. Она думала, что больше не сможет заснуть, но, наверное, ее психика уже устала на потрясения реагировать. Марина заснула, едва коснувшись подушки.

Разбудила ее квартирная хозяйка, и, судя по доброжелательному тону, она еще не успела узнать, что произошло минувшей ночью.

— Мариночка, там тебя спрашивает какой-то молодой человек. Я сказала, что ты спишь, но он потребовал разбудить. Говорит, что он из комитета по надзору за отдыхающими.

— Надо будет написать в ООН о нарушении им прав человека или лично разогнать к чертям собачьим этот комитет! — вздохнула Марина, но хозяйка уже ретировалась.

Ничего не поделаешь, пришлось вставать. Она надела ситцевый костюмчик, который состоял из двух частей: длинной юбки до щиколоток и топики, открывающего широкую полоску живота. Виктория строго-настрого наказала: каждый день надевать что-нибудь новое. Она даже свой сарафан в гардероб сестры подкинула — для количества.

Главное — Марина надела свою широкополую соломенную шляпку, ту самую, дорогую, которая должна была придавать ей какой-то особый изыск. Ну да, по шляпке встречают, по чему-то там провожают...

Марина забросила в пляжную сумку купальник, большое махровое полотенце, выскочила за дверь и, пробегая мимо умывальника, ладонью плеснула на лицо водой. Ей так часто в жизни приходилось ждать, что она

не только навеки возненавидела ожидание, но и старалась не заставлять ждать других. Тех, к кому хорошо относилась...

— Доброе утро, ваше величество, — проговорил Тимофей, который стоял, нависая над калиткой, наверное, приготовился долго ждать. — Ваша шляпка не слишком велика для этого маленького поселка?

— Как раз такая, чтобы закрыть от любопытных глаз мое до крови расцарапанное лицо.

— Что? — испугался он и сорвал с нее шляпу, но ничего такого не увидел и облегченно вздохнул. — Это ты пошутила, да? На мне, веришь ли, ажно шерсть встала дыбом. Думаю: кто посмел? Урою!

— Ох, какой ты, оказывается, агрессор!.. Но не стал бы ты бить женщину!

— Если на близкого мне человека кто-то поднимает руку, пол не имеет значения.

Марина с интересом посмотрела на своего спутника:

— Я всегда мечтала о таком защитнике! Но кто-то из великих сказал: берегитесь мечтать, мечты сбываются... Тимоша, друг мой, ты говоришь только о физическом оскорблении твоего близкого человека или и о моральном?

— О любом! — сказал он категорически.

— Можешь и моему бывшему мужу навалить?

— Почту за честь. Вы мне доверяете, мэм?

— А какие у тебя расценки?

— По ночи за каждое рыло.

Марина расхохоталась.

— Убери с лица это зверское выражение! Я же пошутила.

— А я — нет.

— Кто платит, тот девушку и танцует, — пробормотала Марина. — Шутки шутками, но мне откровенно не нравится направление нашего разговора. Ты — кто? Рэкетир?

Разбойник с большой дороги? Сообщаю сразу, чтоб без недомолвок: никакой тяги к уголовному миру я никогда не ощущала. Выходцев из зоны не романтизирую. От бластных песен не тащусь!..

— Мариш, ты чего? Прямо-таки вызверилась!

— Это оттого, что в какой-то момент мне стало страшно находиться рядом с тобой.

— Но тебе-то чего меня бояться? Пусть боятся враги.

— Сегодня я тебе друг, а завтра тебе во мне что-то не понравится и я перейду в другой разряд...

— Да пойми ты! Я как только почувствовал, что у тебя что-то случилось...

— У меня ничего не случилось!

— Как представил, что тебя в этом гадючнике посмел кто-то обидеть, мне просто кровь бросилась в голову!

— Думаешь, я за себя не сумею постоять?

— Зачем стоять тебе, если есть я? Значит, все же что-то произошло?

Рассказывать — не рассказывать? Она же совсем не знает Тимофея. Еще подумает, что это Марина спровоцировала нападение на себя. Решит, что кокетничала, дала повод...

— Будет тебе раздумывать! Я же вижу, лоб наморщила, слова подбираешь. Колись, пока я добрый.

— Тим, ты видел, какие в этом доме окна?

— Видел. Маленькие.

— Да еще и ни одной форточки!

— Хочешь сказать, спать было душно?

— Хочу сказать, что я легла спать и оставила дверь в свою комнату открытой. Тем более что и дверь на улицу тоже была открыта...

— Понятно, дальше.

— А дальше проснулась я от того, что кто-то на меня навалился, закрывает рот и шепчет: «Только тихо!» А сам руками по телу шарит...

— Ты узнала, кто это был?

— Конечно, увидела.

— Разве не было темно?

— Жена этого типа почти тут же зажгла в моей комнате свет.

Тимофей остановился и удивленно посмотрел на нее:

— Ты знала их раньше?

— Нет. Вчера первый раз увидела. Они как раз сидели за столом, когда я шла к себе. По-моему, все бабкины квартиранты, человек восемь. Усадили меня за стол. Я посидела минут пять, только рюмку пригубила, а потом потихоньку сбежала. Я ведь вчера только приехала... И не заставляй меня оправдываться! Я терпеть не могу делать это, когда не виновата!

— Что ты кричишь? Я тоже не люблю оправдываться. И никогда не стал бы тебя подозревать в чем-то плохом...

— Ты же меня совсем не знаешь и подумаешь, что это я...

— Я ничего не подумаю, слышишь? — Он опять остановился посреди улицы, взял Марину за плечи и развернул лицом к себе. — Запомни, я очень хорошо знаю, что такое оправдываться, не будучи виноватым. А тем более требовать того же от тебя... Она тебя поцарапала?

— Не успела. Муженек ее перехватил.

— Сейчас мы позавтракаем и прогуляемся по пляжу. Ты мне его покажешь.

— Ни в коем случае!

— Тебе его жалко?

— Нет, я не хочу, чтобы из-за меня случилась драка. Может, кому-то из женщин это бы понравилось, а я не хочу!

— А драки не будет. Таких, как он, я быю всего один раз, после чего у них отваливается все, что тянется не туда, куда надо...

— Тем более, ни к чему отягощать свою совесть чьим-то членовредительством.

— Ну, если ты не хочешь... Хотя мне это непонятно. Хамы должны получать по заслугам. В прежние времена я вызвал бы его на дуэль и все бы знали, что я защищаю честь женщины. Теперь, значит, это просто сойдет ему с рук...

Но Марина ничего ему не ответила, а задумалась: в небольшом промежутке времени со стороны сильного пола это уже вторая попытка применить к ней насилие. Что случилось? Вроде бы прежде она не казалась другим мужчинам настолько желанной, чтобы ради нее идти на риск. Она слышала о том, как к некоторым женщинам, случалось, подкатывали товарищи мужа или еще какие знакомые. У нее такого ни разу не было... Привела себя в порядок, стала выглядеть лучше, но не легкодоступной же!

— Приятно поговорить с умным человеком?

— А? Что? — очнулась Марина.

— Я говорю, разговариваешь сама с собой. Может, поделишься?

— Знаешь, совсем недавно на меня никто не обращал внимания...

— Не придумывай, я никогда этому не поверю.

— Поверь уж, так все и было. Я жила как во сне. Плыла себе по течению и ничего вокруг не видела. А если о чем задумывалась, так это о том, какой стиральный поро-

шок лучше купить и каким «Утенком», желтым или синим, чистить унитаз.

— «Утенок» — чистящее средство?

— Вот именно. С разными добавками: запаха лимона, хвои или еще какого другого.

— Маришка, я никак не уловлю, к чему ты ведешь разговор.

— К тому, что нужно было мужу бросить меня и уйти к другой, чтобы я взглянула на себя со стороны. Оказалось, я совершенно запустила себя. Ну там обычный уход за волосами, за фигурой — для меня этого не существовало. Муж, уходя, сказал: кому ты будешь нужна?

— Ты посмотри, какая гнида! — не выдержал внимательно слушавший ее Тимофей. — Значит, мало того, что уходил, постарался еще сильнее обидеть. Кастрировать таких кобелей нужно!.. И ты ему поверила?

— Прежде всего я разозлилась. Сказала себе: посмотрим! Занялась собой, понимаешь? Я думала, что для меня как для женщины жизнь уже кончилась: сиди дома и готовь обеды, и вовсе не обязательно выглядеть привлекательно. Муж любит, и ладно. Не для других же мужчин себя холить!.. Дура, да?

— А ты знаешь, я тебе завидую.

— Что? Завидуешь, что меня бросили?

— Нет. Завидую, что ты открываешь себя для себя. Это очень интересно. У тебя каждый день происходит что-нибудь новенькое...

— Ага, всего за неделю это уже вторая попытка... склонить меня к сожительству, как говорит моя сестра.

— Ты и меня считаешь?

— Нет. Перед самым отъездом я в городском транспорте столкнулась с сексуальным маньяком!

Тимофей остановился и захохотал так громко, что за забором свирепо залаял огромный пес.

— С тобой не соскучишься! — Он взглянул на часы и схватил ее за руку. — Заболтались! До конца завтрака осталось полчаса. Завтракать мы будем в «Прибое», я договорился с директором ресторана. У них здесь самые свежие молочные продукты. Побежали!

И они помчались по улице, мимо моря, хохоча на ходу и вызывая удивленные взгляды отдыхающих. В этом приморском поселке никто не бегал.

— Значит, говоришь, маньяк был сексуальный?

— Не очень, больше пугал... В том смысле, что прожить себя во всей красе ему помешали.

Возле здания санатория они остановились, приняли серьезный вид и вошли в ресторан чинно, как и положено взрослым людям, но всплеск веселья и склонности к дурачеству, посетивший их одновременно, странным образом сблизил молодых людей. Как будто у них появилась общая тайна или общее дело. Они переглядывались, все еще посмеивались, даже когда к их столику подошла официантка.

Марина успела посмотреть меню и попросила:

— Мне, пожалуйста, овсяную кашу и апельсиновый сок.

— Ты экономишь или таким образом поддерживаешь фигуру? — удивился Тимофей.

— Ни то, ни другое. Утром я никогда не могла есть помногу...

А когда официантка, приняв заказ, отошла, Марина продолжала:

— Фигуру берегу, говоришь? Еще чуть-чуть, и мы с тобой станем отдыхать, словно давно живущая вместе супружеская пара. И я не стану думать о фигуре, ведь ты будешь любить меня всякую...

— А разве это плохо? — осторожно поинтересовался он. — Мне это было бы очень приятно...

— А мне — дискомфортно! — рассердилась Марина. — Ты не понимаешь или делаешь вид? Сколько ты заплатил за мое питание?

— Маришка, какая разница?

— Большая. Я не хочу переходить на твое иждивение только потому, что вчера мы провели вместе полдня и ты спас меня от возгорания... И потом, эти шуточки насчет твоей женитьбы на мне. Как хочешь, но я вовсе не считаю брак чем-то смешным или достойным того, чтобы его воспринимали без пиетета...

— Марин, ну чего ты на меня вызверилась? Я же ничего такого не сделал. И к браку я отношусь самым серьезным образом...

— Ничего. Просто застолбил, как старатель, участок и теперь начал его разрабатывать!.. Лучше скажи прямо, что ты от меня хочешь?

— Тебя удивляет, что я хожу вокруг да около? Потому, что я тебя обхаживаю, охмуряю, облизываюсь, как кошка на сметану, пускаю слюни, как хохол перед салом...

— Довольно! — рассмеялась она.

— Нет, погоди, я договорю. Конечно, я не знаю, как ты отнесешься к тому, если я скажу тебе прямо: переезжай ко мне в номер, давай вместе проведем отпуск. Вдруг разозлишься и дашь мне по физиономии. Или обидишься: «За кого ты меня принимаешь?» Или возьмешь и уйдешь из-за стола, чтобы никогда больше не видеть мою наглую рожу... Уверяю тебя, моя спешка вовсе не из-за отсутствия неуважения или плохого воспитания, а всего лишь из-за того, что у нас мало времени. Вот скажи, ты надолго приехала?

— На недельку-полторы. Сестра уговаривала остаться на две недели, но у меня есть еще кое-какие дела...

— Видишь! И ты будешь все это время жить на квартире, где тебя каждую минуту может обидеть какое-нибудь чмо...

— А в твоём номере меня никто не сможет обидеть?

— Клянусь! — Он поднял кверху два пальца. — Не обижать, не принуждать, не требовать, не склонять, не...

— Хватит, я уже верю.

Она опять невольно поддалась той бесшабашности, которая с самого начала стала присутствовать в их отношениях. Хотя внутренний голос пытался о чем-то ее предупредить, но он столько лет работал против Марины — ведь это у него она шла на поводу долгие годы, веря, что только так и надо жить, терпеть и не обращать внимания на мелочи, то есть на саму жизнь...

— «Я не насильник, поверь мне, Сима», — чуть ли не пропел Тимофей, поднося ее руку к губам.

Ну как можно на такого сердиться? Он сразу почувствовал перемену в ее настроении и просиял:

— Значит, ты согласна?

Почему бы Марине хоть раз в жизни не побыть легкомысленной? «И легкодоступной!» — все же съехидничал внутренний голос. Но она уже приняла решение, хотя и не без некоторого трепета: эх, была не была! Потому лишь согласно кивнула.

— Обещаю, ты об этом не пожалеешь! — сказал он. — После завтрака мы пойдем к тебе на квартиру и заберем вещи...

— Вообще-то я заплатила вперед, — проямлила она и устыдилась собственных слов.

— Я тебе все компенсирую! — торжественно провозгласил Тимофей, принимаясь за отбивную размером с его ладонь.

Марина, к своему стыду, почувствовала, что и сама не прочь вонзить зубы в такую на вид вкуснятину. Но она запретила себе об этом думать, потому что в ее новой жизни — она это поняла — придется отказаться от некоторых вредных привычек, чтобы поддерживать форму, которая вызывает интерес у таких незаурядных мужчин, как Тимофей.

Одним из стереотипов, которым Марина следовала в своей прошлой жизни, было представление о том, что все российские медики — честные, принципиальные люди, которые борются не только с болезнями, но и с человеческими пороками. Она не могла бы теперь объяснить, откуда это взяла. В свое время она, например, считала чуть ли не небожительницей свою любимую учительницу и очень удивилась, придя к ней домой, что та, как самая обычная женщина, вешает на балконе белье.

Такое длинное вступление понадобилось Марине теперь, когда, идя с Тимофеем на квартиру, она представляла себе, как они войдут в калитку, а из-за стола поднимется Саша-терапевт и скажет:

— Прости меня, Марина, я поступил подло.

Или что-то в этом же роде. Она протянет ему руку в знак примирения, а Тимофей уронит скупую мужскую слезу...

И ведь она почти угадала. Насчет того, что Саша с Кирой сидели за столом в беседке и завтракали. Словно накануне ничего не случилось. Как самая обычная любящая семейная пара.

Тимофей прошел в калитку следом за Мариной и в ответ на ее предложение: «Может, здесь подождешь?» — Буркнул:

— Пойдем вместе. Во избежание какого-нибудь очередного конфликта...

Наверное, Кира хотела что-то сказать. А Саша весь словно сжался, приподнялся и опять рухнул на лавку под тяжелым взглядом Тимофея. Тот полуобернулся к Марине:

— Этот?

— Этот, — кивнула она, удивляясь самой себе: неужели она все-таки хочет, чтобы Тимофей ради нее устроил здесь драку?

Раньше она никогда не ощущала в себе мстительности. И, если честно, осуждала женщин, которые допускают, чтобы из-за них дрались. Ведь совсем недавно она ничего такого не хотела. Ей-богу, у Марины Ковалевой семь пятниц на неделе!

Почему у нее даже ноздри затрепетали в предчувствии мордобоя, нет, битвы... Именю битвы за ее доброе имя. Сражения. Дуэли за честь дамы. Кажется, даже грудь у нее стала шире... И увеличилась на один размер. Это уже Марина над собой посмеялась.

Неожиданно обстановку разрядил сам Саша:

— Ладно, мужик, не зверей. Я обошелся подло с твоей девчонкой, признаю. Если ей недостаточно моего извинения, тогда, конечно, давай драться. Что поделаешь, такой у меня дурной характер. Стоит хоть немного выпить, как меня тянет на приключения. Скажи, Кира! Ей, бедняжке, больше всего достается.

— Все ведь обошлось, не так ли? — подключилась и Кира, наверное, прикинув, что мужчины находятся в разных весовых категориях.

Тимофей выслушал вначале Сашу, потом его жену, слегка согнувшись, будто в боксерской стойке. Марина как-то ходила с Михаилом на турнир по боксу. Ей так и хотелось сказать: в красном углу ринга боксер тяжелого

веса Тимофей... Цирк, она даже фамилии его не знает, а туда же!

Но они ждут чего-то... Ах да, Марина должна как бы взмахнуть платочком. Или поднять вверх большой палец. Или опустить его вниз. Мол, убей моего обидчика.

— Я прощаю его, Тимоша, — сказала Марина. — Подожди здесь, пойду сумку соберу.

Глава 11

— Ты назвала меня Тимошей, — напомнил он ей по дороге на пляж.

— Тебе это не понравилось?

— Очень понравилось!

Марина никак не могла понять некоего надрыва, с которым Тимофей к ней относился. Самые обычные ее поступки и слова — для этого ей не требовалось никаких усилий, делала все так же, как привыкла, за небольшим исключением! — воспринимались им чуть ли не как откровение, так что она даже пугалась. Конечно, приятно, когда ты нравишься мужчине, но когда он начинает тебя чуть ли не обожествлять, это напрягает.

Подниматься с Тимофеем наверх в его номер она не стала, но он и не настаивал. Сам отнес ее сумку, пока администратор выписывала ей карточку отдыхающего. Сколько заплатил за нее Тимофей, она не знала, но догадывалась — немало. Пожалуй, суммы, оставшейся от некупленных японских часов, Марине вряд ли хватило бы.

А в ее... ухажера, кавалера, поди разберись, как его называть, словно вселился бес расточительства. Он еще в

холле гостиницы купил шахматы с инкрустированной замысловатым узором доской, наверняка стоившей кучу денег. И это после того, как Марина лишь согласно кивнула на его вопрос о том, играет ли она в шахматы.

— Ты играешь в шахматы?

Он посмотрел на нее таким восхищенным взглядом, будто она сообщила, что плачет жемчужными слезами.

Потом он задал, с ее точки зрения, идиотский вопрос, нет ли у нее аллергии на какие-то фрукты. И по дороге на пляж накупил этих самых фруктов столько, что даже при интенсивном поедании их хватило бы не меньше чем на неделю.

Наконец Марина рассердилась и почти приказала ему:

— Немедленно прекрати покупать что бы то ни было, не советуясь со мной.

Это был с ее стороны психологический ход. Потому что простого отказа он бы не послушал: мол, мне ничего не надо, и все.

Тогда он и сказал ей эту фразу:

— Ты назвала меня Тимошей.

— А тебя разве зовут Степой?

Он опять восхитился остроумием Марины. Это уже стало ее настораживать: все ли у него в порядке с головой? Так реагировать на довольно плоскую шутку...

Впрочем, эти размышления не помешали Марине поставить Тимофею мат уже на шестом ходу. Он отчего-то решил с ней поиграть как с ребенком и не нашел ничего лучше, как начать с детского мата. Папа, который учил ее играть в шахматы, сказал бы: вашим же салом вам же по мусалам!

— Ни фиги себе! — огорчился он. — Ты мне поставила мат.

— Поставила, — кивнула Марина и потянулась, как кошка. Солнце уже подобралось к ее ногам под тент, где они сидели, точно игривый котенок, который перелез через забор.

— Давай еще раз сыграем, — предложил Тимофей, и Марина даже удивилась его расстроенному виду. Она вспомнила однокурсницу колледжа Таньку Фомичеву, которая советовала ей и сама неукоснительно совету следовала: никогда не играть с мужчинами второй раз.

— Первый раз они почти всегда проигрывают, — поясняла Танька. — Потому что играют небрежно, не предполагают в тебе серьезного противника. А во второй раз собирают в кулак свою волю — у нас-то такой нет — и уже выигрывают наверняка. Второй раз не играй!

Но Марина — не Танька, ей вовсе не хотелось утверждаться в мнении Тимофея как некая супер-гром-баба. Что поделаешь, она не феминистка. Пусть лучше думает, что Марина выиграла случайно. Потому, что он был невнимателен. Она неплохо играет в шахматы, но до него ей, конечно, далеко.

Фомичева непременно сказала бы:

— Ты не тщеславна. Еще не хватало, им поддаваться!

Но Марина поддалась и была вознаграждена в полной мере. Тимофей, едва выиграл, воспрянул духом, расцеловал ее:

— Моя маленькая! Ничего, выиграешь в другой раз. Тебе не повезло, это бывает. Ты не очень огорчилась?

Что поделаешь, если мужчины так по-детски азартны? И почему бы им в том слегка не подыграть?

— Я огорчилась, — капризно сказала Марина.

И Тимофей стал ее успокаивать. Кормить виноградом, бананами, уговаривал, как маленькую, съесть еще кусо-

чек, когда она сослалась на сытость. И вообще уже чувствовал себя виноватым. Зачем обидел девочку? Не мог поддаться, что ли?

День промелькнул, Марина не успела и заметить. Она вдруг осознала это лишь в лифте, который вез ее на этаж, где жил Тимофей.

Едва они вошли в номер, как Марина сразу напряглась. Вмиг забылось то легкое, непринужденное настроение, которое установилось между ними за этот день.

Теперь она ждала, что ее новый знакомый все испортит, набросившись на нее с ходу, как это обычно делал муж. Наверняка станет рвать с нее платье, тащить к кровати и, не давая ей опомниться, станет насильно проникать в нее...

Однако ничего подобного не произошло. Тимофей первым делом зажег свет. Правда, не верхний, а двухрожковое бра, которое давало достаточно света, чтобы он не выглядел чересчур интимным.

— Ты не хочешь принять душ? — как-то буднично спросил он, будто они знакомы много лет и ни о каком стеснении между ними не может быть и речи.

— С удовольствием, — обрадовалась Марина.

Ужинали они в ресторане городском. Тимофей настоящий. По его мнению, ужин в гостиничном не выглядел праздничным. А у них сегодня был именно праздник — новоселье Марины. Имелось в виду, что она переселилась на новое место.

В общем, после ресторанной духоты, тяжелого воздуха, в котором плавали кольца сигаретного дыма — кроме них с Тимофеем курил, кажется, весь остальной зал, — у Марины создалось ощущение, что она вся покрыта тонкой липкой пленкой с противным запахом никотина.

Сумка Марины стояла на видном месте у стены, и она достала из нее красивый махровый халат, который они с Викой купили на барахолке.

— Будешь набрасывать его на себя, выходя из бассейна, — пошутила сестра.

— Разве я не на море еду? — уточнила Марина.

— А разве у моря не бывает бассейнов? Не все любят общие пляжи, — рассудила Вика.

Марина вошла в ванную и неприятно поразилась тому, что на двери нет задвижки. Ей не приходилось прежде бывать в таких роскошных апартаментах, возможно, так и должно быть, но она опять представила себе, как Тимофей воспользуется случаем, чтобы ворваться к ней, едва она разденется.

Однако не купаться же одетой. Она раздевалась нарочно медленно, но дверь не открывали. Потом она помылась в душе, невольно торопясь и поглядывая на дверь — та по-прежнему оставалась закрытой.

«Хроническая дура!» — сказала себе Марина и запретила думать о двери, хотя с успехом могла приказать себе, как в сказке, не думать о белом верблюде.

Тимофей проводил ее в спальню — не на диване же им заниматься сексом, но Марина с удивлением обнаружила, что у кровати, хоть и разобранной, стоит небольшой столик, а на нем — огромная ваза с фруктами, ваза с конфетами и пирожными и шампанское в ведерке со льдом. Должно быть, он заказал все это по телефону, пока Марина сражалась с его призраком в ванной.

— Маришка... — Тимофей поцеловал ей руку, но опять не стал на нее набрасываться, а пожаловался: — Я не успел порезать апельсин. Но ты меня прикроешь, пока я тоже схожу в душ?

— Прикрою, — со скрытым облегчением рассмеялась она.

Пока она резала апельсин, привычной рукой поправила сервировку стола, из ванной показался Тимофей в тяжелом, красном с синим, халате.

— Я не слишком задержался?

— Нет, — покачала она головой и невольно отметила взглядом черные завитки волос на его груди, видневшиеся в ворота халата.

Странно, почему на пляже, когда Тимофей был в одних плавках, его тело не вызывало в ней такого любопытства?

Он сел на кровать рядом с ней и с легким хлопком открыл шампанское.

— Чего мы сегодня только не пили! — заметила Марина, у которой слегка закружилась голова при одном воспоминании о том, сколько она сегодня впервые перепробовала. Включая виски и шартрез, о котором она прежде только читала.

— Но шампанское, согласишься, должно венчать вечер. Особенно по поводу такого торжественного случая, как твой переезд ко мне. Ты оживила мои поблекшие от многих печалей глаза...

— Подожди, — улыбнулась Марина, — кто же из нас мыслит поэтическими символами?

— Ты права, с некоторых пор внутри меня все время звучит нежная мелодия, к которой хочется подбирать какие-то особенные слова...

«Ах да, он же поэт!» — вспомнила Марина, слегка ошеломленная его речью, откровенно непривычной для ее слуха. У нее никогда не было знакомых поэтов. Да и не могло быть за неимением знакомых мужчин, если не

считать друзей мужа. Они были, что называется, сухими прозаиками.

— Ты настоящий поэт? — наверное, глупо спросила она. — И книги издаешь?

— Книг пока не издал, — хмыкнул он. — Но поэзия, смею надеяться, — состояние моей души. Только она помогла мне выжить в том аду, из которого я уже не чаял вернуться!

— Ты воевал?

Она сразу почему-то подумала про Чечню. Или еще какие-то горячие точки. Где еще в нашей стране может быть ад? Болото — это другое дело...

— Можно сказать, воевал. Сражался за собственную жизнь. За сохранение своего «я». К счастью, стихи любят и в раю, и в аду...

— Прочти мне что-нибудь свое, — попросила она.

— Хорошо, слушай.

Он на мгновение задумался, вспоминая, и продекламировал:

На проезжей дороге трава не растет.
Я хотел тебе, девочка, это сказать,
но тяжелая ночь ни вздохнуть не дает,
ни упрямые губы для крика разжать.
Хочешь, выйдем с тобой в законные сны —
пусть колышутся руки зеленых ветвей,
когда я тебя в пьяное небо весны
отпущу с ледящей ладони своей.
И когда под покровом падучей звезды
я помедлю в столетия утлые плыть —
я тебе напророчу любовь без беды,
а потом наколдую меня позабыть,
потому что в душе моей слишком темно
для того, чтобы верить, что это пройдет;
потому что, казалось, мы счастливы, но
на проезжей дороге трава не растет.

Марина почувствовала себя так, будто по ее обнаженному телу скользнул леденящий ветерок. Ей стало зябко и неуютно. Он читал стихи будто для нее. Будто предупреждал...

— На проезжей дороге трава не растет, — повторила она. — Как страшно.

— Вот уж не думал, что могу кого-нибудь испугать своими стихами, — криво улыбнулся Тимофей.

— Не стихами. Сравнениями. Страшно, когда говорят о душе: проезжая дорога.

— Спасибо. — Он соскользнул на пол и встал перед ней на колени. — Спасибо, что ты пропускаешь мою боль через свое сердце. Если бы ты знала, как порой мне не хватает обычного участия. Ощущения, что тебя понимают. Что рядом с тобой человек, который слышит стук твоего сердца...

Марина сидела без движения, как будто из ее души тонкой струйкой вытекало что-то привычное, устоявшееся, то, с чем она жила долгие годы и к чему привыкла, и на место этого привычного вливался тот самый леденящий холодок, заполняя освободившееся место. Только холодок, и ничего больше. Она тщетно ждала тепла — тепла не было.

«В чем дело? — закричал в испуге ее внутренний голос. — Что с тобой происходит? Разве так бывает — вместо тепла холод?!»

А Тимофей между тем зарылся лицом в ее колени, отодвинул махровую ткань и приник губами к коже. Как обжег. Но откликнулось на это опять-таки не сердце и не душа, а некая чувствительная точка внизу живота.

— Спаси меня! — почудилось ей. — Воскреси!

Его горячие губы нежно касались ее ног, и ткань мягко скользила, распахивалась, открывая Марину им навстречу.

Ага, вот и откликнулось сердце. Но не так, как откликаются на высокое чувство, ее будто кольнуло, сердце застучало, когда он коснулся ее губами... там, куда прежде ее никогда не целовали. На мгновение ее охватила паника, но Тимофей что-то прошептал, продолжая целовать ноги, и она опять расслабилась, отдаваясь непривычной ласке.

Она закрыла глаза. Он не причинял ей никакой боли. И это было странно. Что же тогда делал с ней Михаил, если прежде секс был для Марины не столько удовольствием, сколько тяжким испытанием...

Тимофей перестал ее целовать и с удивлением посмотрел на ее закусенную губу.

— Мариша, что случилось? Я сделал тебе больно?

— Нет. — Но голос ее предательски дрогнул, а глаза наполнились слезами.

— Ты боишься? Самых обычных отношений между мужчиной и женщиной? Кто же это сотворил с тобой такое?

— Мой муж, — прошептала Марина. — Он всегда брал меня силой.

— Козел!.. Или тебе это нравилось?

— Нет, — сказала она и всхлипнула. — Я чувствовала себя в постели как в зубодробительном кресле.

Он захохотал. Но тут же осекся:

— Прости, представил себе некий прибор вместо бор-машины... И ты не сопротивлялась? Не говорила, что тебе это не нравится?

Она смутилась и покраснела, не зная, как ответить на его вопрос.

— Ты будешь смеяться... Я думала, что это нормально. Что так и должно быть, понимаешь? Он ведь был у меня

первым мужчиной и единственным... Глупо, да?.. И потом... он говорил, что я фригидная. То есть холодная...

— Я знаю, что такое фригидность, — проговорил он, пожалуй, излишне резко и опять спохватился: — Извини!

— Нет, теперь я знаю, что слова Михаила — это еще не приговор...

— Откуда ты это знаешь? — быстро спросил он.

— Ты меня напрягаешь! — рассердилась Марина. — Если ты все время собираешься допрашивать меня таким образом, то уж лучше мне опять вернуться на квартиру. Просто я почувствовала это, и все!

Он спохватился и стал целовать ее руки.

— Прости, сам не знаю, что со мной творится. Я чертовски ревную тебя к твоему мужу, и если бы у нас в стране были разрешены дуэли, я застрелил бы его недрогнувшей рукой.

Тимофей запахнул халат и резко стянул его поясом, но Марина успела заметить, что он уже полностью был во всеоружии. И сумел остановиться? Она опять подумала, что Михаил в таких случаях считался только со своими желаниями. Для его «хочу» не было ее «не могу». Он бы заломил ей руки, навалился на нее, раздвигая своим коленом ее стиснутые ноги...

— Тяжелый случай! — между тем пошутил Тимофей. — Пожалуй, для храбрости мне надо выпить.

— Для храбрости?

Неужели Марина напугала его сообщением о своей фригидности? Ей вовсе не хотелось получить и от него такое клеймо. Ведь до сих пор она считала себя почти инвалидом секса и потому закрывала глаза на похождения Михаила.

Объясняла себе, что он уходит к другим, потому что с ней ему не может быть хорошо.

— Для храбрости, — повторил Тимофей. — Такой случай — экзамен на право называться настоящим мужчиной.

— А я в этом случае кто? — Марина поняла, что он шутит.

— А ты — трудный субъект, которого нужно завоевать, чтобы получить желанный диплом.

— Ты успокаиваешь меня. — Она пригорюнилась. — Это бесполезно, да? Когда женщина не получает удовольствия от секса...

— Скажи, а целоваться тебе нравится? — спросил он, не обращая внимания на ее слова.

— Нравится.

— Вот видишь, у меня появилась надежда. — Он вложил в ее руку бокал и чокнулся. — За нас. — Подождал, пока она допьет, отобрал бокал и притянул ее к себе. — Ах ты, бедная овечка! Мне ли роптать? Судьба преподнесла мне такой подарок — право разбудить в любимой женщине женщину... Иди ко мне.

Он посадил ее к себе на колени.

— Скажи, чего тебе сейчас больше всего хочется?

— Чтобы ты погасил свет, — вырвалось у нее.

Свет и в самом деле мешал ей, как если бы она знала, что за ними кто-то подсматривает.

Он снял ее с колен, но из рук не выпустил, а пристроил на плече, чтобы освободить руку и погасить свет.

Правда, абсолютного мрака все равно не получилось — напротив их здания строился еще один высотный корпус, и свет прожектора на стреле подъемного крана падал в окно. Можно было бы задернуть шторы, но и этому полумраку Марина была рада.

Тимофей осторожно снял с нее халат и небрежно сбросил свой прямо на пол. Марина по-прежнему сидела у него на коленях, но уже не дрожала, как прежде, хотя все равно волновалась.

Он коснулся ее губ, приглашая ответить на поцелуй. У нее получилось не очень умело, но ему понравилось. Марина мельком подумала, что она совсем темная, несмотря на то что читала «Эммануэль» и смотрела порнокассету.

Тимофей в отличие от нее на мысли не отвлекался. Он оторвался от ее губ и коснулся шеи — миллион мурашек побежали по ее телу, даже, кажется, дыбом поднялась кожа.

Тимофей взялся губами за мочку уха, и опять Марина содрогнулась, как от удара током.

— Холодная? — тихо засмеялся он прямо ей в ухо. — Да у тебя нет ни одного нечувствительного места!

Он осторожно положил ее на кровать.

Странное оцепенение нашло на Марину. Как будто ее, точно змею, волшебной дудочкой зачаровал факир. И в то же время вся она казалась себе одной чувственной клеткой, которая отзывалась на каждое прикосновение Тимофея.

Когда он стал целовать ее грудь, осторожно, нежно, она чуть не застонала от удовольствия, но все еще контролировала себя, потому что этого порыва устыдилась.

Но он, кажется, решил не давать ей передышки. Все ее тело горело от его поцелуев, а та самая точка внизу живота запульсировала почти болезненно. Тимофей коснулся ее пальцем, и Марина жалобно попросила:

— Тима! Тимочка! Пожалуйста!

— Что ты хочешь, родная?

— Тебя! — вскрикнула она. — Скорее!

Ей казалось, что еще мгновение, и она умрет от переполнивших ее чувств. Взорвется, как переполненный сосуд, на тысячи осколков.

Он опять приник к ее груди, не переставая ласкать пальцем тот самый бугорок, как вдруг огромная волна наслаждения накрыла ее так, что Марина захлебнулась криком:

— Мамочка!

Тьма в ее зажмуренных глазах вспыхнула желтыми искрами, как огни электросварки, и на мгновение она потеряла сознание. Пришла она в себя от того, что Тимофей коснулся губами ее виска и с некоторой тревогой спросил:

— Маришка, тебе плохо?

— Мне хорошо, — прошептала она и тут же спохватилась: — А как же ты? Ты ведь ничего не успел.

— А ты уже собралась спать?

— Нет. Но я больше ни за что не смогу пережить ничего подобного. А ты ведь хочешь, чтобы я соучаствовала.

— Непременно. Потому сейчас мы немного перекусим, отдохнем и... с новыми силами...

Она притворно застонала.

— Что я слышу? — подивился он. — Неужели эта температура оказалась слишком высокой для моей Снежной королевы и она вся растаяла?

— Не вся, конечно, кое-что осталось...

И потом еще что-то отвечала на его шутки, смеялась, опять пила шампанское, но другая ее половина безмолвствовала в полном шоке. Она ощущала себя человеком, о котором у всех сложилось стойкое впечатление, что он такой тихий, мухи не обидит, а он взял да совершил хладнокровное убийство, причем сам в том нисколько не раскаивается.

— Что вы, мадам, это только начало, — услышала она и громко расхохоталась.

Странно, что ей теперь перестал мешать свет, зато целые стада мурашек постоянно караулили любое движение Тимофея, чтобы тут же покрывать все ее тело, бросать его то в жар, то в холод...

— Никогда не говори «никогда»! — засмеялся Тимофей, когда она в очередной раз забилась под ним, вцепля-

ясь зубами в его плечо, потому что краем сознания понимала, что они всего лишь в гостинице и здесь могут быть не такие уж толстые стены...

Они опять пили шампанское, и она вдруг поймала внимательный взгляд Тимофея, которым он смотрел на нее поверх бокала.

— А вот этого не надо! — покачал он головой.

— Чего — этого? — смешалась Марина; как всегда, у нее все написано на лице: и та нежность, с которой она думала о том, что он волшебным образом вдохнул жизнь в бесчувственную статую, и о том, что она готова сделать для него все, чтобы он тоже ощутил себя на вершине блаженства.

— Самопожертвования, — буркнул он. — Я боюсь этого фанатичного огня в глазах женщин.

— Чего же ты хочешь?

— Чтобы этот огонь шел не только из глаз, а из другого места...

Марина покраснела, а он усмехнулся:

— Мариш, я имел в виду душу, а ты?

— Хулиган! — прыснула она.

— А если серьезно, я хотел бы видеть тебя рядом с собой. Не впереди, не сзади, а именно рядом. В одной упряжке.

Глава 12

Было три часа ночи, но спать не хотелось. Марине казалось, что она вся выпита до дна, что больше она уже не сможет испытать этот взрыв, этот фейерверк желтых звезд, которые вспыхивали у нее перед зажмуренными глазами, чтобы потом просыпаться золотым же дождем.

Она бездумно лежала у Тимофея на плече, уже не стесняясь, не прячась от него, не в силах даже свести вместе ноги, когда в какой-то момент ей лениво подумалось: не слишком ли бесстыдна эта ее поза?

Теперь, после того, как Марина поверила в то, что она может чувствовать все то же, что и другие женщины, особенно страстные, ее даже потянуло на эксперименты.

Ей хотелось все испробовать, и при этом она прислушивалась к себе, невольно анализируя, что чувствует, как быстро заводится, и почему-то жалела своего мужа: неужели он не знает самого элементарного в отношениях мужчины и женщины? А она, Марина, сколько из-за него недополучила! Сколько времени упущено!

А впрочем, у него теперь есть другая женщина... Почему — теперь? Похоже, они у него всегда были. И наверное, они не позволяли так же грубо использовать их, как он делал это с Мариной. О, с ними ему приходилось трудиться, их ублажать, а жена — так, полигон для испытаний. В том смысле, что для нее особенно не нужно было стараться. Взял, использовал, и спи спокойно, дорогой товарищ...

Однако как быстро она всему училась. Тимофеем оказался таким неутомимым, что она уставала от эмоций. Но ему понравилось ее «открывать», и он старался непременно довести ее до того самого бурного выплеска, что оказалось вовсе не так просто.

Зато она быстро научилась его обманывать, имитируя высшую точку близости, и в нужные минуты вскрикивать, таким образом давая себе возможность хоть чуть-чуть отдохнуть.

Прав был мудрец — все хорошо в меру. А Марина, как назло, опять оказалась в крайней точке. От нее требовали

мгновенного перехода от фригидности к африканской страстности.

«Интересно, — подумала она, получив наконец короткую передышку, — а бывают мужчины, которые любят женщин нормально? Не требуя от них перенапряжения?»

Ну почему все у нее должно быть чересчур? Или это уже Марина, что называется, перебирает харчами?

Через три дня напряженных любовных отношений она стала с некоторой ностальгией вспоминать свой дом, где совсем недавно могла сутками спать, никем не тревожимая.

Марина поняла, что устала.

С Тимофеем она постоянно не высыпалась, а во все остальное время он доставал ее до печенок своим настойчивым вниманием. Таскал в валютные магазины и требовал, чтобы она выбирала все, что ей нравится. Он покупал ей все, на что неосторожно падал ее взгляд. В конце концов она стала напоминать себе некую птицу, которая от рождения бегала на воле, клевала что хотела и сколько могла, а потом ее поймали, посадили в загородку и стали кормить насильно. Так, что она с трудом могла дышать...

Конечно, она не имела в виду свою семейную жизнь, хотя даже в ней виделись теперь свои прелести. Грубый секс с Михаилом был хорош тем, что случался не часто.

Итак, Марина лежала без сна, а ее нечаянный возлюбленный наконец выдохся и спал на спине, слегка всхрапывая и хватая ее за плечи при попытке пошевелиться. Словно боялся, что она может от него убежать.

«Откуда у него столько денег? — думала Марина. — Может, Тимофей — какой-нибудь бизнесмен? С другой

стороны, он так легко их тратит, будто и не заработал, а нашел где-нибудь на дороге...»

Почему она лежит и не может заснуть? Подумать только, даже во время перенесенного ею стресса — ухода дорогого и единственного мужа — она спала без задних ног... То есть сон этот, конечно, был ненормальный, даже, как говорят врачи, болезненный, но она спала. Теперь же в глубине души ее что-то царапало, что-то не давало смежить веки и закачаться на крылах Морфея, говоря образным языком. Что ее беспокоило?

Ага, вот это... Тогда, в самый первый день. А если точнее, в первую ночь они с Тимофеем решили искупаться в ночном море.

Охранник на выходе попытался их не выпустить, объясняя, что директор якобы запретил отдыхающим болтаться по ночам. Точнее, после двенадцати. Может, это была и инициатива самого охранника, ведь из-за них на своей смене он не мог как следует выспаться, а должен был то открывать перед ними двери, то закрывать...

Как бы то ни было, только что благодушно настроенный Тимофей, расслабленный и вальяжный, вдруг странным образом превратился в другого человека. Он схватил охранника за шиворот и что-то прошипел ему в самое ухо. Одно слово Марина, впрочем, услышала. Странное. Что-то вроде «Фреды». После этого охранник отступил в сторону и посмотрел на Тимофея чуть ли не с подобострастием. И стал лепетать:

— Конечно... Пожалуйста... В любое время...

— Что ты ему сказал? — поинтересовалась Марина: настроение у нее тогда было великолепное; она обожала своего любовника, для которого не было преградой никакое препятствие, который мог защитить ее от любой напасти. — Он даже про наказ директора забыл.

— Сказал, что отрежу ему яйца, если он впредь посмеет меня куда-то не выпускать или не впускать, — нехотя проговорил Тимофей.

Марину покорила его грубость, но она тотчас услужливо оправдала его: мужчина разозлился, а в такие моменты они обычно не выбирают выражений. Ох уж эта ее привычка оправдывать неправых в ущерб собственным принципам. Она считала, что в присутствии женщины мужчина обязан проявлять сдержанность.

— А что такое «фреди»? — продолжала допытываться она, все еще в игривом настроении, ожидая, что ее возлюбленный сменит показную суровость на прежнее добродушие.

— Не что такое, а кто такой, — все еще хмуро поправил он. — Фреди — это мое погоняло.

— Погоняло?! — изумилась Марина.

— Кличка, значит.

— И ты хочешь сказать, что здешний охранник ее знает? Или вы вместе работали с ним... в кузнечном цехе?

Ну да, ведь именно так говорил Тимофей. Мол, потому он так громко и разговаривает. Она так подумала, но отчего-то уже тогда ей стало неуютно.

— Нигде мы с ним вместе не работали! — В голосе Тимофея прозвучало раздражение.

— Но тогда откуда он тебя знает? Разве ты не живешь в том далеком городе, про который говорил? Если я хоть что-то помню из географии, он отстоит от моря не на одну сотню километров...

— Ты думаешь, я обманул тебя? Но зачем? Сразу ведь обо всем не расскажешь. К тому же нам с тобой было не до разговоров, не так ли?

Но этот его шутливый тон с намеком на интимность прозвучал как-то зловеще, словно он опять хотел влезть в

шкуру, которая подобно шагреновой коже вдруг съежилась и стала ему мала. Не натягивался на него прежний облик рубахи-парня. Тимофей и сам это чувствовал, оттого злился еще больше.

— Просто сюда мы приехали вместе с пацанами — нашему бригадиру исполнился полтинник...

— С пацанами — в смысле с кузнецами? — все еще старалась понять она.

Что-то тревожно кольнуло ее: то ли от тона ее возлюбленного, то ли от странного «пацаны» по отношению, надо думать, к взрослым мужчинам.

— Скорее, в том смысле, что мы вместе деньги куем! — хохотнул он, снисходительно, но без доброты на нее поглядывая.

— У вас совместное предприятие?

Марина еще не понимала, что это страх толкает ее на дотошное выяснение подробностей — ей очень хотелось ошибиться! Не может судьба обойтись с ней так несправедливо! Чтобы первый же встреченный ею мужчина, тот, который пробудил в ней женщину, тот, в кого она почти влюбилась, оказался... бандитом!

«Господи, пронеси!» — взмолилась Марина, понимая, однако, что не пронесет. И это его «погоняло», и «пацаны». И явный страх охранника, который в отличие от нее сразу понял, с кем имеет дело...

— Можно сказать, что предприятие. — В голосе его отчетливо прозвучала досада. — Я и сам собирался тебе об этом рассказать, а теперь, поскольку так все повернулось... Ты меня засыпала вопросами, словно я не с любимой женщиной гуляю, а на допросе в ментовке сижу...

Он на глазах изменился так, как меняются люди в американских фильмах про вампиров: вместо зубов появля-

ются клыки, а взгляд становится хищным. Она даже невольно отшатнулась, а он, заметив ее испуг, разозлился еще больше.

— Я действительно работал в кузнечном цеху, и у меня погиб рабочий. Прежде на всех уровнях — собраниях, совещаниях, планерках — я говорил, что на нашем оборудовании работать опасно, но сдуру ничего не оформил письменно, и сволочь-директор на суде стал утверждать, будто ничего не знал и все дело в моей халатности... Из-за этой твари я отсидел шесть лет!..

Марина уже была не рада, что стала его об этом спрашивать. Как хорошо, если бы она и дальше ничего не знала. Но было уже поздно.

Тимофей, словно его прорвало, стал рассказывать о том, какое потрясение испытал, попав в зону. Он, у кого мать была врачом, ученым, а отец — дирижером областного симфонического оркестра, оказался на одних нарах со всяким отребьем, с человеческим мусором, отверженный, всеми забытый.

Родители случившимся были потрясены и не хотели слушать сына. Не верили, что он ни в чем не виноват.

Они, конечно, все шесть лет ездили к нему на свидания, но он всегда читал в их глазах нежелание ЗНАТЬ, каково ему здесь приходится. Они палец о палец не ударили, чтобы помочь ему выйти раньше срока, как делали другие любящие родители. И ведь они были далеко не бедными...

Тимофей все шесть лет ловил на себе их испуганные взгляды. Они всматривались в него, изучали — насколько он успел испачкаться этой грязью, как глубоко въелась в него зековская парша? Они не столько сострадали своему сыну, сколько боялись за свое добропорядочное интел-

лигентское существование. Наверное, они бы предпочли, чтобы он умер!

— А может, ты ошибаешься и родители вовсе не перестали тебя любить, а всего лишь волновались, что заключение может тебя сломать. По-своему пытались тебе помочь...

Марина хотела оправдать неведомых ей родителей, убедить, что они не могли от него отказаться, что наверняка переживали за него, но получила от него неожиданно резкий отпор:

— Не лезь в это дело, ты все равно ничего не поймешь!

Марина обиделась. Она всегда была ровной в общении с другими. Тимофея она ничем не оскорбила. Поверила ему. Отдала свое тело... Такие резкие перепады настроения она принимала за истерику, считала, что мужчины не должны себе этого позволять... И вообще она вдруг почувствовала себя посторонней и ненужной. Ей захотелось уйти и никогда больше его не видеть.

Но он не интересовался больше ее настроением, потому что сейчас думал только о себе и вспоминал собственные унижения и то, что он до сих пор не простил всему свету. Она объяснила себе это так, что Тимофеем все же сломался после пережитого потрясения, как ни уверял он ее, а прежде всего самого себя, что вышел из сражения с судьбой сильнее прежнего, без поражения.

Дальнейший его рассказ вызвал у Марины откровенное недоверие. Якобы все друзья и родные от Тимофея отвернулись. Его презирали, боялись запачкаться. Он стал изгоем, и если бы не братва... да, именно пацаны, а сначала пахан протянули ему руку помощи.

Для начала отомстили козлу-начальнику. На Тимофея никто ничего не подумал, потому что он сидел в зоне и

вообще не был прежде судим. Не имел знакомств в криминальном мире.

Пахан первым делом спросил его, как он хочет отомстить своему погубителю: убить его или сделать так, чтобы он жил, но проклинал свою жизнь? Тимофей выбрал второе. Братва сдержала слово: директор, теперь уже бывший, остался жить, но на самом деле был уничтожен. От него к молодому любовнику ушла жена, единственная дочь села на иглу и за одну дозу спала со всеми подряд, а враг Тимофея спился и теперь бомжевал...

Марина содрогнулась от этого рассказа, а Тимофей наконец понял, что зашел слишком далеко, и стал срочно исправлять положение. Он рассказывал ей, какие отличные парни его пацаны, как он теперь живет, ни в чем не зная нужды. Понятное дело, деньги приходится отрабатывать, но по окончании дела он всегда получает достаточно, чтобы жить безбедно...

Он донес Марину до моря. Они вместе плавали в лунной дорожке, и целовались, и даже занимались любовью прямо в море. И она притворялась, что ничего не случилось. На самом деле в тот же день все кончилось, но Тимофей этого еще не знал.

Однако, наверное, что-то почувствовал: с той поры он ни на минуту старался не оставлять ее наедине со своими мыслями. Ласкал, целовал, исполнял любое желание, заглядывал в глаза, караулил любое ее движение...

Казалось, она забыла о его откровениях, но разве может в самом деле забыть о них нормальная женщина? Марина не была подростком, которого влечет романтика зоны и вообще уголовного мира, она была женщиной, инстинктивно этого боящейся. Теперь выяснилось, что не напрасно.

В той среде, в которой Марина жила, побывавшие в заключении воспринимались как инопланетяне, как мины замедленного действия, поставленные неизвестно на какое время.

Эти люди, по мнению несудимых, воспринимались как человеческий материал, пропущенный через жуткую мясорубку исправительных учреждений. Там, в этой мясорубке, в самых непредсказуемых вариантах перемешивались добро и зло, принципы и беспринципность. О каком-то исправлении заключенных говорить было даже смешно. Само государство относилось к бывшим зекам с недоверием, что же тогда говорить о простых обывателях?

Если в первые моменты она ничуть не поверила словам Тимофея о том, что он хочет на ней жениться, то теперь не видела в этом ничего странного. Тимофеем страдал серьезно и, возможно, необратимо. Наверняка до ареста он воспринимал мир как все нормальные люди, сейчас же окружающая среда виделась ему совсем в другом свете.

Она не помнила, в каком фильме говорили об этом: видеть небо в крупную клетку. Но для этого, оказывается, не обязательно все время сидеть в тюрьме. Решетка на зрачках оставалась и по выходе из нее...

Наверное, в минуты просветления он понимал, что увязает все глубже, что самому ему ни за что не выскочить из болота, потому и хватался за Марину как за соломинку, за свою последнюю надежду.

В другом случае Марина не оставила бы без внимания его безмолвный крик о помощи, но она была не одна.

Она представила себе, как даст слово Тимофею и они поженятся. И он станет отчимом ее сына Юрки. И бу-

дет учить мальчика тому, что он совсем недавно пытался втолковать Марине. Но она — взрослая женщина, ее существо не приняло ни его логики, ни взгляда на мир, а ее малыш? Он станет достойным учеником своего нового папаши.

А родители Марины... Сможет ли она сказать им, кто ее новый избранник? И откуда у него ТАКИЕ деньги.

Но дело даже не в этом! Тимофей был выходцем из другого мира. Для них и в самом деле изгоем, с которым они вряд ли испытают желание поддерживать контакт.

Таким образом, выбор, какой предстояло сделать Марине, виделся ей в виде огромных весов. На одной их чаше расположился новый чувственный мир, открывшийся ей с помощью Тимофея, который к тому же помог высвободиться ее второму «я». На другой чаше — весь остальной мир Марины, с его этикой, традициями, представлениями, но в нем она родилась и родила новое существо, принадлежащее таки этому миру. Сможет ли она принести сына в жертву своим новым страстям?

Она лежала в темноте ночи на плече Тимофея и при этом понимала, что не сможет.

И хорошо, что Марина не взяла с собой Юрку. Подумать только, накануне она об этом сокрушалась. Под влиянием энтузиазма Тимофея. Он сказал тогда:

— Поверь, я буду парнишке хорошим отцом. Вот увидишь!

В тот миг она ему поверила. Чуть было не предложила тут же поехать за сыном. Полтора часа туда, полтора обратно...

Эти мысли так растревожили Марину, что она попыталась осторожно высвободиться из объятий Тимофея, встать с кровати, но он и во сне держал ее так крепко,

что при нужде пришлось бы его будить. А разбуженный, он опять захотел бы ее. И Марина предпочла дожидаться утра.

Заснуть ей так и не удалось. Несколько раз она проваливалась в дрему, но тут же с испугом просыпалась, словно крепкий сон мог быть для нее опасен — во сне Марина становилась слишком беззащитной, а после того, что она обо всем передумала, именно наступавшее утро ей хотелось встретить во всеоружии.

Именно этой ночью она приняла решение и теперь смотрела в темное окно, за которым никак не хотел наступать рассвет.

Вот только осуществить его, как Марина справедливо полагала, будет не очень легко. Тимофей ведь тоже принял в отношении Марины свое решение, и в нем ее согласие считалось само собой разумеющимся. Ей оставалось в таком случае дожидаться подходящего момента.

А ведь что-то похожее в его жизни, видимо, уже было. Марина отчего-то подумала, что в прошлый раз объектом его вожделения оказалась как раз молоденькая девушка. Но не из теперешнего криминального мира Тимофея, а из того же, обычного, из какого была сама Марина.

Видимо, девушка была из хорошей семьи — как раз из его прежней жизни среднего интеллигента. Может, и дочь каких-нибудь знакомых его родителей. Вопреки мнению Тимофея они скорее всего пытались оттащить его от нынешних дружков, вернуть к привычному окружению. Они не хотели верить, что уже поздно и что их сыночек слишком крепко увяз...

Оттого он сейчас и рассказывает небылицы не столько другим, сколько самому себе, что причина его падения

именно в черствых и неблагодарных близких. Это они якобы вдруг перестали его понимать. Предали. А вовсе не он сам пошел по пути наименьшего сопротивления...

Наверное, и Тимофей не сразу разобрался, как себя вести с хорошей девушкой. Попытался сразить ее наповал романтикой зоны, а всего лишь напугал. Не пожелал смириться с ее отказом, нежеланием принять его такого крутого. Она стала его избегать, а он попытался ее преследовать. Девушка пожаловалась родителям, а то и сразу милиции...

Теперь Тимофей, значит, решил, что женщина в тридцать лет поймет его скорее, чем двадцатилетняя. Увы, опять его ждало разочарование.

Ох как разыгралось у Марины воображение! Кто сказал, что была в его жизни эта двадцатилетняя? И что она бросила его так же, как это собиралась сделать Марина.

А Тимофей будто и во сне почувствовал, что в их отношениях наступил переломный момент, и тоже прернулся. Но когда заглянул в глаза Марины, увидел в них лишь безмятежный огонь и желание. Она даже не ожидала, что сумеет так искусно притвориться.

— Сегодня мы пойдем с тобой в летний театр, — сообщил он Марине, когда они отдыхали после жаркой любовной схватки. — Приезжает московский ансамбль «Тетра-Шок». Помнишь, тот самый, где четверо мужиков одеваются женщинами и хохмят над всеми без разбора. Есть небольшое «но» — мне придется уехать. Не надолго, на часок-другой. Ты не успеешь и соскучиться. К тому же я оставляю тебе достаточно пухленькую пачку баксов, и ты сможешь поехать на катере в город, побродить по магазинам, купить себе что захочешь. Отдыхать так отдыхать!..

Позавтракали они здесь же, в санаторном ресторане на первом этаже.

Потом Тимофей чмокнул ее в щеку и заторопился:

— Я побежал. Ты тоже не слишком задерживайся. Вернись, устроим показ купленных моделей с медленным одеванием. Оно возбуждает, говорят, не меньше, чем раздевание... Шучу! Кстати, в шкафу на полке плеер с наушниками. Возьми с собой.

Она смотрела через стеклянные стены, ограждающие вестибюль, как Тимофей садится в серебристый «мерседес», а когда он махнул ей на прощание рукой, махнула в ответ. И тут же поспешила к лифту.

Оставленные Тимофеем деньги Марина, конечно, брать не стала. Сложила их в коробку из-под плеера — мало ли... Станет горничная прибираться, да рука у нее и дрогнет. Ей не хотелось, чтобы Тимофей думал, будто она корыстолюбива.

Все-таки уехать без хоть какого-то объяснения она не смогла. Написала ему записку: «Мы должны расстаться. Прости. Не ищи». И в постскриптуме приписала: «Проверь плеер, барахлит!» Догадается, что не зря написала.

Правда, в том, что он не будет ее искать, она вдруг усомнилась. И вспомнила, что вынуждена была давать свой паспорт, когда ей выписывали визитку для беспрепятственного прохода в корпус. От этого она ощутила внутри некий холодок, но постаралась отмахнуться от глупых, как она себя успокоила, мыслей. Неужели он надумает ее искать? Курортный роман есть курортный роман. Он ни к чему не обязывает...

Этот день можно было считать удачным. Когда Марина, что называется, на всех парах примчалась на автостан-

цию, то узнала, что через пять минут уходит автобус до ближайшего населенного пункта. Правда, стоящий несколько в стороне от основной трассы, но, как сообщила ей диспетчер, до родного города Марины оттуда гораздо чаще ходили междугородные автобусы.

Главное для нее сейчас было — выехать из этого курортного поселка, а там... Там она сумеет затеряться. То ли пересаживаясь с автобуса на автобус, то ли найдя попутную машину, чтобы добраться до дома как можно быстрее. Только там ей виделось спасение от этой трясины, в которую ее начало засасывать...

В автобусе Марина заняла первое сиденье и напряженно смотрела на дорогу, по которой навстречу автобусу неся встречный транспорт. Поймала она себя на том, что невольно повторяет — водителю автобуса или самому автобусу? — быстрее! быстрее!

А когда увидела мчащуюся навстречу серебристую легковушку, не стала даже вглядываться, та машина или нет, а просто быстро опустилась вниз и сделала вид, будто ищет что-то на полу автобуса.

— Вы что-то уронили? — спохватился и ее сосед, мужчина лет пятидесяти.

— Клипсу! — брякнула Марина, незаметно снимая одну из них с уха.

Услужливый сосед попытался искать пропажу с ней вместе, но Марина остановила его:

— Здесь искать напрасно. Теперь я вспоминаю, что потеряла ее на пляже. Это точно. Слышала ведь, как она упала, но не обратила внимания.

Кто его просит лезть со своей услужливостью! Ага, уставился на ее коленки, обнажившиеся от всех ее усилий по мнимому поиску. Дедуля, тебе пора о Боге думать!

Едва только автобус выехал на основную трассу, Марина передумала ехать на нем и дальше — слишком невысокая скорость. Она попросила водителя остановить автобус, и уже через минуту рядом затормозил синий джип и красномордый улыбающийся водитель приветливо распахнул перед ней дверцу:

— Садись, красавица, много с тебя за проезд не возьму.

Его обращение Марине ничуть не польстило. Вот, оказывается, как она стала теперь себя ценить. Ну красавица, ну и что! Как говорит ее сестра Вика: «А если мужчины думают иначе, то они зажрались!»

Глава 13

Марина открыла дверь своей квартиры и лишь тогда вздохнула с облегчением: ее побег прошел без сучка без задоринки.

Водитель джипа, подобравший ее на трассе, оказался человеком веселым и добродушным — впрочем, не поторопилась ли она опять делать выводы? Как бы то ни было, он подвез Марину до самого дома и не взял с нее денег.

— Как же так? — растерялась Марина, всегда помнившая насчет бесплатного сыра в мышеловке; а вдруг и этот — Володя — имеет на нее какие-то виды, что-нибудь этакое с нее потребует.

— Да ладно тебе размышлять! — посмеялся он. За дорогу они успели перейти на ты. — Симпатичная девчонка, с юмором, неглупая. Да если хочешь знать, это мне повезло с такой пассажиркой, а не тебе. Я и не заметил, как до

города доехал. Двое суток в дороге, уже начал носом кле-
вать... И вообще, не жди, приставай к тебе не буду. У
меня есть жена, любимая, и я не собираюсь ей ни с кем
изменять. Если хочешь знать, то это я тебя боялся. Ду-
маю, начнет заигрывать, а как такому симпомпончику от-
кажешь?

Он довольно расхохотался и умчался на своем джи-
пе, не спросив ни где она живет, ни тем более как ее
фамилия.

— Встретимся еще, — только и сказал он, — в одном
городе живем! Как говорится, гора с горой не сходятся, а
Магомет с Магометом могут...

И вот теперь беглянка, облегченно вздохнув и сняв
босоножки, с удовольствием зашлепала по прохладному
полу. А вообще, чего она боялась? Можно подумать, Ти-
мофей — какой-нибудь уголовный монстр. Кто, интерес-
но, он в своем мире? Грабитель? Кидала? Киллер?

Она содрогнулась. Это же надо было так влипнуть!
Клин клином ей захотелось выбить. Но видимо, Мари-
на такая «везучая», что и клин ей достался особенный.
Как говорится, Бог семерым нес... То ли клин, то ли
осиновый кол...

В самой глубине души, впрочем, она готова была при-
знаться самой себе, что, если бы не сын, родители, кто
знает, может, она бы рискнула, осталась с Тимофеем и
была с ним счастлива.

Если бы да кабы...

Марина села в свое любимое кресло в гостиной, слов-
но разом обессилев. Это называется — поехала на море на
две недели. И вернулась на четвертый день. Но сколько в
эти трое суток вместилось!

Нет, все же ей грех на свою судьбу жаловаться. А что
она хотела — с первой попытки попасть мышкой в цель?

Есть в Интернете такая игра. Сколько там причитается долларов попавшему? Марина как-то на работе отправляла письмо по электронной почте и, поскольку никого поблизости не было, с полчасика, наверное, все щелкала мышкой, пыталась попасть в скачущую цель. Только зря старалась. Сколько таких желающих? А жизнь — это тебе не мышкой щелкать. На такой философской ноте она покончила с угрызениями совести насчет своего курортного романа.

— Приперлась! — раздался у нее над ухом разочарованный голос Вики. — Так я и знала!.. Кстати, мы с Людвигом на тебя поспорили. Я считала, что ты приедешь завтра, а он настаивал на воскресенье.

— Кто такой Людвиг — иностранец?

— Почему иностранец? Людвиг — его кличка...

Кличка! И здесь клички.

— Он сидел, что ли?

— Да с чего ты взяла? У него фамилия — Людвиковский.

— А-а-а...

— Завтра будем учить вторую букву — бэ-э-э, — передразнила Вика. — Ты какая-то приторможенная. Случилось что-нибудь?

— Случилось. Еще как случилось, — тяжело вздохнула Марина.

Вика ничуть не обеспокоилась, но азартно причмокнула:

— Вот что значит — женщина вышла в свет! Подожди, я угадаю: у тебя украли деньги. Ты по глупости взяла их на пляж.

— Не брала я на пляж никаких денег!

— Прямо на квартире украли?

— Да целы мои деньги! Ничего с ними не случилось. С чего вообще ты взяла, что у меня украли деньги?!

— А потому что другую причину просто трудно придумать. Ага, ты сделала упор на том, что украли не деньги. Что же тогда? Невинность? Разве ты делала рефлорацию?.. Ладно, не пыхти! Какой нормальный человек в разгар сезона без причины уедет с моря?.. Не смогла найти квартиру?

— Смогла. Нашла.

— Тогда я ничего не понимаю. А ты, между прочим, обещала раньше времени не приезжать. И я, кстати, строила свои планы исходя из твоего отсутствия!

— Придется перестроить. Кстати, а чего ты явилась среди дня?

— На обед пришла. Ну и прибраться здесь кое-что...

— И принять кое-кого...

— А что, в твоей квартире в падлу принять хорошего человека?

— Виктория, не груби! Мне и самой тошно.

— Ладно, не строй из себя старую гримзу. Прикинь, когда у меня будет такая квартира, как у тебя? Супруг твой хоть и кобелина был, а как хозяин... Нет слов, все в дом ташил! А я, между прочим, всю ухаживаю за твоим сыном и моим племянником. Сходила с ним в кукольный театр. Завтра обещала повести в «Луна-парк».

— Кстати, а почему ты про мужа сказала «был»? Мы пока с ним не развелись.

— Неужели ты надумала его простить? — ахнула Вика. — Посмотрела на других мужиков и решила: что-то на что-то менять — только время терять?

— Чего это вдруг ты стала такая скромная, не называешь вещи своими именами.

— Не хочу тебя травмировать. Вижу ведь, ты вся на взводе.

— А что — так заметно?

— Для любящей сестры — как на ладони.

— Спасибо, родная!

Сестры обнялись.

— Смешала тебе карты своим приездом, да? Если хочешь, пару дней я могу пожить у родителей. Больше, конечно, не обещаю. Хочу оставшиеся дни отпуска побыть одна...

— Ничего, перебьется! — с неожиданным ожесточением в голосе проговорила Вика. — Если подумать, ты приехала как нельзя кстати. А то я от скуки таких дел могла наворотить!.. Ладно, со своими делами сама разберусь. Ну-ка, скажи, чего это мы глазки в сторону отводим? Уж не влюбилась ли ты, сестренка?

— Не совсем.

— Ответ, конечно, интересный. Влюбилась не совсем. Что же тогда — совсем? Испугалась? Оказалось, что у него жена и куча детей и он мог предложить тебе только тайную связь...

— Вот еще! — дернула плечом Марина. — Он предложил мне выйти за него замуж.

— Что? На третий день знакомства?

— Почему на третий? В первый же день.

— А он нормальный, как ты думаешь?

— Нормальный... криминальный!

— В каком смысле? Вы познакомились, когда он тащил у тебя из сумочки кошелек?

— Нет, судя по всему, его интересуют не кошельки, а, скорее, крупные счета.

— Послушай, Маришка, ты отстала от жизни. Давно известно: тот, кто вытащил у гражданина кошелек, — вор,

а кто украл из государственного бюджета миллион — бизнесмен.

— Нет, он не бизнесмен. Он просто отсидел шесть лет, а после зоны решил, что среди нормальных людей у него не осталось друзей, что все его предали, включая родителей. И теперь у него нет других близких, кроме братвы. Пацанов.

— Да-а-а, — задумчиво протянула сестра. — Не вздумай сказать маме, она со страху умрет.

— Не учи ученого.

Виктория посмотрела на часы и засуетилась:

— Ой, через сорок минут у меня важная встреча. Пойду кофе хлебну.

Она помчалась на кухню и захлопала дверцами шкафов. Крикнула оттуда:

— Не возражаешь, если я у тебя поживу?

— Живи, кто тебе не дает.

— Маме пока не скажем, что ты приехала, а то она сразу что-то заподозрит.

— Что же мне, и Юрку домой не забирать?

— Конечно. Тебя же на море отпустили. Отдохнуть. Вот мы с тобой и отдохнем. В воскресенье на реку съездим, добавим тебе загара. Если спросят, почему ты так плохо загорела, скажешь, что теперь это не модно. В смысле сильный загар. Мол, нарочно сидела под навесом...

— Все продумала, умная ты моя!

— А как же, борьба за существование выкристаллизовала во мне борцовский характер. Ты костюм спортивный хоть раз надела? — уже из прихожей спросила Вика с набитым ртом.

— Не успела! — крикнула Марина и пошла в коридор, чтобы набросить на дверь цепочку.

Сестра спрашивала о том белом спортивном костюме, таком дорогом, что прежняя Марина себе его ни за что бы не купила. Но тут прав народный фольклор: дорого да мило, дешево да гнило! Странно, лишь в преддверии своего тридцатилетия Марина поняла, что ей нравится носить дорогие вещи и приучила себя не думать о том, сколько они стоят...

Она отправилась в душ, прихватив с собой костюм. Внутренний голос попытался воззвать к ее благоразумию: стоит ли расхаживать по дому в баксовом прикиде? Но Марина одернула его словами Высоцкого: «Ведь живем снова!»

Человек к хорошему быстро привыкает. Вроде никого в гости не ждала, а вот поди ж ты, после душа сбрызнулась французской туалетной водой. Снова распечатала новую упаковку. Почему бы не попробовать новый запах? Сколько же эта вода простояла без применения? Ради интереса она глянула в киоске на море, сколько стоит такая вода. Полторы штуки.

Надо сказать, настроение у Марины поднялось. Она взглянула на себя обнаженную в то самое зеркало до пола, которого прежде стеснялась. Точнее, себя в нем. Теперь с каждым днем — немало помогли тому и постельные упражнения с Тимофеем — ее фигура обретала прежние очертания. Еще немного занятий, на тренажере, том самом, что второй год пылится на балконе...

Марина, напевая, вышла из ванной в своем новом костюме и услышала, как в дверь звонят. Она пошла открывать, но дверь оказалась уже открытой, вот только стоящий за дверью не смог войти в квартиру из-за дверной цепочки.

А на пороге оказался не кто-нибудь, а ее юридический муж Михаил Ковалев собственной персоной. Сказать, что

он ее новому виду просто изумился, — значит ничего не сказать. Он был сражен. Даже не сразу смог проговорить:

— Можно войти?

— Пожалуйста! — Она качнула бедром, и этого движения у нее прежде не было, и промурлыкала: — Это ведь и твоя квартира, не так ли?

Но он ей ничего не ответил, и Марина усмехнулась, вспомнив афоризм какого-то юмориста: «В его лице было что-то открытое. Кажется, рот».

Теперь она вообще уже над ним смеялась, а такого прежде не было никогда. Не могло быть.

— Кофе выпьешь?

Марина упругой походкой прошествовала мимо него на кухню, а Михаил, как сомнамбула, поплелся за ней следом и остановился в дверях.

— Ты за вещами? Я тебе их приготовила. В коридоре под вешалкой стоят.

— Выпью, — наконец отозвался он. — Ты надушилась французскими духами, или это у тебя Вика была?

— Это не духи. Всего лишь туалетная вода. Я принимала душ, — пояснила она.

— Принимала душ, — повторил за ней Михаил, — и воспользовалась французской туалетной водой?

— Не пойму, что здесь странного? — Марина сделала вид, что не понимает его удивления. — Многие женщины используют туалетную воду именно после душа.

— Но раньше ты не пользовалась духами. И туалетной водой тоже...

— Раньше! Мало ли что было раньше. Дура была, не правда ли? — сказала она, не дослушав.

И полезла в кухонный шкаф — нужно же поставить что-то на стол к кофе. Сладкоежка-сестра непременно долж-

на была что-нибудь купить. И точно. В шкафу отыскалось печенье-пирожное, одно из самых дорогих. Вот у кого надо поучиться себя любить!

— Я приходил вчера вечером. Тебя не было дома, а здесь расположилась твоя сестрица со своим хахалем. И даже не соизволила сказать, где ты!

Странно, Вика об этом ей ни словом не обмолвилась! Марина безмятежно улыбнулась и пояснила:

— Наверное, не знала, стоит ли тебе говорить, а то расстроишься. Я ведь на море была, без Юрки, вдруг ты начал бы выступать.

— Где Юрка? — Муж медленно помешивал в чашке сахар и смотрел не на нее, а почему-то в пол.

— У бабушки с бабушкой. Я вернулась несколько раньше, они еще об этом не знают.

— А чего вдруг ты решила на море поехать?

— А если нет, то почему, — передразнила его тон Марина, — как-никак на дворе лето. Я взяла отпуск. Не сидеть же дома!

Она отчего-то никак не могла унять дрожь в руках и потому, чтобы не выдать своего волнения, старалась говорить и делать все медленно.

— Покрасилась! Постриглась!

Михаил именно так и произносил эти слова: отдельно, с нажимом и даже с осуждением.

Марина стояла к нему спиной, накладывала печенье в вазочку, но при его словах повернулась и посмотрела на мужа:

— Ты считаешь, это мне не идет?

— Не знаю! — Он ожесточенно звякнул ложечкой. — Ты стала совсем другой, на себя не похожей. Ты больше не Ковалева, а скорее...

— Меньшова! — насмешливо подсказала она. — Значит, говсришь, тебе не нравится мой новый облик? А другим мужчинам нравится.

— Каким мужчинам?

— Ты их не знаешь.

— Быстро же ты утешилась.

— Ну, ты эгоист махровый! — В ее голосе прозвучало даже восхищение. — Хотел, чтобы я по тебе до седых волос убивалась?

— Но не через неделю же утешиться! Мне ~~казалось~~ ты меня любишь.

— Когда это было!

Он опять побренчал ложечкой и медленно проговорил, подбирая слова:

— Марин, там у нас в шкафу лежали деньги. Ну, те, что откладывали мне на часы.

— Вспомнила бабка, как девкой была! Их давно уже нет.

Положим, не так уж и давно, всего четыре дня прошло, но докладывать ему о том она не собиралась.

— Ты их истратила? — Он был поражен. — Все?!

— До копейки! Ты знаешь, какие сейчас цены? Один вот этот костюм на половину всей суммы потянул.

— Представляю, — процедил он сквозь зубы.

— Но ты же не хотел бы, чтобы твоя бывшая жена выглядела как мышь серая? Подумай, что сказали бы люди. Что ты все деньги тратил на себя, а меня держал в черном теле... А ведь мне сейчас особенно надо за собой следить. Фигура, то да се... Кстати, ты заметил, я похудела?

Она приспустила резинку на трико, чтобы продемонстрировать свою изрядно утончившуюся талию, а заодно и морской загар.

— Заметил.

— Мог бы и похвалить. Ну да ладно! Ты всегда был ко мне равнодушен... Так вот, оказывается, и сейчас фигура фигурой, но женщину все-таки по одежке встречают. Я даже хотела у тебя денег попросить. В займы. До зарплаты.

Занимать Марина вовсе не собиралась. Она и отпускные еще не взяла, но ей отчего-то нравилось дразнить Михаила, а он в раздражении даже не замечал, что она издевается над ним. Вел бы себя прилично, она поделилась бы с ним остатками денег, которые брала на море. Ведь ей почти не пришлось их тратить.

— Занимать у меня? На свои шмотки?! — Он задышался от возмущения. — Нет уж, пусть тебя твои ё... и одевают!

— Фу, Ковалев, с кем ты живешь? Твой лексикон, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Раньше ты не ругался матом при женщине. Больно видеть, как ты опошлился...

— Это тебя не касается!

— Ради Бога! — Марина подняла кверху руки. — Мне это глубоко фиолетово! Если хочешь знать, я тебя очень даже понимаю. Ту бабу, которой я выглядела в недавнем прошлом, любить было нельзя... Ты поступил вполне разумно. Какой-то поэт сказал: «Пока горит твоя заря и горизонт открыт, не трать, товарищ, время зря, устраивай свой быт!»

Он вскочил и чуть ли не бегом направился к выходу.

— Ты не допил свой кофе!

— Спасибо, больше не хочется, — ядовито откликнулся он уже из коридора, завозился там, а Марина не спеша подошла к двери, наблюдая, как он застегивает свои супермодные босоножки.

— Ты расстроился? — участливо проговорила она. — Срочно нужны деньги? Могу подсказать: зайди к отцу, я имею в виду твоего юридического тестя, он тебе одолжит. По старой памяти.

Михаил пробурчал что-то непонятное и выскочил из квартиры.

«Какая умная у меня сестра! — подумала Марина, покачивая головой собственным мыслям. — Я бы и не подумала тратить эти деньги и сейчас отдала бы их Михаилу, чтобы он истратил их... на тетю Таню! Точь-в-точь как в песне: «Купил колечко ей, купил сережки ей!» А вместо этого я приобрела себе то, что хотела. И что странно, никакого раскаяния при этом не испытываю!»

Но мало-помалу ее оптимизм иссяк, и она стала думать о визите экс-мужа с раздражением: мало того что он бросил ее одну с ребенком, почти без средств к существованию, он еще и пытался забрать у нее последние деньги. Ну и что, если их собирали ему на подарок? День рождения когда еще будет, а подарок... возможно, Марине и не придется его поздравлять! Как говорится, вопрос отпал сам собой.

И вообще, пусть у Ковалева голова болит, где ему раздобыть денег, у нее самой куча дел. Во-первых, продолжается ее нечаянный отпуск, во-вторых... нужно подумать о сестре Вике. Сделать ей что-нибудь приятное.

Это же надо, девчонка не только кстати оказалась рядом, но и поддержала старшую сестру в трудную минуту, переживала за нее...

Как говорится, не было бы счастья. Так получилось, что Марина как бы заново обрела сестру. Прежде они с Викой вовсе не были близки. Марина вышла замуж в восемнадцать лет. Викторин тогда было всего одиннадцать.

Разве интересно было общаться с такой соплюшкой? Потом родился Юра. Дома она появлялась редко, когда хотелось хоть немного отдохнуть от домашних забот и оставить сына на деда с бабкой. Вика тоже появлялась у нее редко. Отчего-то они с Михаилом не любили друг друга.

Правда, сестра охотно возилась с племянником. И сын тетку горячо любит. Странно, пока гром не грянет...

Только теперь Марина стала думать о своих родных. Как они дружно отправили ее на море, как родители дали денег, сестра помогла собраться. Как все вместе присматривали за ее ребенком. А она, глупая, уже стала думать, будто с уходом Михаила осталась совсем одна.

Марина вообще особа сентиментальная, так что сгоряча изругала себя на чем свет стоит. Нет, сегодня она купит самых лучших продуктов, приготовит самый вкусный ужин и посвятит его своей сестре Вике!

Глава 14

Марина вышла из трамвая и не спеша пошла по центральной улице. Смешно сказать, последний раз ей довелось вот так гулять... на последнем курсе техникума. Никто не поверит, что Марина столько лет прожила затворницей. Упивалась своей семейной жизнью. А теперь, как говорит Вика, получи, фашист, гранату от советского бойца! За что боролась, на то и напоролась.

На работу она ездила на автобусе, который огибал центральные улицы, весь путь проделывая по окраинам города. Изредка ее подвозил куда-нибудь Михаил. Но и он не

стремился ехать в центр, где и движение оживленное, и светофоры на каждом углу.

И конечно, ей ни разу в голову не пришло, что она могла бы сдать, например, на права. И брать у мужа машину для своих нужд, тем более что она была ее фактической владелицей.

А в центр почему не выезжала? Ждала, когда Михаил наконец освободится. От работы. Он ведь всегда был так занят! А ей казалось неудобным идти куда-нибудь без мужа. Даже когда она сидела с Юркой в декрете, то не позволяла себе удаляться от дома, так и гуляла с колясочкой во дворе.

Она представляла себе, что когда-нибудь они с Михаилом пойдут на прогулку в центр, на какой-нибудь праздник города, толкая перед собой коляску с сыном. Такой у нее был идеал счастливой семьи. Что-то, помнится, было похожее у Высоцкого: как по облаку, рука об руку...

А между тем жизнь на месте не стояла. Весь центр застроился новыми зданиями, а точнее, отреставрированными, со всеми современными приамбасами вроде тонированных стекол офисов, дверей с вычурными ручками под старинную бронзу и прочее.

Не было почти ничего привычного, так что Марине казалось, что ходит она вовсе не по родному городу, а по чужому и словно впервые открывает его для себя.

Но ходить вот так по центру с открытым от удивления ртом на манер жителя глухой деревни глупо, потому Марина решила зайти в новый, даже внешне шикарный магазин под названием «Женская одежда». Посмотреть, что покупают богатые модницы, и вообще... у нее осталась еще кое-какая копейка, почему бы себя не побало-

вать. А если она ничего не сможет купить, то хотя бы поглазеть сможет!

В магазине так все сверкало, словно она вступила в некий мини-замок современной торговли, царство зеркал и вешалок, витрин и прилавков. Марина смущенно остановилась на пороге, где ее, можно сказать, окончательно добил дверной колокольчик.

Но, подумав, что она таки не из глуши, Марина ступила с невысоких ступенек в зал и подошла к ближайшим образцам, чтобы посмотреть на них цену.

Мамочки! И она еще считала, что Вика разорила ее, заставив купить новый прикид. В таких магазинах одеваться — никаких японских часов не хватит!

Но просто так развернуться и круто уйти вроде неудобно, тем более что к ней заторопилась молоденькая продавщица.

— Что вас интересует?

— Цены, — вздохнула Марина, — кажется, они мне не по карману.

Странное дело, прежде она ни за что бы не призналась постороннему человеку, что у нее мало денег. Наверное, еще некоторое время делала бы заинтересованный вид, чтобы потом потихоньку улизнуть, чувствуя стыд от собственной нищеты. Хотя какой же в том стыд, если даже драматург Островский в свое время убеждал Россию, будто бедность — не порок!

Продавщица огляделась, словно магазин кишмя кишел шпионами, и громко сказала:

— Идите в левую примерочную, я сейчас принесу выбранную вами модель.

Марина приняла ее ужимки как должное — кто знает, может, сейчас так принято? — и прошла куда просили. В

кабинке присела на банкетку, недоумевая: она ничего не собиралась в этом магазине покупать. Вот конформистка несчастная! Почему не сказать об этом продавщице напрямую? Опять постеснялась. Так всю жизнь и проживет, озираясь да согласно кивая.

Но тут появилась та самая девушка с двумя трикотажными платьями на руке: бордовым и зеленым.

— Вот посмотрите, — сказала она тихо, — мы их еще не выставляли. Шеф считает, пусть сначала дорогие разберут. А они, между прочим, уже два месяца висят, и никто на них так и не польстился!

Она назвала цену, взглядываясь в лицо Марины, словно то, что произнесет покупательница вслух, еще не факт.

— Такая цена для вас приемлема?

— Приемлема. И платье мне нравится. Зеленое.

— Правда? — по-детски обрадовалась девушка. — Я так сразу и поняла: ваш цвет. А бордовое взяла на всякий случай. Покупательницы не всегда нас слушают. Не понимают, что со стороны виднее. И потом, я же в институте учусь...

В голосе продавщицы прозвучала обида.

— Что поделаешь, — успокоила ее Марина, — ведь не у всех женщин есть вкус.

Подразумевалось, что о присутствующих не говорят. Ей захотелось подбодрить девушку. Она совсем молоденькая, вот покупательницы и не принимают ее всерьез.

Зеленое платье — на вид простенькое, без висюлек, бахромы, вышивки — оказалось точно на нее шито. Марина опять с сожалением подумала, что так мало уделяла внимания своей фигуре. Хотя за эту неделю в ней и произошли кое-какие изменения, но в целом... Платье «в обlipочку» обрисовало далеко не все, что ей хотелось бы теперь выделить.

Но пока она себя так ела, продавщица отступила в сторону и гордо заявила:

— Видите, сидит как влитое!

Будто это она, девчонка, сшила такое подходящее платье без примерки, едва взглянув на Марину.

Она опять убежала и принесла ожерелье — причудливо ограненные зеленые бусины, перемежались металлическими сочленениями.

— Малахит... Конечно, дороговато...

Дороговато! Понятно, у них здесь все дороговато для Марины. Пока. Если она захочет... Правда, а почему она прежде не хотела? Ведь, без ложной скромности, в своих бухгалтерских кругах она считалась отличным специалистом. Почему Марина никогда не пыталась найти себе работу, оплачиваемую... не так скупое, как в их шарашкиной конторе? Потому что она вообще ничего не хотела. Хотела сидеть в своей шикарной квартире, воспитывать сына, поджидать вечно задерживающегося с работы мужа. Не вспоминая о себе.

Однако как затягивает эта жажда приобретения хороших... а если точнее, подходящих тебе вещей! Теперь Марина уже думала, что, пожалуй, и не стоит устраивать такой уж шикарный ужин. На двоих-то! Разве они с Викой какие-то обжоры?

Словом, ожерелье было куплено, и Марина, как и была, в новом наряде пошла из магазина, сложив старое платье в фирменный пакет. Называется, вышла из дома продуктов купить!

Она так расслабилась, чувствовала себя такой умиротворенной, что, когда взглянула на часы, ужаснулась: мамочки, пятый час! Этак и рынок закроют.

Пришлось прибавить шагу. Где-то поблизости взвизгнули тормоза, но она не обратила на звук никакого вни-

мания, как и на быстрые шаги за спиной. Пока на нее что-то не обрушилось. Вернее, кто-то.

— Марочка! Меньшова! Я уж думал, что ты за границу слиняла. Ни разу за все время не встретил тебя на Красной. Я-то здесь частенько тусуюсь. А тут, гляжу, идет, круги нарезает! Поглядел сзади, что за телка? Оп-па, это же наш экономический колледж! Где еще были такие красивые девчонки!

— Брось, Гарик, — смеясь запротестовала Марина, вырываясь из мощных объятий бывшего однокурсника. — Когда это я числилась в красавицах?

— В юности — нет, — охотно согласился тот. — Дурнушкой, кстати, тоже не была, но и в первых красавицах я тебя не помню...

— Любишь ты говорить девушкам приятные вещи! — улыбнулась Марина.

— Прости, увлекся. Я лишь хотел сказать, где теперь эти первые? А Мариночка — вот она!

— Гарик, комплименты у тебя всегда были незатейливы, но душу грели... Ты-то до чего здоровый стал! Качаешься, что ли? Эти, как их, стероиды лопаешь?

— Ага, стероиды! Телевизор, надо понимать, смотришь регулярно, — радостно пробасил он, не отводя от Марины довольного взгляда. — Нет, ты прикинь, где были глаза у наших ребят? Ковалев ворвался в наши глупые ряды и уволок лучшую овечку. Скоро тридцатник, а нигде ничего лишнего!

Положим, кое-что кое-где таки лишнее, но не станешь же признаваться в этом старому приятелю. Например, что в том дорогом магазине, из которого она как раз перед их встречей вышла, ей продали такие трусики, которые слегка подтягивают излишки фигуры, каковые выпирают не там, где надо.

Вообще-то полное имя Гарика — Георгий, но за пристрастие к американским боевикам кто-то назвал его Гарри, да так имечко и приклеилось.

Гарик между тем продолжал обрадованно гудеть:

— Говорят, у тебя сынишка растет?

— Уже вырос, — усмехнулась она. — Девять лет скоро.

— Счастливая! — Он завистливо вздохнул. — А где ты работаешь, Марочка?

Она назвала свою контору.

— Шарашмонтаж! — скривился он безапелляционно. — Богиня цифр, что ты там делаешь? Слушай сюда, мне как раз нужен главбух — пойдешь? Для начала не много, пять штук...

Не много! Да она в своей конторе получала полторы тысячи, а Гарик предлагал в три раза больше, да еще и извинялся. Чем не шанс? Разве не об этом она думала совсем недавно?

— ...Я сам установил такой порядок — новичкам платить минимум, пока не притрутся к коллективу и, понятное дело, не проявят себя хорошими специалистами. Ты не подумай, что я жлоб или сомневаюсь в твоих способностях...

— Будет тебе извиняться! Я же понимаю. Правда, у меня еще отпуск не догулян. Я на море всего три дня была...

— Подумаешь! Да у нас на море каждые два выходных дня свой автобус ездит, на свою же базу. Еще надоест тебе это море!.. Не хочешь на море — можно в горы. Мы обмениваемся путевками с соседней фирмой... Или ты какие дела хотела сделать? Так это можно, как говорится, по ходу...

— Не стану скрывать, Гарик, для меня твое предложение как нельзя кстати.

— Я сразу понял, это судьба... Шутка! Я в том смысле, что, говорят, главного бухгалтера нужно подбирать тщательнее, чем жену! А с твоим шефом я сам договорюсь. Чтобы без проволочек отпустил.

Марина облегченно вздохнула. Она уже мысленно начала подбирать причины для оправдания своего ухода и представлять, как будет нудить ее начальник, что надо было заранее предупредить... Но если Гарик все возьмет на себя... Наверное, она в жизни пока не очень нагрешила, если судьба стала идти ей навстречу.

— Гарик, ты женат? — спросила она, выныривая из своих размышлений; дурацкая привычка у нее появилась — проваливаться в раздумья посреди разговора с другим человеком.

— Развелся. Во второй раз. — Он тяжело вздохнул. — Просто фантастическая непраха. Бабы попадаются жадные, злые и рожать не хотят.

— Помнится, кто-то говорил: «Там, где кормится карась, осетра не ловят!» Ты же, как я понимаю, на Красной их выискиваешь.

— Наверное, прежде я был умнее, — усмехнулся он. — Смешно, да, сам ловлю не в тех местах, да еще и на реку жалуюсь.

Он достал сотовый телефон.

— Номерочек-то свой продиктуй! — И, поскольку Марина недоуменно молчала, со вздохом покачал головой: — Темнота! У меня мобильник с памятью. Твой телефон набери, и он запомнит. Поняла, деточка?

Марина продиктовала.

— Звони. А насчет работы хорошо бы побыстрее решить. А то я отпуск себе вытребовала вне очереди, так что, подозреваю, вскорости меня начнут торопить, чтобы поскорее выходила на работу.

— Я понимаю, Ковалева. Небось мужик в гору пошел, некогда вздохнуть, вот и решил с женой недельку где-нибудь на природе отвиснуть. А то и просто дома полежать, все телефоны поотключать к чертовой матери!.. Чего ты на меня уставилась? Ни днем, ни ночью покоя нет от этих звонков. Я, знаешь, на мобильник какую мелодию записал? «Спят усталые слоны, дяди спят и тети...»

— Это колыбельная, что ли?

— Догадалась. Конечно, из фильма «Цирк». Был такой старый, еще с Любовью Орловой... Да, твой Ковалев, случайно, второго ребенка не захотел? А то я тут распинаюсь, уговариваю, а ты немного поработаешь и в декрет уде-решь...

— Да нет никакого моего Ковалева! Видишь, со зла даже в рифму сказала. Был, и весь вышел.

— Хочешь сказать, что ты тоже разошлась?

— Тоже. Как раз сегодня выдала вещи.

— Ну и дурак! Небось в чужой огород заглянул, а там всегда кажется, будто у других картошка крупнее.

— Картошка! Я думала, ты с цветком каким-нибудь сравнишь.

— Цветок — это вначале. А потом — куда ж без картошки? Как говорят японцы, очень кусать хоцетца!

— Гарик, а почему ты уверен, что это не я заглянула в чужой огород?

— А потому, что ты не такая... В гости позовешь?

Марина улыбнулась.

— Не лыбсья! Я не сексуальный маньяк. Посидели бы, повспоминали. Хочется в домашнем тепле побыть, пока, так сказать, очаг еще не остыл.

— Поэт! Летом на юге ему тепла захотелось. Ладно, приходи сегодня. Я потому улыбнулась, что ты кстати за-

хотел посидеть, повспоминать. Я как раз на рынок шла. — Она взглянула на часы. — Ага, от рынка небось уже рожки да ножки остались. Накупила продуктов, как же! Шестой час. Запиши адрес, я-то ведь не с родителями живу, у меня своя квартира...

— погоди с адресом, в машине запишешь. Я тебя сейчас на один хитрый рынок отвезу, он работает круглосуточно.

— У меня сейчас сестра живет, — сказала Марина, семеня вслед его размашистым шагам. — Надеюсь, она нашим воспоминаниям не помешает?

— Витуська? Глазастая малышка?

— За это время малышка слегка подросла.

— погоди, ей и вправду уже... Мать, как мы с тобой постарели!

— Мы постарели? Кто такие мы? Говори — «я». Это тебе уже четвертый десяток, а мне всего за двадцать.

— Змея! — довольно гыкнул Гарик, подводя ее к большой, какого-то необычного сиреневого цвета, машине.

— Что это за колымага? — спросила Марина, усаживаясь рядом с ним на переднее сиденье.

— Колымага! Я бы обиделся, да что с глупой женщины взять! Это «шевроле», мадам!

Он остановил машину у рынка, который Марина помнила еще стихийным, с одиночными лотками и старушками, которые продавали пучки зелени и семечки, сложив свой нехитрый товар на перевернутые деревянные ящики.

Теперь это было огромное крытое строение, причем не капитальное, а состоящее из легких перегородок и прозрачного цветного шифера на крыше — удачная альтернатива строящемуся много лет центральному городскому рынку.

— Такой рынок тебя устроит?

— Конечно, устроит. Спасибо за заботу. Значит, мы тебя сегодня ждем.

— В двадцать ноль-ноль я буду. Ты не передумала?

— А я похожа на кидалу?

— Кидалы на кидал обычно не похожи, иначе как бы они кидали?

— Каламбурить научился?

— Растем как можем... Надеюсь, ты меня на ужин не как будущего шефа пригласила?

— Очень ты мне нужен на ужине как шеф! Мне интересно с другом юности пообщаться.

— И ты права. — Он поцеловал ей руку.

— Вроде один техникум заканчивали... Ты не в Оксфорде доучивался?

— Внутреннее благородство у меня от природы.

Гарик подмигнул Марине, на ходу купил у продавца розу и сунул ей в руку.

— Держи задаток. Я побежал.

Глава 15

Марина с Викторией накрывали на стол. Так уж получилось, что задуманный старшей сестрой праздничный ужин в честь младшей сестры, а также благополучного возвращения старшей с моря изменил свою тематику...

Почему делается ударение на слове «благополучное», спросила бы Вика, если бы могла подслушать мысли Марины. Сестра рассказала ей о случившемся с ней приклю-

чении в общих чертах, стараясь не нажимать на отдельные неприятные моменты. Пусть ее страхи останутся за порогом этой квартиры...

В общем, праздничный ужин готовился в конце концов к приходу гостя, который, как посмеивалась старшая сестра, был тайной любовью младшей.

Так это было когда-то. Двенадцать-тринадцать лет назад Вика, всего лишь нескладный подросток, влюбилась в одного из друзей старшей сестры. У всех прочих знакомых Марины мужского пола просто не хватало терпения да и желания возиться с малявкой, а Гарик, всегда любивший детей, не обходил девочку вниманием. Немудрено, что симпатию к нему Вика пронесла через годы.

— Он сильно изменился? — жадно спрашивала Вика. — Такой же красивый и добрый?

— Такой же медведь и грубиян, — насмешливо отозвалась Марина. — Но ты же его любила и потому тогда этого не видела. Сейчас ты посмотришь опытным взглядом пожилой женщины...

— Да, я Гарика любила! — ностальгически вздохнула Вика и оживилась. — А ты на него внимания не обращала! Только своего Ковалева и видела. А я, между прочим, терпеть его не могла. И кто оказался прав? Дети, как и животные, хорошего человека всегда чувствуют.

— Ковалев учился в институте, выглядел взрослым по сравнению с моими однокурсниками. Я видела, с какими красивыми девушками он ходил. Рядом с ними я казалась себе даже не Золушкой, а так... тыквой! Он говорил, что если бы не увидел меня на море в купальнике... Я тогда с родителями в дом отдыха ездила.

— И что он сказал тебе тогда?

— Что никогда не думал, что я под одеждой...

— Голая? — ехидно подсказала Вика.

— Нет, он сказал поэтичнее. Вроде того, что других женщин красит одежда, а меня — ее отсутствие.

— Дешевый комплимент! Значит, он тогда на твою фигуру клюнул и больше ничего в тебе не увидел.

— По крайней мере он так говорил... Но я не видела в том ничего обидного. Что поделаешь, если женщина любит ушами, а мужчина глазами. Кто-то влюбляется в глаза девушки, а кто-то... И друзьям хвастался: у моей жены фигура — с любой фотомodelью может поспорить.

— А он, оказывается, еще больший дурак, чем я думала.

— Ладно, не будем об ушедших. Как-то и я себя чувствую не слишком умной теперь, когда могу посмотреть на все отстраненно.

— Хорошо, не будем об ушедших. Давай лучше о покинутых.

— Кого ты имеешь в виду?

— Я имею в виду того несчастного, от кого ты так быстро сбежала. Марина, здесь что-то нечисто! Ты так туманно намекнула, что он из криминального мира. Я сегодня весь день об этом думала. Мало ли кто может попасть в зону. Недаром же говорят, от суммы да от тюрьмы не зарекайся. Это вовсе не значит, что человек связан с уголовниками. Особенно если попал он туда как бытовик. Или он убил кого-то?.. Нет, за это так мало не дали бы... Неосторожное убийство?

— Наверное, это у нас семейное: не имея достаточно фактов, домысливать все остальное. Не знаю, убил ли он кого-то, выйдя на свободу, но посадили его якобы за халатность — из-за несоблюдения техники безопасности у него в цеху погиб рабочий. Если ты считаешь, что такого

человека еще можно исправить, **могуд**ать тебе номер его мобильного. Познакомишься...

— Опять придуриваешься?

— А что же мне, рыдать и каяться? Понятное дело, нечисто. Может быть, когда-нибудь потом я тебе все расскажу, а пока... Лучше подумай, за большим столом гостя примем или журнальный накрывать?

— Предлагаешь усадить Гарика за ваш ужасный длинный стол? И мы будем перекрикиваться между собой с его разных концов? Я бы, к слову сказать, давно этого монстра в комиссионку сдала, столько места зря занимает... Впрочем, это уже твои проблемы. И Гарик — простой парень, а не какой-нибудь английский лорд.

— Не такой уж он простой. Как-никак глава фирмы, куда меня приглашают работать главным бухгалтером...

— Что, Гарик зовет тебя к себе? Какой он благородный человек. Столько лет тебя не видел и сразу понял, что ты нуждаешься в поддержке...

— Вика, опомнись! Что, старая любовь не ржавеет? Ты его больше десяти лет не видела, а заранее поешь дифирамбы. Можно подумать, как специалист я ничего не значу. Просто он умный и понимает, что хороший бухгалтер для любой фирмы — большая удача.

— Да, от скромности ты не умрешь. Гарик, оказывается, умный, потому что тебя на работу берет. Да в наше время для главы фирмы вовсе не обязательно быть широко умным. Главное — нахальным и пробивным. Отчего, ты думаешь, возникли анекдоты про новых русских?

— От зависти.

— Ну ты и сказанула! — хмыкнула Вика, наклоняясь к дорожной напольной вазе. — Чего я не люблю, так это когда в доме есть вещи, которые не используются. Вот скажи, на фиг тебе эта бадья?

— Отстань. Знаю я твои заморочки. Сейчас ты начнешь с этой вазы и перепланируешь мне весь интерьер.

— Я всего лишь хотела поставить в нее розу, которую подарил тебе Гарик.

— Да она просто провалится на дно.

— А мы сделаем по-хитрому: в напольную вазу поставим маленькую, но широкую хрустальную. Она и внутрь не провалится, и создаст иллюзию, что у розы такой невероятно длинный стебель.

— Ах, делай что хочешь! — Марина махнула рукой и отправилась на кухню.

Нынешних кулинарных пристрастий Георгия она не знала, но со студенческих времен помнила его горячую любовь к салату оливье. Картошка и яйца, уже сваренные, ждали своего часа. Марина быстро все покрошила, перемешала с майонезом. Теперь надо было лишь уложить его в красивую салатницу.

В какой-то момент ей показалось, что в соседней комнате что-то упало и раздался мужской голос, но тут же она решила, что соседи просто громко включили телевизор.

Когда Марина вышла из кухни, то увидела в гостиной картину из страшного сна. На пороге комнаты стоял высокий широкоплечий мужчина в камуфляжной форме и черной маске, какую надевают омовцы, из-за чего их кличут «маски-шоу».

Незнакомец держал Вику под прицелом автомата. Бедная девушка замерла, прижав к груди тяжелую хрустальную вазу, и не сводила с мужчины испуганных глаз.

Тот повел стволом в сторону Марины.

— Быстро — деньги, драгоценности! Считаю до трех, — раздался из-под маски глухой голос. — Первой убью младшую.

— Не надо! — рванулась вперед Марина, по-прежнему держа перед собой салатницу. — Я все отдам! В серванте на верхней полке шкатулка...

— Стоять! — приказал голос.

— Но я хотела всего лишь отдать ее вам, — пролепетала Марина. — Хотите взять сами? Пожалуйста.

— Нет. Медленно ставь посуду на стол. Медленно иди к шкафу и медленно его открой.

Марина проделала все в точности, но, когда открывала дверцу, боковым зрением увидела, как ствол автомата медленно приподнялся... Сейчас он выстрелит! Марина зажмурила глаза, чтобы не видеть свою смерть.

Однако выстрела не прозвучало. Зато она услышала глухой удар. Короткий вскрик. А когда открыла глаза, увидела, как фигура грабителя согнулась пополам, будто надломилась, и рухнула на пол ничком.

— Долго ты будешь стоять? — как сквозь вату услышала Марина яростное шипение Вики. — Веревку тащи!

— Веревку? — Марина с трудом выходила из ступора. — Не помню, где она. Кажется... Может, в кладовке...

— Кажется! Может! Быстрее соображай! Колготки старые есть?

— Есть.

— Тащи!

Марина, осторожно обойдя лежащего бандита, побежала в коридор и принесла пакет со старыми колготками — она собирала их, чтобы потом резать на полоски и подвязывать на даче помидоры, огурцы, цветы. Их уже было больше чем достаточно, но Марина складывала впрок, чтобы добро не пропадало. Выходит, не зря...

— Вяжи ему ноги! — командовала Вика. — Да не экономь! Еще резать начни! Хозяйственная, блин! Колготок ей жалко. Теперь руки вяжи...

Фу! Можно и передохнуть.

— А ты его не убила? — У Марины прервалось дыхание при одной мысли об этом. — Смотри, не шевелится. Чем ты его так шандарахнула?

— Тем, что в руках было. Твоей хрустальной вазой. Повезло, ваза даже не треснула. Жив твой грабитель. Вон, жилка бьется.

— Давай его на спину перевернем.

— Зачем? Пусть так лежит. Сейчас милицию вызовем, пусть и переворачивает его куда хочет.

— Тогда давай хоть маску снимем, глянем.

Марина приподняла безвольно лежащую голову грабителя и сдернула маску. От неожиданности она покачнулась и села на пол.

— Мамочки!

— Что, твой знакомый?

— Это Тимофей. Тот... с кем я на море познакомилась. Как же он меня нашел?

— А ты разве в подполье? Или в особых списках ФСБ? В адресном столе за любую плату адреса сообщают всем желающим... А как он вошел?

— Вот именно! Я не слышала, чтобы замок открывали.

— Наверное, это я дверь как следует не закрыла, — смутилась Вика. — Привыкла, что у нас дома замок сам защелкивается...

— Ты и дома закрывать забываешь. Думаешь, я не знаю, что мама тебя все время ругает...

— Бывает, задумалась. У тебя такого не случается?!

— Не кричи. Кто виноват? Закрыла бы, не пришлось бы обоим под дулом автомата стоять.

— Думаешь, он в самом деле решил тебя ограбить?

— Вряд ли, — пробормотала Марина внезапно охрипшим голосом. — Вот скажи, везучая твоя сестра или нет?

Называется, поехала на море отдыхать! А следом — вон какой хвост!

— Да... Что же нам с ним делать?

— Не знаю.

— Думай скорей. До восьми пятнадцать минут осталось. Ты же говорила, что Гарик — человек пунктуальный. А как мы расскажем ему про пленного?

Лежащий мужчина попробовал пошевелить связанными конечностями и, застонав, открыл глаза.

— Где это я?

— В раю, — недружелюбно отозвалась Вика.

— Господи, как болит голова.

— Вообще-то я не Господь, а всего лишь ангел, но могу пояснить: это у вас нимб разгорается, а такое без боли не происходит. — Она осторожно потрогала затылок лежащего мужчины. — Крови нет, но шишка растёт приличная.

— Меня ударили по голове.

— Понятное дело. Разве не там у вас выключатель? Мы в раю за тишину боремся, а вы стрелять хотели.

Он повел глазами в сторону Марины, которая стояла рядом с сестрой и молча слушала ее разговор с Тимофеем.

— Ты ударить не могла...

— Конечно, не могла! — вмешалась Вика. — Она у нас тихоня. Этим вы и решили воспользоваться. Хорошо, что я оказалась рядом. Хрустальная ваза может служить прекрасным орудием... для тупых голов.

— Я же вам ничего плохого не сделал.

— Вы имеете в виду, что нам нужно было дожидаться автоматной очереди?

— А что мне оставалось делать? Твоя сестра — вы ведь сестры? — меня внаглую кинула, хотя я вроде ничем ее не обидел.

— Что значит — кинула? — подивилась Марина. — Просто уехала, и все.

— Прихватив попутно пару штук баксов?

— Этого еще не хватало! — оскорбилась Марина. — Ты подозревал меня в воровстве? Потому и разыскивал, чтобы вернуть свои поганые баксы?

— Дело не только в деньгах — хотя и в них тоже, — но за кидалово надо наказывать. Такие шутки с Тимофеем Иванченко не проходят!

— Прямо так и не проходят! Ежели бы я захотела тебя кинуть, не стала бы светиться с подлинной фамилией и адресом.

— Об этом я не подумал.

— Твои баксы я положила в коробку из-под плеера. И ни копейки из них не взяла! Не могла же я оставить их на виду, тем более что с минуты на минуту должна была прийти горничная. Что было делать? Написала, что плеер барахлит, думала, что ты догадаешься.

— Я подумал, ты надо мной издеваешься.

— И очертя голову кинулся восстанавливать справедливость?.. Ничего оскорбительного не вижу в том, что я захотела уехать. Остаться, если все равно мы не смогли бы быть вместе, разве не хуже? А так, пока мы не успели привыкнуть друг к другу...

— Я успел.

— Это тебе только кажется.

— Разве нам было плохо вместе?

— Хорошо. Поэтому я и убежала так поспешно. Слишком хорошо. После такого хотелось остаться с тобой навсегда.

— И что же тебе мешало?

— Твой образ жизни. Мне он не нравится.

— Ты меня боишься?

— Боюсь тебя. Твоих друзей. Влияния, которое ты можешь оказать на моего подрастающего сына. Жить под дамокловым мечом всю жизнь только потому, что мужчина устраивает тебя в постели? Подвергать из-за этого опасности жизнь своих близких? Ты посмотри на себя. Чуть что не по тебе, хватаешь автомат — и на разборки. Нет, мы люди мирные, нам такие передраги ни к чему...

Со стороны постороннему наблюдателю могла открыться бы сцена, сильно напоминающая картину из какой-нибудь комедии. Молодой здоровый мужчина лежал на полу, связанный по рукам и ногам старыми колготками. Стоящие над ним две нарядные женщины никак не выглядели настолько крутыми, чтобы обезоружить здоровяка. И чуть поодаль — стол, накрытый к праздничному ужину.

— Если ты пообещаешь сразу уйти, я тебя развяжу, — предложила Марина лежащему мужчине.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Вика. — Это мой пленный, а я против его освобождения. Если я не огрела бы его вазой, одному Богу известно, что он бы здесь натворил!.. И вообще, когда мы решим — я имею в виду решим вместе — его отпустить, автомат все равно не отдадим! Разве можно верить рецидивистам?

— Я не рецидивист! — угрюмо буркнул Тимофей.

— Ой, сэр, какие ваши годы! Можно подумать, вы на государственной службе. Рано или поздно тот, кто регулярно нарушает закон, опять попадетсЯ. Это я вам как юрист говорю. И пойдете вы по этапу...

— У твоей сестры, Мариночка, очень своеобразный юмор.

Тимофей хотел добавить еще кое-что, но резкий дверной звонок заставил вздрогнуть всех троих.

— Гарик! — прошептала Марина.

— Ничего не поделаешь! — Вика поправила бретельки платья и повела бедрами, будто проверяя, так ли плотно прилегает его ткань к телу. — Я пошла открывать.

— Кавалеры пожаловали! — хмыкнул Тимофей. — Развязала бы, что ли, зачем позорить?

— О позоре забеспокоился! — Марина потихоньку обретала прежнее душевное равновесие. — Раньше нужно было думать. Когда шел туда, куда тебя не звали. И потом, тебе же сказали, кто у нас старший. Младшая сестра.

— Неужели это маленькая Витуська? — раздался в коридоре голос Георгия. — На улице встретил бы, ни за что не узнал. Какая красавица выросла! Держи, май бэби, тебе, как и положено девице на выданье, белые розы. А твоей сестре, как ты догадываешься, красные. — Он шагнул в гостиную. — Мариночка...

Затем его взгляд зацепился за лежащего на полу мужчину, и он внимательно на него посмотрел.

Наверное, Гарик с детства воспитывал в себе привычку к выдержанности, умению прятать чувства, не отражая их внешне.

Еще в техникуме однокурсники удивлялись его невозмутимости и рассказывали о нем всякие небылицы. Никому из них не удавалось сбить его с толку даже на спор.

Вот и теперь. Гарик подарил букет цветов Марине, поцеловал ей руку.

— В этом платье, Маришка, ты сногшибательна!

А потом подошел к Тимофею.

— Извини, мужик, руку тебе не подаю, потому что все равно пожать ее ты не сможешь. Меня звать Георгием.

— Тимофей, — нервно хохотнул тот.

— А что, подруга, неплохо живешь, — между тем огляделся гость и пояснил для Тимофея: — Мы с Маринкой старые приятели. В техникуме вместе учились. Сегодня впервые за десять лет увиделись. Предложил подруге должность главбуха, а она в ответ решила прогнуться, в гости пригласить.

— Вот еще, прогнуться! — фыркнула Марина.

Гарик повернулся к ней:

— Я, кстати, там небольшой пакетик Витуське передал. Свой скромный вклад, пока ты еще не главный бухгалтер. Хочешь, помоги ей, а мы — мужчины — пока общаемся.

— Думаю, Вика будет недовольна, если я оставлю вас одних, — сказала Марина.

— Тимоха, серебристый «мерс» твой? — поинтересовался Гарик, не отвечая на ее реплику.

— Мой.

— Я как чувствовал, именно его подпер. Веришь ли, у подъезда негде приткнуться. Все говорят, плохо живем. У каждого второго — машина.

— Это ничего. Я все равно пока не могу сесть за руль, — отозвался Тимофей.

Вика на кухне гремела посудой, видно, пакет Георгия оказался не очень маленьким и требовалось его разложить. Он сам с удовольствием плюхнулся в кресло.

— Господи, как я устал! Целый день будто заводной... Маришка, ты чего столбом стоишь? Расслабься, чувствуй себя как дома... А этот парень так и будет связанный лежать?

— Вика развязывать не дает.

— Не даю. — Вика вошла и поставила на стол поднос с тарелками. — Развяжи его, а он буйствовать начнет. Во-

рвался к нам со своим автоматом, чуть меня заикой не сделал. Нет, вы как хотите, а я против. Пусть скажет спасибо, что в милицию не позвонили. Марина настояла: давай маску снимем, посмотрим. Любопытная Варвара! Оказалось, знакомый.

— Может, он слово даст хорошо себя вести? — предположил Гарик.

— Слово! Ты словам веришь? — ехидно поинтересовалась Вика.

— Чтобы да, так нет, как говорил в известном фильме Буба Касторский. Иначе я давно бы вылетел в трубу. Но ведь здесь-то не бизнес. И как я понял, человек он вам знакомый. Или ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Это Маркин хахаль.

— Виктория!

— Видишь, ей не нравится. А как тогда его называть?

— Знакомый.

Тимофей шевельнулся и многозначительно кашлянул. Марина покраснела.

Мы — словно половинки двух разбившихся зеркал.
Обрезать можно, склеить, только трещина видна.
И лезут в эту трещину, не пряча свой оскал,
Косматые чудовища. И мрак. И тишина...
Ну что же, остается наше зеркало разбить,
Удариться в веселие и пьяный тарарам.
А жалко; я ведь мог тебя лет тысячу любить
И на руках нести тебя по рифмам и мирам.

— Что это он за стихи читает? — поинтересовалась Вика.

— Наверное, те, что сам написал.

— Ты не говорила, что он еще и поэт.

— Не успела.

— Здорово, правда? У какого-то юмориста был поэт-мазохист, а этот, значит, поэт-рецидивист.

— Заладила, рецидивист!

Марина отчего-то рассердилась на саму себя и пошла на кухню, наказывая сестре:

— Ты уж тут мужчин развлекай, а я остальное сама доделаю.

— Да, девчонки, с вами не соскучишься! — покачал головой Георгий. — Ну-ка, Витуся, принеси мне с кухни острый нож.

— Но, Гарик, давай я хоть автомат спрячу.

— Неси, я сказал! Феминистки! Не для нашей страны эта выдумка. Нашу бабу покорность красит, женственность... Ты что, в самом деле здесь стрелять соби-рался?

— Да какой там стрелять! У меня автомат и не заряжен вовсе. Разозлился, вот и попугать решил. Бросила она меня...

— Это бывает.

Недовольная Вика принесла нож, и Георгий собственноручно разрезал пути.

— Ты посмотри, что эти Меньшовы удумали! Колготками тебя связали... Как же ты им подставился?

— К Виктории спиной повернулся. Она меня и отоварила. Хрустальной вазой.

— Все-таки не молотком каким-нибудь.

— И это успокаивает.

Тимофей, морщась, потер запястья.

— Ты их не обижай, — без улыбки сказал Георгий. — Не думай, будто девчонки одни. И за них заступиться некому. Теперь я у них есть.

— А ты кто такой? — воинственно начал говорить Тимофей.

— Кто я такой, всем давно известно. А вот кто ты такой? Сам-то хоть знаешь?

— Я?

Все маета и кутерьма:
за мной по пятам ходит тюрьма,
за мной по пятам изо дня в день
клубится беды черная тень...

— Обрадовал! — хмыкнул Гарик. — Выходит, зря я тебя развязал. Мы с тобой разной крови, в отличие от Маугли.

— Марина тоже что-то про это говорила.

— То есть она попыталась тебе объяснить, а ты решил силой добиться от нее невозможного? Свою кровь перелить? Я тебе не угрожаю, но констатирую: обе девчонки под моей крышей.

— Обе? А мощи хватит?

— Не хами. Я другое имею в виду.

— Я тоже... Ладно, замнем. Я вовсе не такой тупой, как может показаться... Считаешь, я должен взять и уйти?

— Считаю, можешь остаться. Но последнее слово, конечно, за сестрами.

Марина внесла с кухни поднос с закусками, лишь скользнув по Тимофею взглядом. Следом вошла Вика и поставила на стол ведро со льдом, из которого выглядывало серебряное горлышко шампанского.

— Мне уйти?

Тимофей выпрямился, во весь рост и, надо сказать, выглядел очень импозантно в камуфляжной форме, которая почти не скрывала его крепкого, мускулистого тела.

— Ладно уж, супермен, оставайся! — махнула рукой Вика. — Знаешь, почему я так говорю?

— Хотелось бы знать.

— Потому что ты лежал, связанный, как джентльмен.

— Видишь, и комплимента дождался, — удивленно крикнул Гарик. — А говорил, с тобой тут плохо обращаются. Поделись опытом, друг, как по-джентльменски можно лежать?

— Понимаешь, он свое поражение принял как мужчина, — пояснила Вика. — Не ругался на нас с Маркой, не угрожал. Самое большое преступление у него было: чтение собственных стихов.

— Что, такие плохие?

Тимофей был задет за живое.

— Да не обижайся, что же ты такой обидчивый? Просто я стихов никогда не читала — кроме школы, конечно, — и когда стихи читают, я уроки литературы вспоминаю. Заранее зевать готовлюсь... Шучу. А ты, Маришка, как думаешь? Оставляем мы на ужин твоего налетчика?

— Пусть остается, — пожала плечами Марина, но в душе она вовсе не была так спокойна, как хотела казаться.

Гарик стал открывать шампанское.

— Мир? — предложил Тимофей.

Марина замаялась. Если продолжать отношения с Тимофеем, то ее бегство из «Прибоя» выглядит как-то поребячески. Она ведь уже отсекала его от своей жизни. Вычеркнула. Неужели начинать все сначала?

— Хорошо, перемирие. Хотя бы на один этот вечер. Я сейчас сбегаю в магазин, принесу кое-что, и посидим как люди... Я давно не сидел с друзьями... — Он осекся. — Я хотел сказать, с людьми, с которыми мне не нужно подбирать слова, когда я хочу говорить что-то от души, и с кем я могу расслабиться, не опасаясь, что в ответ на мое неосторожное слово кто-нибудь из вас тотчас начнет выяснять отношения, рваться из-за стола и кричать: «Пойдем выйдем, поговорим!»

— Никуда не надо идти, — поднял руку Гарик. — Взгляни на стол — только птичьего молока нет. Или тебе не хватит? Ты привык есть помногу?

— Нет.

— Вот и славно. На том и порешим... Я не привык лезть в чужие дела, но отчего-то мне, Тимоха, кажется, что ты сам себя загнал в некую ловушку и теперь не знаешь, как из нее выбраться.

— Я пытался, — криво усмехнулся тот, — но, как видишь, получил по голове. От меня шарахаются, как от зачумленного.

— А что ты хотел? У Маринки сын растет, — сказал он сурово, — и она его, похоже, собирается одна воспитывать. Ты должен понимать: еще и тебя ей просто не потянуть.

— Да не надо меня тянуть! — разозлился Тимофей. — Я сам потяну кого хочешь! Но когда за свое добро все время получаешь зло... Ты меня прости, любой озверееет.

— А она тебя об этом просила?

— О чем?

— Ну, о добре, которое ты для нее сделал?

— А, вон ты о чем? Хочешь сказать, я со своим добром навязываюсь?

— Я думаю, ты всего лишь хочешь совместить несовместимое, — спокойно сказал Гарик. — Но никак не хочешь этого понять, а бьешься лбом об стенку. Может, для начала тебе нужно остановиться, оглянуться на прожитую жизнь, решить, что ты хочешь, а потом уже к этому идти.

— За дурачка меня держишь?

— За торопыгу. Есть такие ребятки: хочу все сразу и сейчас. И прут напролом. А когда ничего, кроме разбитых черепков, не остается, удивляются: кто это все наломал?

Марина со все возрастающим удивлением слушала неторопливую речь Гарика. Он ведь не знал ничего о Тимофее. Как же он в момент расставил на место все акценты? Прошрое впечатление о Георгии как о человеке добродушном и не слишком острым умом ей, кажется, придется менять. Ее однокурсник, похоже, повзрослел куда больше, чем она сама...

А тот, о ком она думала, как раз оглядел всех троих, на мгновение странно притихших, и покачал головой. Мол, с вами, ребята, не соскучишься!

— Марин, а давно твой Михаил из дому ушел? — спросил он как бы между прочим.

Марина на мгновение задумалась.

— Шестнадцать дней назад.

— А с Тимофеем ты давно знакома?

— Четвертый день.

— Вы, экономисты! — прикрикнула Вика. — Может, еще график начнете на скатерти чертить?

— Нет, Витуся, я больше ничего говорить не буду, — заверил ее Гарик. — И никаких расспросов учинять... Просто мне всегда казалось, что Марина Меньшова не из легкомысленных женщин. И не из торопливых.

— Еще неделю назад я и сама была уверена в этом, — вздохнула Марина.

Глава 16

Марина сидела перед зеркалом. Собиралась на работу. Опять и опять смотрела на свой изменившийся облик и все не могла наглядеться. Смешно сказать, никогда прежде она собой не любовалась, потому что себя категоричес-

ки не любила. Одна из ее приятельниц сказала, что такого не бывает. В том смысле, что все себя любят. Но видимо, она была не права.

Наверное, дело в том, что не все люди знают: себя можно изменить. Марина по совету младшей сестрицы — не девчонка, а справочное бюро по любым жизненным вопросам! — сходила в косметический кабинет, уменьшила свои широченные брови, кстати, без всякой боли. Посетила хорошего парикмахера, и вместо короткого каре сделала более модную прическу, какую-то там асимметрию, так что теперь одна прядь кокетливо падала на правый глаз, придавая своей хозяйке некоторую лихость. Так что сейчас, глядя на себя в зеркало, Марина заговорщически подмигнула себе.

Выходит, правы авторы некоторых книг, которые пишут: «Сделай себя сам!» Полностью изменить себя — это вряд ли, но измениться так, чтобы выглядеть другим человеком, вполне возможно.

Когда Марина заявила на свою старую работу за расчетом, ее с первого взгляда никто не узнал.

А директор, к которому она понесла на подпись заявление об уходе, вышел из-за стола, пожал ей руку и стал Марину уверять, что как раз на днях собирался повысить ей оклад и вообще предложить другую, более высокую должность...

Она обошлась без патетики, не стала говорить, что, мол, поздно, надо было раньше. Директор не виноват, что Марина теперешняя была так глубоко погребена под слоем прежней, неинтересной и серой женщины, что не то что человек посторонний, сама хозяйка едва себя оттуда выгребла.

Неизвестно почему, она вдруг призналась ему:

— Знаете, от меня ушел муж, и врачи посоветовали мне сменить обстановку. А так... Я бы ни за что от вас не ушла. Такой хороший коллектив, такой обаятельный директор...

Несмотря на то что это была наглая ложь, ее бывший начальник принял славословия Марины за чистую монету, понял вдруг, какое сокровище в ее лице теряет, и долго тянул время, прежде чем поставил под заявлением свою подпись.

Теперь Марина уже вторую неделю работала главным бухгалтером в фирме Георгия. Новый коллектив, новый банк — все пришлось начинать сначала. Но что главное, ее новый облик был для всех сослуживцев именно ее обликом просто потому, что другого они не знали.

С новой внешностью к Марине пришла уверенность в себе. Даже характер ее переменялся почти кардинально. Правильно говаривал ее отец: глаза боятся — руки делают! Она взялась за это самое дело и убедилась, что руководить и принимать решения вовсе не так страшно, как казалось поначалу.

Теперь в банк ее возил шофер Георгия на «мерседесе», и она поймала себя на том, что быстро к этому привыкла, хотя на прежней работе была рядовым бухгалтером и служебным автомобилем не пользовалась.

Если случалось ездить в банк, то в основном на общественном транспорте. Тогда звали ее по имени, а теперь — Марина Алексеевна. Со всеми признаками уважения. Ей верилось, это не только потому, что Ковалева — протеже самого шефа.

Недавно Гарик поинтересовался, не нужен ли главному бухгалтеру аванс.

— Не помешая бы, — сказала она.

— Так чего ж ты молчишь? — попенял он. — Все еще стесняешься?

Не то чтобы у нее не было денег — она всегда хозяйствовала экономно, но теперь Марине требовался совсем другой гардероб. На первых порах она даже вынуждена была заимствовать кое-что из вещей младшей сестры, хотя прежде никогда этого не делала. Та утверждала, что американцы два дня подряд не надевают один и тот же костюм, так как это дурной тон.

Один из клиентов фирмы, увидев Марину, заметил Георгию:

— Под такого главного бухгалтера, хозяин, вам нужен совсем другой офис.

А другой со смехом попросил:

— Не одолжишь своего главбуха в министерство съездить? Мне надо бизнес-план подписать, а моя для такого дела не выглядит соответствующим образом.

Марина еще раз оглядела себя. Если откровенно говорить, красавицей она не стала. Но научилась подчеркивать в своей внешности то, что у нее и в самом деле выглядело неплохо.

Например, ярко-синий цвет своих глаз. Оказывается, он становился таким не только при соответствующем макияже, но и при освещении лица улыбкой — Господи, она чуть ли не заново училась улыбаться! Смешно сказать, перед зеркалом репетировала. Улыбку на лицо напяливала, как маску. А потом привыкла. И для нее было открытием, что даже такая заученная улыбка поднимала ее настроение, словно ею включался в организме какой-то невидимый тумблер.

Прежде она стеснялась своих, как она думала, чересчур пухлых губ. Пока однажды случайно не услышала, как один из менеджеров фирмы заметил своему коллеге:

— Рот нашего главбуха зовет к поцелую.

— Да, губки — что надо, — согласился его собеседник.

А Марина опять подумала, что зря столько лет себя не любила. Вон специалисты оценили: рот как рот.

За последние десять дней она еще на три килограмма похудела. Юбки стала носить короткие, в обтяжку. Талию — изрядно похудевшую — подчеркивать. У нее самой создавалось впечатление, что с началом новой жизни вместе с лишними килограммами с нее сползло все лишнее, что прежде прибавляло ей возраста, как ледник с горы. И макушка ее — горы то есть — зазеленела. Марина помолодела настолько, что к ней стали приставать совсем молоденькие мальчишки.

Она продолжала мыслить образами, а от этого нового, с горой, ей захотелось расхохотаться. Представила свою голову поросшей свежей зеленой травой.

Поначалу Марина вовсе не собиралась раскрываться людям. Все-таки как ни крути, а пока что она мужем брошенная, и никто не выражает желания ее подобрать! Кому нужны все эти ее ухищрения — улыбки, юбки! Но потом поняла, что это она сама с собой кокетничает. Получалось жалостливо и как-то по-сиротски. Можно было бы в этом состоянии еще подержаться. Поплакать над собой. Но тут здоровый ее инстинкт возмутился. Ну и что, пусть бросил, ему же хуже. Опять рифма. От Тимофея, что ли, заразилась?

Вчера она получила по факсу — и откуда он только узнал номер! — очередные стихи Тимофея. Аж с самого Алтая. Неужели решил вернуться в родные места? А что, если он благодаря ей, Марине, решил порвать со своими «пацанами»? Гарик что-то говорил насчет того, что поздно, ну а вдруг? Ей хотелось так думать. Она считала, что

Тимофей заслуживает счастья, и отчего-то была уверена, что его не удовлетворит жизнь с какой-нибудь «шмарой». Или как там криминальные авторитеты называют своих девиц?

Время лечит любые раны;
это азбука. Видишь ли,
для того и есть океаны,
чтобы в них топить корабли.
На душе, что ты с ней ни-делай,
Долго кошкам еще скрести...
Так прощай, мой кораблик белый.
Не грусти.

Женщина, которой посвящают стихи, должна такому образу соответствовать. Но попробуй сочетать в себе романтику белого кораблика и сухую прозу цифр. А может, и не создавать этот образ, а просто жить, выйдя на свет из своих четырех стен? Может, на взгляд кого-то, это и не очень сочетаемо, но Марина больше не собирается ни на кого оглядываться. Она еще и сама стихи начнет писать!.. Шутка!

На днях она поймала на себе изучающий взгляд сына. Девятилетний ребенок смотрел на нее чуть ли не по-мужски.

— Мама, ты похожа на девочку.

Марина невольно одернула короткие шортики — теперь дома она принципиально не носила халатов.

— Надеюсь, на красивую девочку?

— Красивую, — согласился Юрка, отчего-то тяжело вздыхая.

Наверное, он грустил по той прежней «матери в халате», которая принадлежала только ему. Что поделасшь, и сын, как маленький мужчина, был непосредственно-эгоистичен. Мать ему нравилась всякая. Даже располневшая и старообразная.

Ой, что-то она размялась. Еще немного, и на работу опоздает. Марина ездила к офису фирмы в маршрутке. Изредка ее подвозил Гарик, хотя она всячески этому сопротивлялась.

— Зачем нам лишние разговоры!

— На всякий чих не наздравствуешься! — не соглашался Гарик.

Но Марина еще не была настолько уверена в себе, чтобы не обращать внимания на мнение окружающих. И ей не хотелось создавать у коллег по работе мнение о себе как о женщине, с которой спит директор. Ну и пусть она дурочка, но лучше не рисковать!

— Я здесь директор! — сердился Гарик. — Я! Как и соучредитель.

— Ты, — соглашалась Марина. — Если ты такой широкий, плати мне за дорогу, ты можешь ввести такую статью расхода.

— Платить за твою маршрутку? Еще чего! — ворчал он.

— Скупердяй! — шутливо бранилась Марина.

Хочется ему кого-нибудь возить, вон пусть лучше Вику подвозит — кажется, они теперь встречаются. Хотя для нее почему-то делают вид, что встречи у них в основном случайные.

Перед уходом Марина, как всегда, зашла в комнату сына. Его подушка опять валялась на полу, да и сам Юрка наполовину со своей кушетки свесился. Летает во сне, потому и падает. Для него в свое время они с Михаилом купили этот палас с длинным ворсом, чтобы не сильно ударялся об пол. И кушетку возможно низкую...

Летай, сынок, летай! А маме пора на работу. Завтрак для Юрки на столе прикрыт салфеткой. Поест, помчится в свой клуб с прозаическим названием «Натуралист».

Клуб работает в летние месяцы на территории школы. Посещают его юные ботаники. Сын вначале сходил, как он сам сказал, для интереса, а потом пристрастился к собиранию гербариев. И слушал нескончаемые истории о травах, которые участвовали в развитии человечества, в поддержании его здоровья, а то и спасении, после чего благодарные люди увековечивали очередной подвиг какой-нибудь прежде скромной травки...

Какая-то учительница этим всем руководила, по-хорошему одержимая. Может, потому что молодая? Бессребреница? Или есть еще в стране учителя, которые вот так бескорыстно отдают детям свое свободное время?

Странно, что Марина удивляется тому, на что прежде не обращала внимания...

Сентиментальная стала. Как молоденькая девушка, постигающая азы жизни. Только не поздновато ли?

Как бы то ни было, но Марина не только сама изменилась, но и по-другому начала ощущать жизнь. Нюх обострился, точно у гончей. Глаза зорче стали. Горизонт расширился. Небо выше поднялось...

Вчера вечером приходил Михаил. Марина сделала вид, что не замечает его удивления при взгляде на ее макияж, на домашнюю одежду. Макияж она попросту не успела смыть. Задержалась на работе, а накануне пообещала приготовить столь любимые Юркой сырники. Успела только душ принять, и к плите. За своим телом она теперь следила дотошно.

Подумать только, читала Марина во взгляде покойного мужа — это она его так про себя называла, — его жена — он отчего-то упорно называл ее женой, живя при этом с другой женщиной, — была на кухне в платье-рубашке! Для рубашки — длинном, а для платья — несколько коротко-

ватом. Он так уставился на ноги Марины, словно впервые их увидел. Одно слово — кобелино!

Покосился на букет, понял, что цветы не из дешевых. Ей теперь часто дарили цветы. Пока лишь клиенты фирмы. А этот, как она думала, последний, оставался от Тимофея.

Мужем Михаил был плохим, но зато хорошим отцом. Он отыскал в клубе сына, повез в магазин. Купил все, что нужно к школе.

— Будешь с нами ужинать? — спросила его Марина и удивилась, как неожиданно охотно он согласился:

— Буду.

Даже не спросил, как обычно, что она приготовила. Не кормит его «тетя Таня», что ли? Он и вправду здорово похудел. Видимо, ночами приходится усиленно работать.

Она теперь ощущала себя очень опытной в вопросах секса, хотя после Тимофея у нее никого больше не было.

— А тебе идет этот рыжий цвет. На его фоне глаза у тебя такие яркие...

— Спасибо за комплимент, — дежурно улыбнулась она.

Сели за стол втроем, как когда-то давно.

— Папа, ты пришел насовсем? — спросил Юрка.

Михаил вопросительно и со странной надеждой посмотрел на Марину. Интересный расклад! Когда уходил, он не спрашивал у нее разрешения, а сейчас — как побитый пес!

— У папы теперь другая семья, сынок! — улыбнулась она. — И скоро у него будет еще один сынок, только совсем маленький.

— Мой брат? — оживился Юрка.

— По отцу, — уточнила Марина.

— Что ты несешь! — возмутился Михаил. — Какой такой сынок? Хоть бы ребенка постеснялась.

— Это тебе надо стесняться, — жестко сказала она. — Тебя тетя Таня заждалась, а ты сидишь тут как ни в чем не бывало.

— Спасибо, накормила! — ядовито процедил он, бросил вилку и ушел.

— Извини, сынок, не сдержалась, — покаялась Марина.

— Ладно, я понимаю, не маленький, — солидно сказал Юрка и продолжал уплетать ужин, пока мать изумленно на него взирала.

Потом она мыла посуду и ревела белугой, но слезы ее были не те, мучительные и выматывающие, как прежде, а скорее слезы раздражения на себя — не сдержалась, повела себя как базарная торговка, — и на Михаила. Ходит, как лис вокруг винограда. Думает, она устанет от одиночества и все ему простит... А вот фиг тебе!

Лето, кстати, еще не кончилось. Только начало августа. Послезавтра пойдет машина на море, и Марина тоже решила съездить. С сыном. Может, и сестру с собой взять? Позвонила Вике — та обрадовалась.

— Одна поедешь? — спросила ее Марина.

— Почему одна? С вами.

— Не притворяйся. Я о твоём бойфренде говорю.

Сестра ни разу не обмолвилась насчет Гарика, и Марина не настаивала. Может, младшая влюбилась впервые в жизни? Боится свое же чувство спугнуть?

— Нет у меня никакого бойфренда. И уже давно.

— А когда я на море уезжала, был?

— Так с того дня времени сколько прошло? Полтора месяца!

И правда, полтора. А для нее чуть ли не целая жизнь! Если прежде у Марины годы проходили безо всяких событий и потрясений, то теперь у нее неделя может пойти за квартал, а полтора месяца — за полтора года...

Потом Марина прошла к себе в спальню, опять на ходу взглянув на себя в зеркало. Еще не хватало — постоянно любоваться собой, как Нарцисс! Но все-таки смотреть на себя с некоторых пор приятно.

Она легла поверх покрывала, с улыбкой слушая, как через стенку Юрка в своей комнате играл в очередную компьютерную игру — сражался не то с динозаврами, не то со злыми инопланетянами — рев животных гремел на всю квартиру. Ей бы встать, сказать ребенку, чтобы прикрутил громкость, но она так расслабилась...

В тот день в кабинет к Марине — кстати, небольшой, но очень удобный — словно ненароком заглянул сам директор Георгий и после всяческих необязательных слов вдруг спросил:

— Как ты думаешь, семь лет разницы между мужчиной и женщиной — не много?

— Если женщина старше, то срок почти пограничный, а если мужчина — почти идеальный. Конечно, это сугубо мое мнение.

— Все у тебя — почти, — проворчал Гарик, — а для второго случая идеально — это сколько?

— Я всегда считала, лет пять-шесть.

— Но от развода это не спасает, не так ли?

— Не спасает, — согласилась Марина.

А шеф ее ушел задумчивый...

Спала она теперь, несмотря ни на что, крепко, сны видела цветные, хотя пока что в ее жизни изменилось лишь служебное положение... Минуточку, почему лишь служеб-

ное? А материальное? Марина в свою работу уже «въехала», стала давать шефу дельные советы и благодаря этому огребла на днях очень приличную премию.

Гарик опять завел свою песню:

— Конечно, ты заработала куда больше, но мы теперь расширяемся. К тому же я новый офис присмотрел!..

Сегодня она все никак не могла дойти до двери, чтобы отправиться на работу. То забыла губную помаду, то кошелек...

Марина уже стояла в коридоре, когда услышала телефонный звонок. Хорошо, босоножки не успела надеть, а то ни за что бы не вернулась. Звонил юридический муж, с которым давно пора было бы развестись, да все некогда.

— Извини, я на работу опаздываю, — сказала она, чувствуя, что разговор парой фраз не окончится. — Позвони мне на работу.

— Я тебе по мобильнику звоню. Как раз стою у нашего дома. Давай я тебя подвезу, а по дороге и поговорим.

— Хорошо, — согласилась она, — я уже выхожу.

Нашего дома. Вспомнил! Чего бы это вдруг? Уж не возвращаться ли надумал? Или он так нарочно подчеркнул, чтобы Марина не слишком привыкала к хорошей жизни?

Вот он подаст на развод, а заодно и на раздел их отличной трехкомнатной квартиры. От такой мысли ей стало не по себе. Квартиру было откровенно жалко. Даже не как дорогую недвижимость, а как удобное привычное жилье. Тем более что Марина уже задумала кое-какие перестановки, поменять мебель, переклеить обои.

А если сделать так: взять в банке кредит и выплатить Мишкину долю деньгами, как если бы квартиру пришлось

разменять? А что, это удачная мысль! Почему это бухгалтер солидной фирмы должен ютиться с сыном в какой-нибудь однокомнатной квартире? Надо будет посоветоваться с Гариком...

Михаил ждал ее в машине у подъезда. Впрочем, он тут же вышел, чтобы распахнуть перед ней дверь.

— Что-то я не помню, чтобы ты делал это прежде, — полушутя заметила Марина.

— Ну, ты стала такой женщиной, — пробормотал он, — перед которой просто нельзя не расшаркиваться. Я уже сомневаюсь, что ты моя жена...

— Бывшая, — поправила она.

— По всем юридическим законам самая что ни на есть нынешняя.

— Вот как! А чего вдруг ты об этом вспомнил?

— Все-таки десять лет вместе прожили...

— Одиннадцать, если быть точным. И теперь ты понял, что рядом с тобой такое сокровище? — уже откровенно смеясь, подхватила она. — Что во мне изменилось?

— В тебе появилось нечто царственное. Ты как Клеопатра, которая пленяла мужчин, вовсе не будучи классической красавицей.

— Прощу тебе, пожалуй, утверждение, что я не красавица, за сравнение с Клеопатрой. Так и хочется вспомнить Пушкина: «Тогда, не правда ли, в пустыне, вдали от суетной молвы я вам не нравилась. Что ж ныне меня преследуете вы?»

— Вот, и стихи ты раньше не читала. Может, ты и курить начала? — невпопад выпалил он и пожаловался: — Смешно сказать, я робею перед тобой, словно жалкий придворный перед королевой.

— Курить я не начала. А что, королеве это непременно нужно?

— Королеве нужен король.

— Хорошо, я учту, — кивнула Марина. — А о чем ты со мной хотел поговорить?

— Вот как раз об этом.

— О короле? Ты нашел мне подходящую кандидатуру?

— Зачем искать? Разве не было ее у тебя все эти годы?

— Имеешь в виду Гарика?

Она откровенно валяла дурака, но Михаил в запале этого не замечал.

— При чем здесь Георгий? Я говорю о себе, — с натугой выдавил он и взорвался: — Черт возьми, Марина, что ты из себя строишь? Я сказал, словно королева. Но ты-то не королева! Подумаешь, бухгалтер со среднетехническим!.. Хочешь, чтобы я повинился, прощения попросил? Так я могу. И на колени встану, если хочешь!

— Зачем? Я ничего от тебя не хочу. Разве ты не ушел от меня насовсем?

— Я ошибся, — признался он.

— Ошибки нужно смывать кровью, — сказала она словами из «Кавказской пленницы».

— Марина, я не шучу.

Он ее не понимал. Думал, она набивает себе цену. Но Марина и в самом деле больше не хотела сохранять или реанимировать свою семейную жизнь. Ничего для нее в ней хорошего не было. Сплошная униженность, скука и прозябание.

Это прежде, когда еще Марина не осознала себя женщиной, которая может нравиться, она испугалась. Чего уж перед собой-то кокетничать: цеплялась за мужа, потому что была уверена, что никому будет не нужна и пропадет в одиночестве.

О черт, она отвлеклась! Куда это Михаил едет?

— Поворачивай! — закричала она. — Ты везешь меня в другую сторону!

— Разве ты не на работу едешь?

— А разве у нас в городе можно работать только на одном месте?

— Нет, конечно, — растерянно произнес он. — Похоже, я не успеваю за всеми переменами, которые происходят в твоей жизни.

— Понятное дело, замок проснулся.

— Какой замок?

— Замок Спящей красавицы. А еще точнее, замок Спящей женщины. Случилось чудо: она не только проснулась, но и прозрела.

— Я не понял — ты мне отказываешь?!

А чего это он так удивился? Подумаешь, супермен! На свете есть мужики и покруче. Вот если бы еще их к криминалу не тянуло...

— Увы, ты прав. Разбитого не склеишь... Пожалуйста, доедешь до угла, поверни направо. Так, проедь еще полквартала. Все, приехали. Теперь остановись... Благодарю, ты был очень любезен.

Михаил все еще пребывал в ошолоблении. Права Вика, избаловала его Марина. До сих пор, бедненький, цены себе не сложит...

— Марина, насколько мне известно, Меншовы происходят из рабочей среды. По крайней мере я не слышал ни от тестя, ни от тещи, что в ваших корнях запутался хотя бы один аристократ.

— Считаешь, я выпендриваюсь не по чину?

— Именно; считаю!

— Ну и считай себе, а мне это нравится.

— Брось, тебе это не идет.

— Интересно почему?

— Потому что по сути ты совсем другая: простая, понятная, домашняя...

Кажется, ясно, в чем дело. В отличие от Марины «тетя Таня» оказалась женщиной самодостаточной. Она наверняка прилично зарабатывает, у нее своя жилплощадь, и она привыкла, что мужчины ухаживают за ней, а не наоборот. Вот Ковалева и пробила ностальгия по ручной заботливой женушке.

Она с улыбкой посмотрела на Михаила:

— Сомнительный комплимент. В былые времена это меня бы расстроило, ну а вдруг ты ошибаешься? Откуда тебе знать наверняка, мое это или нет? Может, в моих корнях таки были дворяне.

— Ладно, дворянка! Пока мое предложение остается в силе. Послушай дельного совета: лучше не перебирай харчами, а то останешься у разбитого корыта...

«О чем он опять говорит? Намекает, что женщине в тридцать лет уже пора «сливать воду»? Хамите, парниша! Это мы уже проходили. Теперь меня подобным шантажом не возьмешь. Я обещаю и в пятьдесят лет, если доживу, лапки не складывать. Да что там обещаю, — клянусь! Если случится мне впредь полюбить, то это будет любовь на равных. Я больше никому не позволю шантажировать меня любовью. Или даже тем, что якобы я останусь одна и никто больше не глянет в мою сторону. Или глянет сверху вниз. Я теперь и сама умею смотреть сверху вниз. Понял, Мишенька?»

— ...Тебе дарят букеты роз? Но конфетно-букетный период бывает у многих. Вначале. Но потом и он кончается. Особенно если женщина быстро сдается...

Михаил испытующе глянул на нее. Неужели он прав и она уже спит со своим... хорем? Его окатила волна ревности: подумать только, и развестись не успели, а она уже на сторону пошла! Он даже не замечал, что себя и вовсе перестал считать виноватым. Это она, Марина, разрушила их такую крепкую семью!

Но поскольку Марина никак не отреагировала на его речь, продолжал с тем же пылом:

— А потом начинаются серые будни, рыцарь слезает со своего коня и садится за стол. Пожрать! Вот и вся романтика... От меня ты хоть никаких сюрпризов ждать не будешь.

— Почему же не буду? Буду. Ведь совсем недавно дождалась, хотя и не ждала, так что ты тоже не подарок... когда с коня слезешь!.. Смотри-ка, и я стала каллабурить!

Он, конечно, не понял, что она вспомнила Гарика, и вконец разозлился:

— Смеешься! Гляди, я тебя предупредил.

Ну, если он сказал ей все, что хотел... И больше не выходит из машины, чтобы распахнуть перед ней дверцу? Не надолго же его хватило! Нет, он и не подумал бы переменить своего отношения к Марине. Разве что сделал бы все возможное, чтобы опять запереть ее в прежнюю непривлекательную оболочку. И тешил себя мыслью, что она может быть другой. И то, что даже это знание принадлежит только ему...

Она открыла дверцу и поставила ноги на землю.

— Привет Тане!

Он сделал вид, что ее замечания не услышал, и настойчиво проговорил уже в ее спину:

— Так что ты ответишь на мое предложение?

Марина ступила на тротуар, потом пригнулась, чтобы видеть его лицо, и сказала насмешливо:

— Благодарю, что подвез.

С удовольствием увидела его вытянувшееся лицо и пошла к офису фирмы, цокая каблуками и покачивая бедрами. Пока не услышала, как за спиной яростно взвизгнули покрышки их машины.

Глава 17

Радуйся, Ковалева, ты как Колобок, который то от дедушки ушел, то от бабушки... Мужа выгнала, Тимофею в руке и сердце отказала. Один из клиентов — тоже, кстати сказать, глава фирмы, разведенный — приглашал в ресторан со всеми вытекающими последствиями, — отшутилась. Мол, занята очень, ни минутки свободной... в свободное от работы время.

Одно успокаивает — у Гарика с Викой что-то получается. Прежде ее шеф говорил, что море ему надоело, а как узнал, что с Мариной и Вика собирается, резко назад отработал.

— Это только говорят, море надоело, но разве может оно по-настоящему надоеть? Поедем-ка мы все четверо на моем «шевроле», чего на автобусе трястись. И отдохнуть будем в домике для администрации...

Наверное, Гарик в последнее время здорово переменялся, ведь раньше Марина никак не могла назвать его робким человеком, особенно по части женского пола, а тут перед Викторией робеет, как мальчишка. Или все не может поверить, что она выросла?

И ведет себя как мальчишка: «шевроле» своим хвастается. И тем, что база отдыха принадлежит ему... Марина подумала так и сама себе ответила: ему есть чем хвастаться!

Наверное, больше всех предстоящей поездке обрадовался Юрка.

— Ты же недавно с моря вернулся, — поддела его Марина. — Небось из моря не вылезал? Наплавался на год вперед...

— Сравнила! — снисходительно протянул сын. — Воспитатели нас в море по часам запускали. Пять минут побултыхаешься — на берег! Нырять не вздумай. Кто попробует нырнуть — того тоже на берег. Разве ж это море!

— А тут ты размечтался, что часами будешь в воде сидеть, до полного посинения? — сказала она. — Или думаешь, я тебе ничего запрещать не буду?

— Все равно с тобой лучше. И Вика обещала меня плавать научить.

Говорить Виктории «тетя» Юрка категорически отказывался. Ну и Марина не стала настаивать. Между ними всего четырнадцать лет разницы. Да и какая из Вики тетя. Девчонка совсем.

Как-то не думалось о себе, что в этом возрасте у самой Марины Юрка уже ходил в детский сад, а она была почтенной замужней дамой...

Домик администрации оказался и вправду как-то ненавязчиво лучше остальных. И крошати здесь были новые, и матрасы новые, и одеяла настоящие шерстяные. Белье постельное — при них из пакета вынули. Словом, вроде все как у всех, да не совсем.

Гарик поселился в одной половине домика с Юркой, а другую заняли сестры. Насколько Марина знала, Вика пока

не спала с ее шефом. Причем исключительно по вине последнего — он продолжал робеть. А Вике было лестно, что она вызывает такой трепет у мужчины, в которого сама была влюблена.

Сын Марины был счастлив. Она только и слышала: — Дядя Гарик сказал! Дядя Гарик обещал!

Впрочем, Марина этому не удивлялась — с годами у друга юности не прошла любовь к детям, которые платили ему той же монетой. Она приготовилась к тому, что в эти два дня ей придется ублажать капризы сына, а вышло, что его воспитанием занялись совсем другие люди.

Не успев приехать, Гарик повел Юрку смотреть какой-то необыкновенный родник, а Марина с Викой, не мудрствуя лукаво, отправились на пляж.

Уж теперь-то Марина решила насытиться морем, говоря словами сестры, по самые уши. В прошлый раз Тимофей все пытался куда-нибудь ее отвезти, что-то этакое показать, так что на пляже ей почти не пришлось поваляться.

То есть валяться-то она совсем не любила. Она бы с удовольствием поплыла к буйкам наперегонки. Или поныряла бы на время — кто дольше под водой просидит. Но здесь уже ей не повезло, потому что Вика как раз не любила всякие физические упражнения. Она прочно залегла на покрывале с книгой в руке и не соглашалась ни на какие уговоры хоть ненадолго зайти в море.

Пришлось Марине плыть одной. Такой расклад несколько омрачил ее предвкушение интересного отдыха. Чего хорошего, самой себя развлекать. Но потом подумала, что вот появятся Гарик с Юркой, и тогда поинтереснее будет, можно поплавать наперегонки с Гариком, а пока...

Пока она решила поплавать в свое удовольствие. Потому стала потихоньку удаляться от берега, медленно погружая в воду уже тронутые загаром руки.

Она плыла все дальше и дальше от шума, криков, громкой музыки. С каждым взмахом руки от нее словно отдалялась прочь сама цивилизация и синяя прохлада нежно омывала ее жаждущее этой нехитрой ласки тело.

Казалось, она должна была бы расслабиться и ни о чем не думать, но в голову лезли странные мысли. Да, в последнее время Марина похорошела. Фигура ее приобрела прежние изящные формы. Она была свободна, обеспечена и вполне готова встретить свою задержавшуюся где-то вторую половину.

Но толпы поклонников, как хотелось бы, подле нее не наблюдалось, а, наоборот, ощущалась некая пустота. В том смысле, что никого не было, и все...

Чего же ей не хватает — по мнению мужчин? Легкости характера? Контактности? Как может такая женщина, как она, вызывать интерес? Внутренний голос справедливо заметил: «Только заплыв подальше, можно заниматься подобным самоуничижением. Когда совсем дойдешь до точки, останется лишь хлебнуть побольше воды и медленно опуститься на дно...»

Кому-то еще такие мысли Марина поведать постеснялась бы. Подумать только, размышляет, чем ей мужчин к себе привлекать! Но как долго она ни просидела на кухне и ни прожила, предоставленная самой себе, она не могла не заметить, что мужчинам далеко не всегда нравятся фотомодели. Нет, возможно, издавек они любят посмотреть на красавиц, мысленно представить их рядом с собой, но увиваются за женщинами вовсе не по причине особой красоты лица или безупречной фигуры. Но что же тогда привлекает мужчин?

Хлоп! Хлоп! Что это за звуки? Плывет за ней кто-то? Она обернулась назад и увидела стремительно приближающуюся к ней лодку.

— Немедленно вернитесь! — вдруг отчетливо услышала она усиленный мегафоном голос. Это орал какой-то здоровый мужик в шортах и с голым торсом.

Неужели спасатель? Разве они еще существуют? Марина почему-то думала, что если правительство не интересуется, как живет большинство его граждан, то с чего бы ему беспокоиться о тех немногих, которые по собственной глупости могут утонуть?

Здесь-то уж точно все можно списать на стихию. Море виновато. Но как законопослушный гражданин она приказа послушалась и теперь отдыхала, лежа на спине, в ожидании лодки и ее сердитого гребца с мегафоном. Хочешь не хочешь, а придется выслушивать его нотацию: она, негодяйка, не заметила, как пересекла линию буйков и чуть было не уплыла в далекую Турцию.

Наконец он приблизился.

— Забирайтесь в лодку! — строго приказал мужчина.

Раньше она, возможно, не особо обратила бы внимание на его тон. Человек, что называется, при исполнении может так разговаривать с нарушителями. Но теперь, когда она и сама была начальником и немало сил тратила именно на то, чтобы без толку не давить на подчиненных, разозлилась:

— Не собираюсь я лезть в вашу дурацкую лодку. Раз нельзя мне и на море поплавать столько, сколько хочется, раз тут везде ограничения и сторожа, придется мне вернуться на берег и переехать куда-нибудь к Средиземному морю. То есть вернуться я могу и вплавь. Вам понятно?

— Забирайтесь в лодку, — повторил спасатель, на этот раз более спокойным голосом.

Надо же, приказной тон его уже и не такой приказной, а то до этого он кипел, что твой чайник; перегрелся на солнце, что ли? Или он просто не может равнодушно относиться к своей работе? Такой вот трудоголик. Тогда его можно понять. То есть уступить должен тот, кто умнее. Что взять со спасателя? Не будет же она с ним ругаться. Еще даст веслом по голове...

И Марина сказала примиряюще:

— Я, честно говоря, думала, что эти буйки остались от старых времен.

— Ни от каких не от старых! — раздраженно буркнул он. — Я собственноручно расставил их перед началом сезона... Залезайте в лодку.

Ну до чего занудный мужик. Ладно, черт с ним! Как сказал от лица женщины известный юморист, «я не могу, когда меня долго просят».

Она взялась за борт лодки, и он выдернул ее из воды точно поплавок. Только в какой-то момент ей показалось, что у него дрогнула рука. Словно чему-то он несказанно удивился. И задержал руку на ее плече. Даже в лице переменялся. Понятное дело, ведь Марину каждый день показывают в программе «Время» как первую красавицу страны. Главное, что надо сделать, когда попадешь в неприятную ситуацию, попробовать мысленно пошутить.

— Что-то я вас на берегу не видела, — примиряюще сказала она вслух. — Потому и поплыла. Не думала, что здесь есть спасатель. Вы только в море для меня обнаружили.

— Мне и не надо было прежде обнаруживаться, — сказал он все с тем же раздражением, не глядя на нее, — потому что другие отдыхающие правил не нарушают.

Экий женоненавистник! Говорит всякие гадости и в глаза не смотрит. Нарушила, видите ли! С виду вроде бы нормальный мужчина, а все через зубы цедит. Наверное, подумал, что она специально заплыла так далеко, чтобы ему досадить. Сто лет он ей снился!

Марина вольготно разместилась на задней скамье, на корме, по-научному, сдернула с головы купальную шапочку и встряхнула головой, чтобы разворошить слежавшиеся под ней волосы. А затем стала беззастенчиво его разглядывать. И опять перехватила его несколько растерянный взгляд. Что это он — хамит и сам того стесняется? Ладно, раз он с ней не церемонится, а Марине и сам Бог велел последовать его примеру.

Странно, что он зол, кажется, на весь свет. С такими-то внешними данными. Мужчина видный. Фигура спортивная. Вон как перекатываются под кожей мускулы, когда он налегает на весла. Внешне он выигрывает даже по сравнению с Тимофеем, хотя тот был мужчина хоть куда. В нем нет ни сутуловатости поэта криминального мира, ни глубоко спрятанной затравленности, что ли. По крайней мере точно настороженности.

Зато, говоря чиновным языком, имеет место тоска, но она так глубоко спрятана, что вряд ли многие ее разглядят. Неужели все мужчины России непременно что-то в глубине души прячут? Какую-то душевную рану, тайну или что там еще...

Безусловно, внешне он хорош. Сероглазый. Как пишут романисты, с глазами стального цвета. Суровый мужчина.

Наверняка поклонниц у него достаточно. А может, отдыхающие дамочки чересчур досаждают ему своим вниманием, вот он их и не любит? Слава Богу, Марина

на него никаких видов не имеет и не испытывает к спасателю ничего, кроме некоторого биологического интереса. Размышляет, к какому виду самцов рода человеческого его причислить.

— Ну все, хватит, — решительно сказала Марина, когда лодка совсем уж приблизилась к берегу. — Дальше я, как говорится, своим ходом.

Она приготовилась прыгнуть с кормы, как услышала его суровое:

— Сидеть!

— Что вы о себе вообразили? — Она с раздражением уставилась на его официальную физиономию. — Может, вы хозяин моря? Или только этой акватории? Может, у вас есть удостоверение, подписанное самим Нептуном?

Однако спасатель никак не отреагировал на ее возмущение. Вернее, сказал все тем же канцелярским тоном:

— Вот доставлю вас на станцию, заплатите штраф, а потом будете свободны.

— А сейчас я, значит, арестована?

— Можно сказать и так, — кивнул он с самым серьезным видом.

— Вы полагаете, что я ношу кошелек в купальнике? — развеселилась она. — И в какой его части, как вы думаете?

Но ее пленитель даже не улыбнулся.

— Ничего такого я не полагаю, а вот когда причалим, я сопровожу вас к вашему кошельку.

— Интересный способ получения незапланированных доходов, — хмыкнула Марина.

— Я выпишу вам квитанцию, — бесстрастно заметил он.

Определенно это какой-то динозавр в человеческой шкуре.

— А что вы сделаете, если я все-таки возьму и выпрыгну из лодки? — поинтересовалась она.

— Верну вас на место.

Ну Марина и влипла! Не знаешь, плакать или смеяться. Можно было бы покачать права. Спросить, кто он такой, и пусть покажет документ на право взимать штраф с нарушителей, а не просто конвоировать их к берегу. Но она лишь спросила:

— Доходы от вашей деятельности идут на благоустройство пляжной зоны?

— На благоустройство базы отдыха «Горизонт»! — будто отрапортовал он.

Вот это да! Нарочно не придумаешь. Он, оказывается, работает на базе отдыха, числящейся на балансе фирмы Георгия. Работники помрут со смеху — какой-то там спасатель взял штраф с главного бухгалтера! Спасатель... Минуточку! Марина готова была поклясться, что такой должности в штатном расписании нет. Что опять учудил этот хитрец Гарик? Понятно, что за ним нужен глаз да глаз, но обычно она в курсе его дел. Может, договорился с администрацией поселка, что база «Горизонт» будет ответственной за порядок на пляже, а поскольку тут куча всяких баз, небось разделил трудовую повинность между всеми... Словом, гадать без толку, надо спросить у самого Георгия.

А пока... Ладно, заплатит она их поганый штраф, оставаясь безымянной дамочкой-нарушительницей!

— Что же вы сидите? — услышала она голос спасателя. — Или предлагаете мне вынести вас из лодки, на руках?

Марина фыркнула рассерженной кошкой, выпрыгнула из лодки, отступила в сторону и чуть не упала на

Георгия, который стоял на берегу рядом с Юркой и, считая, что она их уже увидела, ждал, что она к ним подойдет.

— Марин, — насмешливо протянул он, — ты и в законные выходные не знаешь покоя! В конце месяца Иван Витольдович привезет тебе отчет; тогда и будешь держать его навтыжку в своем кабинете.

— Отчет? А как его фамилия?

— Нестеренко. Я думал, вы успели познакомиться.

— Нестеренко И.В. — директор базы отдыха? — припомнила она штатное расписание.

— Точно. Я всегда говорил, что память у тебя идеальная.

— Тогда почему он работает спасателем?

— Ах, это? Инициатива Ивана Витольдовича. Он сказал однажды: «Порядок на пляже гарантирую». С тех пор — никаких серьезных нарушений не отмечено. Стоит человеку заплатить однажды штраф из своего кошелька, как он надолго запоминает урок. Кстати, за совмещение обязанностей мы Ивану Витольдовичу ничего не платим.

— То есть, когда он занят, никто утопающих не спасает? — пошутила Марина.

Однако директор базы на ее шутку никак не откликнулся. Во время ее разговора с Гариком он стоял и безучастно смотрел прямо перед собой.

«Что за чурка с глазами!» — с досадой подумала она.

— Раз вы не успели познакомиться, я вас представляю, — взял инициативу в свои руки Гарик. — Знакомьтесь, Иван Витольдович, перед вами новый главный бухгалтер фирмы Ковалева Марина Алексеевна.

Нестеренко вежливо поклонился.

— Раз уж вы нас познакомили, Георгий Васильевич, — насмешливо проговорила Марина, — давайте и я просвещу вас насчет некоего недавно происшедшего события, о котором вы еще не знаете. Дело в том, что я, можно сказать, арестована и в данное время конвоируюсь к своему кошельку для уплаты штрафа за нарушение границ буйков, которые перед началом сезона Иван Витольдович собственноручно расставил. Вот только меня пока не проинформировали о размерах штрафа.

— Ну-ну, брэк! — Гарик смеясь раскинул руки, как бы разводя их в разные стороны. — Мне кажется, Иван Витольдович, на первый раз нашего главбуха можно и простить.

— Как скажет командир, — безразлично пожал плечами тот.

— Ты посмотри, они меня простили на первый раз! — раздраженно бурчала Марина, идя к покрывалу с читающей Викой. — Погрозили пальчиком провинившейся девочке!

— Что это за седеющий Аполлон, с которым ты каталась на лодке? — поинтересовалась сестра; судя по всему, свою книжку она читала не очень увлеченно.

— Каталась! — прошипела Марина, невольно обращая раздражение и против Вики. — Правильнее было бы спросить: кто конвоировал тебя к берегу на лодке? Аполлон! Ты ему польстила. Скорее, Цербер. Некий сверхбдительный спасатель, который испортил мне оздоровительный заплыв.

— Какой-какой? — расхохоталась Вика.

— Даже вернуться вплавь не дал! Так и маялась на жаре в его поганой лодке.

— Вечно ты скандалишь со спасателями, — лениво протянула сестра.

— Вечно? — возмутилась Марина. — Да кто это тебе сказал такую глупость?

Седеющий Аполлон. Ишь, углядела! У него действительно седина на висках, но неужели это видно вот с этого покрывала?

— Так когда это еще я скандалила со спасателями? — вернулась она к утверждению, которое словно невзначай высказала сестра.

— Мне было лет шесть или семь — тогда мы отдыхали на море с родителями, — но я хорошо помню, как тебя вот так же в лодке возвращал на берег спасатель. И еще помню, что папа тебя наказал и в этот день тебя больше не пустили купаться в море.

— Нашла о чем помнить!

— А ты нашла на что злиться! Детской памяти не прикажешь: что хочет, то и помнит.

Ничего не поделаешь, Вика права: ее с детства тянуло уплыть куда-нибудь подальше от людных мест, вообще в открытое море. Чтобы наконец остаться одной. Может, потому она так долго просидела на кухне одна, почти не тяготясь своим одиночеством?

Но нет, думать так, значит, признаваться, что у Марины не все дома. Люди стремятся к общению, а она, выходя, хочет обходиться без людского общества?

— ...Маринка всерьез Ивана разозлила, — услышала она, как вернувшийся Гарик рассказывает Вике о происшествии. — Решил почему-то, что она сделала это ему назло...

— Назло? Он слишком много о себе мнит! Я вообще прежде его не видела, а уж делать что-то назло незнакомому человеку... я бы просто поленилась. Подумать только, этот нептуновский прихвостень решил бороться за

порядок на море! Нельзя, видите ли, за буйки заплывать! Да если бы я утонуть захотела, небось его бы не спросила!

— Не пыхти, сестра! — стала успокаивать ее Вика. — Что плохого, если человек добросовестно делает свое дело. Недавно ты целую речь произносила в защиту людей увлеченных. А выходит, они хороши лишь до тех пор, пока тебя лично своей дотошностью не задевают?

— Значит, они друг другу не понравились, — сделал вывод Гарик.

— Или понравились, но не хотят в этом признаваться, — хихикнула Вика.

Марина демонстративно отвернулась и с преувеличенным интересом стала читать книгу, которую отложила Вика. Отчего-то плохо вникалось в смысл прочитанного. Перед ее глазами стоял суровый лик Нестеренко, его раздражение и досада, да что там досада, его плохо прикрытое смятение, когда он встретился глазами с Мариной... Видно, какая-то женщина оставила глубокий след в его душе от своих длинных наманикюренных ногтей. И чем-то, наверное, ее напомнила ему Марина...

— Гарик, а откуда он взялся? — продолжала расспросы Вика. — Невооруженным глазом видно, что он не местный. В нем еще видны повадки цивилизованного человека.

— Приблудился, — пошутил тот. — Мне его ребята порекомендовали: мол, честный, работающий, но после серьезной жизненной травмы желает находиться где-нибудь подальше от людных мест. У меня таких мест и не было, разве что эта база, но на ней в сезон — столпотворение. Объяснил, что если он сможет четыре ме-

сяца таки потерпеть человеческое общество, остальные восемь будет жить как Робинзон. Может, одна-другая Пятница поблизости появится, а так — никого. Он согласился, и второй год у меня и директор базы, и охранник, и сторож, и, кажется, столяр, потому что сам все ремонтирует. Марина могла бы заметить, что в этом году на подготовку базы мы истратили втрое меньше обычного...

— Я заметила, — сухо отозвалась Марина.

— Но так тоже нельзя, Гарик! — возмущенно проговорила Вика. — Значит, кто везет, того и погоняют. Неужели у тебя такая бедная фирма, чтобы человека задаром эксплуатировать?

— Зачем задаром, — смутился Гарик, — я ему частенько премию подбрасываю, оклад увеличил.

— Как же он весь год живет на базе? — задумчиво проговорила Марина. — Она ведь не отапливается.

— Построил себе домик с камином, из местного камня, в нем и живет. В качестве дров плавник использует. А то, что он в человеческом обществе не нуждается, так это его проблемы, не так ли?

— Семьи у него нет? — продолжала расспросы Вика.

— Если и есть, то мне о ней ничего не известно, — пожал плечами Гарик. — По документам дети у него не прослеживаются. В графе «семейное положение» пишет холост.

— Вроде еще не старик, — поддержала разговор и Марина, которая не могла долго злиться и тоже заинтересовалась этим странным отшельником.

— Ты имеешь в виду его седые виски, потому говоришь так осторожно — не старик? — усмехнулся Гарик. — Да если хочешь знать, ему всего тридцать шесть лет.

— Что ты говоришь! — ахнула Марина. — А я бы ему дала все сорок шесть.

— Значит, жизнь шандарахнула его как следует.

— Я думаю, в его жизни есть какая-то тайна, — предположила Виктория.

— Сестрички — романтики! — ухмыльнулся Гарик. — Сейчас вы придумаете ему роковую любовь, безумную страсть, дуэль или еще что-то в этом же роде.

— Зря ты и меня к романтикам причислил, — не согласилась Марина. — Я думаю, что разгадка здесь гораздо проще: он просто бывший зек, а что может с человеком сделать зона, не стоит и гадать.

Марина выпалила это и смутилась: Тимофей в ее душе все же оставил свой след. Она, наверное, теперь всех мужчин будет оценивать именно с этой позиции: был он судим или нет?

— Зек? — У Гарика округлились глаза. — Откуда ты это взяла?

— Велосипед мне изобретать не понадобилось, не волнуйся. У него татуировка на плече.

— Татуировка! — Георгий облегченно расхохотался. — Глупая женщина. Наколка наколке рознь. Та, что у него на плече, наколка десантников. Спецподразделение.

— Он служил в десантных войсках? А откуда ты знаешь?

— Документы смотрел. Я, между прочим, всегда это делаю, когда людей на работу принимаю, — отчего-то рассердился он. — Так вот, к твоему сведению, он майор запаса, а вовсе не какой-то там зек!

Вика с сочувствием поглядела на сестру: обжегшись на молоке, на воду дует!

А Марина мысленно огрызнулась: тебя бы на мое место. Поневоле начнешь перестраховываться. Понятное дело.

Не могут же все мужчины России непременно иметь уголовное прошлое... Да и при чем здесь Нестеренко? Он живет себе в этой курортной глуши и с Мариной будет видаться раз в сто лет. Будь он и судимым, ей-то какая разница!

Однако что же тогда в прошлом у Нестеренко? Чего это он сам себя добровольно заключил в монастырь? Персональный. На одного человека. Неужели он в женщинах не нуждается?

Марина подумала так и одернула себя. Отчего она решила, что у него нет женщины? Разве не может быть среди коренных жителей этого приморского поселка одиноких разведенков? Или вообще девушек, не выходивших замуж? Наверняка какая-нибудь из них ходит к нему в пресловутый домик с камином.

Марина мысленно посмеялась над собой: «А тебе-то какое дело! Посторонний человек. То ты готова чуть ли не прибить его, то размышляешь, с кем он спит!»

— Послушай, Гарик, — вдруг вспомнила она и даже испугалась: малознакомый мужчина волнует ее больше, чем собственный ребенок! — А где мой Юрка?

Тот переглянулся с Викой, и оба расхохотались.

— Надо же, как этот принципиальный спасатель заморочил голову моей сестре! — притворно возмутилась Вика.

Но Гарик понял, что Марина действительно волнуется, и успокаивающе похлопал ее по руке:

— Иван Витольдович сети проверять поехал, и твой сынок с ним напросился.

— Меня уже никто и не спрашивает! — возмутилась Марина.

— Ты же мне его доверила, — напомнил Гарик, — вот и отдыхай, раз я за парня отвечаю.

Глава 18

Гарик уверял ее, что Нестеренко сам приведет Юрку, но Марина все-таки решила пойти навстречу. Она понимала, что с ее сыном ничего не случится, но подспудно ее точила мысль: а что, если этот бывший десантник подумает, будто она еще и как мать никудышная?

А что она «еще»? Вот уж накрутила! Права Вика, задел ее этот спасатель. Она и не могла точно определить для себя, чем именно. То ли своей неестественной суровостью, то ли безразличием... С некоторых пор Марина стала привыкать к вниманию мужчин. Конечно, она могла быть не в его вкусе, но уж брезгливости-то в любом случае не должна была вызывать! Словом, правы те, кто утверждает, что сильнее всего задевает нас не интерес, а равнодушие к нам, таким особенным, таким неповторимым! «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей!» Лучшее классика не скажешь.

Она могла бы пойти по берегу в купальнике — все женщины ходили по пляжу именно так, но надела длинную ситцевую юбку, блузку-топ и свою элегантную шляпку из итальянской соломки. Все говорили, что этот наряд ей к лицу. Марине хотелось — уж себя-то чего обманывать! — чтобы в холодных серых глазах некоего директора базы хотя бы промелькнул огонек интереса к ней. Ведь она так недавно обрела свой новый облик, не сразу привыкла, что в нем она производит впечатление на сильный пол, а привыкнув, уже не хотела отвыкать...

Пусть у нее небольшие глаза и, наоборот, большой рот, но уж к фигуре претензий быть не должно. Марина видела, как ее жадно оглядывают даже совсем молоденькие ребята.

Может, Иван Витольдович — импотент? Не в обиду будь ему сказано — он ведь мог и пострадать на работе.

Мало ли где в армии может использоваться радиация!.. Или он получил какой-то очень сильный стресс. Не в этом ли и есть его тайна?

А с другой стороны, разве стал бы он так явно презирать женщин? Скорее, презрение свое старался замаскировать...

Еще кое в чем ее испортил Тимофей — она теперь мужчин оценивает прежде всего в части секса. Тайна? Значит, секс или отсутствие такового... Дура вы, Ковалева!

Вика вслед ей сказала:

— Ты собралась словно не за Юркой, а на сцене выступать.

Молчи, малявка! Сестру обидели... невниманием! Она и сама не одобряет поспешности, с какой отправилась изымать своего сына у человека, которого как женщина совсем не интересуется. Понятно, такой человек не должен находиться рядом с ее ребенком!

Лодки Нестеренко поблизости не было, и Марина поняла, что поторопилась.

Она присела за столик летнего кафе с бутылкой холодной пепси, но пить ей не хотелось. Она сделала всего пару глотков и теперь просто бездумно глядела на ровную гладь моря.

Трудно сказать, сколько времени прошло: пять минут или пятнадцать, но когда Марина в очередной раз взглянула в сторону, откуда должны были вернуться рыбаки, она и увидела появившуюся из-за выступа скалы лодку. Юрка сидел на корме и даже не смотрел на берег, увлеченный разглядыванием того, что, видимо, лежало на дне лодки.

Рыбаки причалили, и ее сын выпрыгнул на берег, сияющий от счастья. Он размахивал небольшой сеткой с ка-

ким-то серым комком. Причем нисколько не удивился появлению матери, а тыкал в нее сеткой и частил:..

— Посмотри, мама, это мне дядя Иван подарил! Это морская звезда! Настоящая!

Но, не прочитав в ее глазах ответного восторга, даже насутился от досады.

— Как ты не понимаешь!

И тут же вспомнил о человеке, который мог разделить с ним радость.

— Я покажу дяде Гарику. Ему понравится. Мама, можно, я не буду тебя ждать?

— Можно, — кивнула она и с улыбкой смотрела, как он бежит к их лежаку, разбрасывая в разные стороны ноги: точь-в-точь как Маринин папа, то есть Юркин дедушка.

Кроме директора базы отдыха «Горизонт», в лодке был еще какой-то мужчина. Он выбросил на берег сетку с рыбой и вылез следом.

— Подумай, Иван, может, ты возьмешь себе хоть что-нибудь?

— Мне ничего не надо, — махнул рукой тот.

— Смотри, чтоб потом обид не было.

Мужчина хохотнул и пошел прочь, почти такой же довольный, как Юрка. Иван Витольдович вытолкнул лодку подальше на берег и, разогнувшись, увидел Марину.

— Я хочу поблагодарить вас за сына.

— Пустяки! — Он невольно скользнул взглядом по все еще запотевшей бутылке пепси-колы, которую Марина держала в руке.

— Хотите? — Она перехватила его взгляд. — Правда, я уже отпила.

— С удовольствием!

Он нетерпеливо принял у нее из рук бутылку и тут же залпом выпил.

— Фу! Думал, умру от жажды, но на моем пути возникла добрая самаритянка.

Что такое? Бывший десантник проявляет кое-какие энциклопедические знания. Она уж было подумала, что, как в анекдоте, его единственная извилина — всего лишь вмятина от козырька.

Ладно, об этом потом. Марина поколебалась, но все же произнесла:

— Я должна извиниться перед вами за то, что нарушила ваши правила поведения на море. Но учтите, я вовсе не раскаиваюсь. И поплыла за буйки вовсе не для того, чтобы досадить вам, а потому что люблю плавать далеко и терпеть не могу постоянно ограничивать себя какими-то рамками. Мне хватило долгого сидения в четырех стенах...

Вот это она уже сказала зря. Извинилась как сумела, и иди себе! А так ее монолог прозвучал чересчур патетически, а в его глазах опять мелькнула некоторая растерянность. Хотя какая-то эмоция. А то словно с манекеном разговариваешь.

— Я всего лишь выполнил свой долг. И правила поведения на воде вовсе не мной придуманы, но пока я слежу за порядком на вверенном мне участке...

Господи, у нее даже зубы заболели от его официоза!

— Понятно. Значит, пока я здесь, поплавать вволю мне не удастся?

Он лишь пожал плечами.

— Хорошо, постараюсь впредь не нарушать! — Она тоже будто отрапортовала и повернулась, чтобы уйти.

— Минуточку! Погодите, э... Марина Алексеевна!

Она остановилась.

— Могу я пригласить вас в кафе? На мороженое.

Она ждала от него чего угодно, но такого! Чего это вдруг он снизошел? Марина с трудом удержалась от ехидного замечания, прямо рвалось с языка что-нибудь вроде: наши отношения и так не слишком теплые. Но подумала, еще воспримет эти слова как намек на то, что ее следует пригласить на что-нибудь горячительное.

Марина не нашла ничего лучше, как уточнить:

— Вы приглашаете меня в кафе?

— Должен же я как-то компенсировать выпитую воду.

Да, речь у него еще та. Сплошной газетно-чиновный слог. Это тебе не Тимофей с его стихами. Так и хочется вытянуться по струнке и сказать: «Есть!»

Ладно, сделаем скидку на то, что он явно смущен. Со всем одичал в своем добровольном уединении. Прежде десантников она представляла себе такими бравыми ребятами, которые не теряются ни в каких ситуациях. Равно как и в отношениях с женщинами. Они их берут штурмом, так же как объекты, взять которые их посылает командование.

Это он прочел на ее лице. Или угадал, что она должна была подумать именно так. Пожаловался:

— С привлекательной женщиной разговаривать — это тебе не с парашютом прыгать.

Проверяет, сказал ли ей Гарик, кто он. Марина не стала притворяться, будто удивлена его сравнением.

— Считаете, разговаривать труднее? — посмеялась она, прощая ему свой арест и угрозу штрафа за одно это словечко — «привлекательная». Не скоро, видно, надоест Марине выслушивать комплименты от мужчин, слишком долго она их не слышала.

— А то! — по-одесски бросил он. — Подождите меня, пожалуйста, пять минут, я только сбегая брюки надену.

Только теперь она обратила внимание на лестницу, к которой направлялся директор-спасатель, — она вела в небольшую стеклянную башенку.

«Э, да у него тут свой хрустальный замок, а мне говорили про какой-то там убогий домик! — насмешливо подумала она. — И из этого замка он следит за действиями врагов, которые покушаются на его владения».

Иван Витольдович появился перед ней в джинсах и голубой футболке, которая эффектно смотрелась на загорелой коже. Кажется, это становится традицией: со всяким мужчиной, с которым судьба столкнет ее нечаянно — и непременно на море! — идти в кафе. Летние романы Марины Ковалевой. Или морские романы? Когда-нибудь она напишет мемуары.

— И вы спокойно оставите свое хозяйство? — не могла не подколоть она.

Он бросил на нее насмешливый взгляд:

— Вы подумали, что я на пляже один? У нас дежурят по одному спасателю с каждой базы отдыха. Кстати, моя идея. Получается, я как бы старший смены. Остальным тоже удобно — не каждый день на море торчать. У нас две лодки, и одну мы обычно используем в личных корыстных целях...

— Для ловли рыбы! — подхватила Марина.

— Или катаем знакомых женщин.

— Ну наконец-то вы заговорили как нормальный мужчина.

— Не пойму, это комплимент или обвинение в том, что прежде я производил на вас впечатление ненормального?

— Я не хотела вас обидеть. Просто вы слишком отстранены. Безучастны. Как космический пришелец.

— В смысле — инопланетянин?

— Как человек со стороны, который в нашей жизни так и не прижился, потому ему совершенно все равно, что здесь происходит.

— Здесь — значит на Земле?

— Именно.

— Хорошего же вы обо мне мнения!

— Мой папа говорит: что потопаетшь, то и полопаетшь! Разве вы не делали все для того, чтобы произвести именно такое впечатление?.. Вот, вы уже и надулись! Я могу быть не права, так что заранее прошу прощения.

— Ничего, я не обиделся. По крайней мере вы сказали то, что думали. И применительно к человеку, который живет скорее по привычке...

— Ну у вас и заявочки! Разве можно жить по привычке?

— Но я же живу.

— Не знаю, что и сказать... А женщин вы в кафе часто приглашаете?

— До сегодняшнего дня — ни разу.

— Понятно. Я, значит, первая удостоилась. Это оттого, что вы видите во мне не женщину, а всего лишь главного бухгалтера?

Он смешался, не зная, что сказать.

— Не волнуйтесь, я буду учитывать, что Георгий Васильевич вам симпатизирует, что начальство вы уважаете, так что, когда вы приедете с отчетом, я не стану слишком к вам придираться.

— Ох вы и язва! — покачал он головой.

— У каждого свои недостатки.

— Недостатки? Среди женщин очень мало по-настоящему откровенных людей, так что вашу прямооту я воспринимаю как достоинство.

Нестеренко усадил ее за свободный столик, а сам пошел к барной стойке.

Ишь ты, похвалил, точно медалью наградил. Скупое, но торжественно. Среди женщин мало откровенных людей. Что б ты понимал! Ну почему она все время чувствует какое-то глухое раздражение от его высокопарных сентенций? Может, потому, что и сейчас он живет по уставу, им самим выработанному? В котором все четко обозначено: кто плох, кто хорош и как должна вести себя порядочная женщина...

Ага, вот и он возвращается. В сопровождении официантки, несущей заставленный всевозможными лакомствами поднос. Прямо-таки праздник Сладкоежки!

Официантка, выставив на столик пирожное, мороженое, сок и фрукты, незаметно оглядела Марину. Но видимо, ничего эдакого в ней не нашла и устремила вопросительный взгляд на мужчину:

— Чего-нибудь еще, Иван Витольдович?

— Спасибо, Валюша, пока хватит. Если чего понадобится, я тебя кликну.

Официантка, вроде невзначай, немного помедлила и удалилась, покачивая бедрами.

«Тайная воздыхательница, — решила Марина. — А может, и не тайная. Может, весь поселок знает, что она бегает по ночам к одинокому директору базы. Небось подумала, что такие, как я, приезжают и уезжают, а она все равно останется...»

— Так на чем мы с вами остановились? — прервал ее размышления Иван, усаживаясь за столик напротив нее.

— На том, что я — женщина особенная, не такая, как остальные мои товарки. Те тщательно маскируют свое подлое нутро, кокетничают, притворяются добрень-

кими, понимающими, сострадающими... А я сразу сняла маску и предстала перед вами во всем своем нравственном безобразии...

— Я вовсе не это хотел сказать, а тем более в мыслях не держал вас обидеть. — Нестеренко развел руками с видом полного раскаяния. — Наверное, вы правы, я совсем здесь одичал. Забыл, как нужно ухаживать за женщинами...

— Нет, я вам ничего о вашей дикости не говорила, — запротестовала Марина.

— Но вы обо мне так подумали... Может, поговорим о другом?

— Давайте. Например, о том, как выгодно вовремя оказать кому-нибудь нужную услугу. Подумать только, за бутылку пепси я имею такой шикарный стол!

— Почему вы все время задираетесь? Или вы, как и я, недавно вышли из войны, потому все еще настроены воинственно? Со мной можете расслабиться. Я никогда не нападаю на женщин...

— Без объявления войны, — подсказала Марина.

— Однако вы и сами агрессор, Марина Алексеевна.

— Что есть, то есть, — согласилась она.

И уже не удивилась этому. Прошла пора удивляться, пришла пора привыкать к своему новому облику. Но каково, а, Марина — агрессор! Пожалуй, для нее это комплимент. Вот, значит, почему люди говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Может, некоторые мужчины инстинктивно побаиваются этой ее новой воинственности? Примем к сведению — нам не хватает мягкости и женственности...

— То есть, вы хотите сказать, в нас есть что-то общее.

— Как говорит молодняк, стопудово!

— Однако вы себе неплохой имидж выбрали.

— Не понял, — опять подобрался он. Неужели и вправду ждет от нее только агрессии?

— Умеете интриговать нас, бедных. Раньше, говорят, наши прабабушки клевали на интересную бледность, меланхолию, разочарованность. А нам, нынешним, подавай мужественную профессию, накачанные мышцы, наколку и скупые, отточенные фразы...

Иван Витольдович смотрел на нее и молчал. Марина почувствовала себя не в своей тарелке. Это называется — живое общение? Замучаешься вытягивать из него по одному слову! Он, наверное, думает, что Марина опытна в общении с мужчинами. Потому и настороженный такой. А она сама только начала крылья расправлять.

Может, неверный тон в разговоре с ним взяла? Женщины с Иваном Витольдовичем так прежде не разговаривали? Если на то пошло, редко какая женщина станет нахально грубить мужчине, который ей небезразличен... Стоп, а это в самом деле так? Он ее уже не раздражает?

И вообще, откуда в Марине возник этот охотничий азарт? Отчего она вдруг решила, что лучшее средство для того, чтобы ему понравиться, — вывести его из себя, разозлить? Впрочем, для этого ей и не понадобилось особенно напрягаться, — злить господина Нестеренко ей хотелось. Как и ему самому злиться — как с горы катиться!

Прежняя Марина никогда бы не стала так жестко кокетничать. Она бы просто прошла мимо него, объяснив себе, что такой непробиваемый мастодонт ей не по зубам. Вот именно, она бы не стала и пытаться.

А новая Марина... О, ей палец в рот не клади. На вопрос самой себе, смогла бы она его завоевать, она сама себе и ответила: «Почему бы и не попытаться?»

Скорее всего на нем пробовали свои зубы довольно многие представительницы слабого пола. Иначе и быть не могло. Эдаких бравых офицеров у нас с огнем поискать. Пусть и в отставке. А если учесть, как обычно мужикам идет военная форма... О, это еще с давних пор идет: «И стояли барышни у обочин, им солдаты нравились очень-очень...» Солдаты, офицеры, не столь важно. Братцы-военные...

Ладно, позлословила, яд свой повыпускала, и хватит. Подойди к десантнику с другой стороны. В смысле словесного подхода.

— Иван Витольдович, вы помните свой первый прыжок с парашютом?

Так, на лице удивление пополам с недоумением. Главное получилось: заинтриговала.

— Помню, — медленно проговорил он.

До чего он все-таки настороженный! Как объяснить ему, что Марина не собирается покушаться на его свободу. И кусать не собирается. Пока. Это так, легкая разведка. Но он все тянул с ответом, словно искал подвох, так что она в конце концов решила пояснить:

— Я как-то по телевизору интервью с десантниками смотрела. И с той поры все хотела со знающим человеком поговорить. Они в той передаче все как один восхищались небом, ощущением полета, и никто не сказал, как это страшно.

— Страшно? — переспросил он.

— Я думаю, да, пока не привыкнешь. Я совершенно отчетливо представляю себе человека, который прежде поднимался разве что по лестнице своей девятиэтажки и вдруг оказался на недоступной прежде высоте. Мало того, на земле он мог надеяться на свои руки, ноги, голову, а здесь —

только на какую-то там штучку за спиной, с которой ему надо прыгнуть в бездну и которая вовсе не так надежна, как о ней говорят. Или нормальный инстинкт самосохранения на высоте не работает? Признайтесь, в самый первый раз вам страшно не было?

— Было, — нехотя согласился он. Но тут же его лицо озарила улыбка. — Да мне и во все последующие разы было страшно, чего уж греха таить!

Вот наш десантник и приоткрылся. Это хорошо, что он не боится выглядеть слабым в ее глазах. Значит, доверяет. Точнее, верит, что она не ухватится за это его признание и не станет высмеивать.

Уж не пойти ли Марине в психологи? Будет изучать такие вот замкнувшиеся в себе личности. Выводить их из пограничного состояния. Так, кажется, это называется. Вот ведь улыбнулся, и сразу стало ясно, что прежде он мог и любил улыбаться. И шутки понимает. Так что извилин у него, может, даже больше, чем она поначалу думала: две или три...

— Вы ни к чему не притрагиваетесь, — попенял он Марине, как бы отодвигая разговор от их стола. — Не съели, не выпили. Попробуйте, это очень хорошее полусладкое вино...

— А вы не предложили тост, — отшутилась она. — Я — человек консервативный. Пью только по поводу.

— За встречу!

— Понятно, тост должен быть коротким, как выстрел. Если позволите, в качестве «алаверды»: давайте выпьем за тепло, которое должны дарить друг другу люди. Ведь без него нам будет так холодно во Вселенной...

Сказала и представила себе обнаженного человека, который сидит где-нибудь на пустынной горе, открытый всем

ветрам, обхватив самого себя за плечи, и дрожит от холода. И никого нет рядом, чтоб хотя бы обнять...

— А насчет встречи... Вдруг вы пожалеете, что вообще со мной встретились? Тогда получается, что пить за встречу преждевременно.

— Странная вы женщина, Марина Алексеевна, — покачал он головой. — Как же вы собираетесь дарить людям свое тепло, если сразу начинаете сомневаться в их добрых намерениях?

— Вообще-то я не в ваших намерениях усомнилась, а в том, что мое общество будет для вас приятно.

— Кокетничаете? Ладно, хорошенькую женщину это вовсе не портит. За тепло так за тепло!

Они чокнулись. Иваң Витольдович коротко глянул на нее. Такое впечатление, что Марина все время сбивает его с толку. Никак не идет на стандартный контакт. В его рядах смятение. Словно Марине организовали торжественную встречу у парадного подъезда, а она вошла через заднее крыльцо. И теперь встречающие не знают, что делать.

Она тоже змея еще та. Нет чтобы посмотреть на своего кавалера томно, призывно. Ресницами помахать, глазками влажными от чувств поблестеть... А вместо этого Марина нахально подмигнула ему:

— Давай на ты.

— Давай.

Как-то он медленно на все реагирует. Неужели действительно одичал на базе «Горизонт» в период межсезонья? Или, наоборот, привык к более простым, предсказуемым отношениям? Конечно, он не может знать, что и Марина только растет, только обрастает тонкой шкуркой, только отращивает острые зубки...

А что, если она все напридумывала, как часто с ней в последнее время случается? Вдруг за его скупыми фразами прячется скудость мысли и ему просто сказать нечего?

Она ненадолго окунулась в свои мысли, а откуда-то из недр души выплыли строчки:

Высокое рождается не вдруг,
высокое рождается из боли...

Марина замерла и уставилась в глубь себя: откуда это? Вспомнился один из стихов Тимофея, или она сама заболела стихотворчеством? Но такого не может быть! Не может бухгалтер сочинять стихи! Да еще не в юном возрасте, а когда ему — точнее, ей — под тридцать!

— У вас ничего не случилось? — поинтересовался Нестеренко, оказывается, внимательно за ней наблюдавший.

— Ничего! — довольно резко отозвалась она: не признаваться же в том, что только что сухой прагматик пытался взобраться на брыкающегося Пегаса.

Но в конце концов, она же не для этого сюда пришла. Ее пригласил мужчина, не без приятности. Такое впечатление, что он недавно перенес затяжную амнезию и с трудом вспоминает свои прежние манеры и привычки.

— Почисть мне апельсин.

Он тщетно потыкал в большой рыжий шар тупым столовым ножом, а потом вынул из заднего кармана брюк складной нож, больше похожий на тесак, и ловко очистил фрукт.

— Прошу.

— Нож у вас прямо-таки бандитский.

Видали эксперта по бандитам!

— Так он бандитский и есть.

— Не поняла.

— Я его отнял у бандита. Кинулся на меня вот с этим самым оружием. Мозгов-то маловато, он и считал, что нож — это универсальная отмычка жизни. Пришлось маленько поучить.

Иван Витольдович, конечно, рисовался перед ней, но самую малость, перья не шибко распускал.

— И вы не боялись, что он мстить будет?

— Он бы и мстил, да несподручно. Мальчишка на Сахалин уезжал, а оттуда не наездишься. Тем более для мести. Пообещал: «Мы еще встретимся!» А что, земля круглая, все может быть... Кстати, мы ведь договаривались говорить друг другу «ты». Придется пить на брудершафт... Валюша, — он окликнул проходившую мимо официантку, — принеси, пожалуйста, коньячку.

В глазах женщины мелькнуло удивление. Может, он говорил ей, что не пьет? Или он сидел за столом с этой самой Валюшей и пил только минеральную воду? Нет, знает его Валюша, знает гораздо ближе, чем просто официантка своего клиента.

— Похоже, в этих краях у вас репутация непьющего человека.

— В этих краях у меня репутация отшельника. Пью я или не пью, наверняка никто не знает.

— Даже Валюша? — вырвалось у Марины.

Он как-то неопределенно пожал плечами, и Марина поняла, что говорить этого не стоило. Как по-дурачки получилось! Если не сказать, по-бабьи. Та самая реакция, которую она вовсе не хотела ему демонстрировать. Ей это абсолютно все равно, вот что он должен видеть!

— Валюша многое знает, — наверное, он решил: каков вопрос, таков ответ, — но при ней я коньяк до сих пор не пил.

Вот так-то! Не будешь лезть с глупыми вопросами.

Официантка принесла коньяк, а кавалер Марины подвинул свой стул к ней поближе. В ответ на ее удивление он пояснил:

— А целоваться? При брудершафте положено. Или вы боитесь?

— Бояться поцелуя? — хмыкнула она, как многоопытная обольстительница. — Но у вас во рту, надеюсь, не клыки вампира?

— Ну вы и скажете! — покачал он головой. — Никакой серьезности. Я главбухов представлял себе другими...

— Я тоже, — согласилась она.

Они оба незаметно перешли на флиртующий тон. Превращаясь в Марины попыталась пискнуть, что они еще так мало знакомы, чтобы позволять себе подобные шуточки, но Марина только отмахнулась: надоело.

И он, и она собирались с силами, будто предстоял им не поцелуй, а тот же первый прыжок с парашютом.

И как выяснилось, не напрасно. Едва их губы соприкоснулись, между ними проскочила искра такой силы, что оба вздрогнули.

— Какая ты... электроопасная! — ошеломленно пробормотал Иван.

— Я бы то же самое сказала о тебе!

Они невольно отодвинулись. Марина про себя усмехнулась: захотела поиграть с огнем? Смотри сама не сгори. Тоже мне, соблазнительница!

— Вообще-то на брудершафт три раза целуются. — Он взглянул на нее в упор.

— Три, — согласилась Марина. — Но лучше остановимся, пока не поздно.

- Боишься высоты?

— Боюсь глубины.

Они, опять выпили, словно хотели загасить вспыхнувшую между ними искру.

— Почему ты позвал меня в кафе? — спросила Марина.

— Решил наладить контакт с начальством.

Марину как обухом по голове ударило. Вот это он брякнул! Она испытала прямо-таки жгучее разочарование. Место возгорания моментально заполнила холодная пена. Значит, brave десантник испугался того, что его потянуло к женщине, и решил сделать вид, будто ничего не произошло? Будто он всего лишь, по выражению Гарика, прогнулсь перед главным бухгалтером?

Марина даже на мгновение растерялась, а потом разгневалась. Таким праведным женским гневом. И решила: «Ну, погоди!»

— Считаю, что наладил, — холодно-равнодушно кивнула она. — Поздравляю. Отчеты теперь ты будешь сдавать на ура. И смету на ремонт базы я тебе подпишу... А сейчас, извини, мне нужно идти.

— Куда ты торопишься?

Он казался растерянным.

— На обед. Я обещала своим, что задержусь не надолго. Ровно на столько, чтобы подчиненный успел наладить с главбухом дружеские отношения. Теперь все в порядке, не так ли?

— Мы могли бы пообедать вместе.

— Обычно я не уделяю столько времени сотрудникам фирмы. И, кроме работы, принимаю их в исключительных случаях. Так что, будут вопросы, пожалуйста, ко мне в кабинет с девяти утра до шести часов вечера. До свидания. Можешь меня не провожать.

Он смотрел на Марину обиженными глазами, но она не собиралась его жалеть. Он ведь не просто пошутил на-

счет контакта с начальством. Он как бы границу очертил: мол, в кафе я могу пригласить, а дальше — не могу. Чтобы и не думала на него виды иметь!

Чего он испугался? Того, что их отношения могут далеко зайти? Получается, он уверен: Мариной серьезно не увлечется. Значит, он думает, что в него влюбится она. Это же надо — быть таким самонадеянным!

У Марины пока нет любимого человека. Но если она влюбится, то не в такого примитива и труса! Отношения с начальством он налаживает! Радуйся, наладил. Вот только на стол потратился, а начальство почти ничего и не съело. Но ничего, вечерочком с Валюшей доедите. И коньячком запьете, а то она, бедная, ни разу не видела директора базы пьющим коньяк...

Глава 19

— Мы уже хотели идти обедать без тебя! — возмущением встретила ее Вика. — Ушла и пропала! Хоть бы предупредила. Юра сказал: мама разговаривает с дядей Иваном. Ну и о чем же вы разговаривали?

— О том, страшно или нет прыгать с парашютом.

— Что? — не поняла Вика.

— Обедать так обедать. Или ты не это мне предлагала? А где наши мужчины: взрослый и маленький?

— Пошли столик занимать. Сейчас отдыхающие набегут, не протолкнешься.

— Ну так идем. Ты уже полчаса сидишь и ругаешься. И что только Гарик в тебе нашел?

— Что ты имеешь в виду? А что он искал?

— Это так говорят: нашел. Значит, влюбился.

— Влюбился, как же! По-моему, он до сих пор смотрит на меня как на ребенка. Даже предложение сделал, точно «козу» показывал: малышка, сю-сю, не хочешь ли выйти замуж за старенького дядю, сю-сю!

— Что, в самом деле он считает себя намного старше?

— В том-то и дело. Мне уже двадцать три года. Каких-нибудь сто лет назад я бы считалась старой девой.

— Это все ерунда. Он сделал тебе предложение, правильно я поняла? А ты?

— Согласилась.

— Я спрашивала, любишь ли ты его?

— Не знаю. Как-то у нас все странно происходит. Понимаешь, он так себя ведет, словно я хрустальная.

— А ты ему скажи: «Мой дорогой, я не хрустальная. Притронься, я вполне нормальная!»

Вика с подозрением взглянула на сестру:

— Чего это ты стала стихами говорить? По Тимофею заскучала?

— Ты же знаешь, что нет. Поверишь, сегодня ни с того ни с сего выплыли в мозгу строчки: «Высокое рождается не вдруг, высокое рождается из боли...» Теперь хожу, а эти строчки в голове толкаются, точно новорожденный на свет просится...

— Если бы ты взглянула на себя со стороны, — сказала Вика, — ты бы подивилась перемене, которая в тебе произошла. Тебя словно подменили. Говоришь по-другому, думаешь по-другому, — неужели так бывает?

— Я думаю, бывает редко, — проговорила Марина. — Но мне повезло.

— Повезло?

— А ты уверена, что та, прежняя, была настоящей Мариной?

— Конечно, я всегда в этом сомневалась. Еще, помню, маме говорила: в кого она такая мямля уродилась?

— Издеваешься?

— Что ты, я серьезно. Но нынешняя ты мне больше нравишься... Кажется, и мужчинам тоже. Гарик, по-моему, просто тобой гордится. И знаешь, мне это приятно.

Когда они пришли в кафе, Гарик с Юркой сидели за столиком и тянули из бокалов апельсиновый сок. Георгий считал, что европейцы не дураки, и если они отдают предпочтение этому натуральному продукту, значит, он полезен.

— Где задержались, Марина Алексеевна? — полушутя поинтересовался он.

— Представляешь, сидела в кафе с твоим директором базы, — с места в карьер выпалила Вика.

— Виктория! — возмутилась Марина. — Я сказала это только тебе.

— А Гарик нам не чужой.

— Спасибо, малышка! — Георгий поднес к губам пальцы Вики. — Только я не понял, почему это должно быть тайной? Можно подумать, что это какое-то извращение — сидеть с мужчиной в кафе... А, понял, ты хочешь сказать, что уже сыта? Тогда надо уменьшить заказ. Заметила, малышка, твой будущий муж собирается быть ужасно экономным.

— Хорошо, экономь, — согласилась Вика, — но не забывай, что Марина как-никак моя сестра. По-моему, ей уже хватит худеть.

— Ничего, килограммчик-другой еще можно сбросить.

— И не мечтайте, — прервала Марина их шуточные прогнозы. — Вам не удастся на мне сэкономить. Одно пирожное я только и смогла проглотить.

— Иван в рот заглядывал? Или всего одно пирожное купил?

— Купил вполне достаточно и для троих, только у меня что-то аппетита не было, — пробурчала Марина и обратилась к сыну: — Морскую звезду куда дели?

— Положили сушить, — ответил довольный Юрка.

— А не сопрут?

— Нет. Дядя Гарик в такое место спрятал — никто не найдет. На крыше нашего домика.

— Тебе здесь нравится, сын? — спросила Марина.

— Нравится! — Лицо мальчишки оживилось еще больше. — Никто не пристает: пора спать, пора спать! Купайся сколько хочешь... А на следующие выходные мы сюда приедем?

— Рано пока говорить об этом. Ты же знаешь, я не люблю загадывать надолго.

— Жаль, — вздохнул сын, — я бы даже хотел здесь жить.

— Тогда поговори с дядей Гариком. Может, он возьмет тебя на работу спасателем?

— Возьму, Юрок, ты только подрасти немного.

— Мама, ты всегда надо мной смеешься, — обиженно надулся мальчик. — Учительница говорила, что постоянные насмешки могут способствовать деформации личности.

Вика отвернулась, закусив губу, чтобы не расхохотаться.

— Извини, сынок, — покаялась Марина, — иной раз я забываю, что у тебя еще неокрепшая психика. Взрослые ведь частенько друг над другом посмеиваются. Возьми, к примеру, родную тетушку. Ее хлебом не корми, дай только над твоей матерью посмеяться. Вот, можешь убедиться!

Она ткнула пальцем в сестру, и та просто покатилась со смеху. Гарик с удовольствием вторил ей. Юрка улыбнулся:

— А я думал, взрослые смеются только над детьми. — И, видимо, вспомнив слова бабушки в ответ на его такой же беспричинный хохот, сказал: — Смех без причины — признак дурачины.

— Юра, — всполошилась Марина, — ты забываешься!

— Ладно, — махнула рукой Вика, — видимо, панибратство что у взрослых, что у детей приводит к одним и тем же результатам. Стоит ли винить детей, если они наше зеркало?

— Ты мудреешь прямо на глазах, — подивилась Марина.

— С кем поведешься...

— Я мудрею, ты мудреешь, он мудреет. Хорошо бы это было прямо пропорционально счастью.

— Я сказала, что ты мне теперешняя нравишься, — заметила Вика, — но все же, думаю, философия — это не твое призвание.

— Понятно, я становлюсь занудой, — вздохнула Марина.

В ответ на это Гарик ее успокоил:

— Не расстраивайся, мы с Витуськой все равно тебя не бросим.

А та согласилась:

— Если у сестры крышу сносит, что же, отказываться от нее из-за этого?

— Злые вы, уйду я от вас, — сказала Марина.

Они доели обед и вышли из кафе.

— Какая у нас программа? — поинтересовалась Марина.

— Я бы слегка полежал на спине, — сказал Гарик и широко зевнул.

— Я тоже, — поддержала его Вика. — В такую жару на пляже нечего делать.

— Это что же получается? — возмутился Юрка. — Опять тихий час?!

— Если ты согласишься сидеть на веранде и собирать пазл, — предложила Марина; — никто не станет загонять тебя в постель.

Надо сказать, выбор у мальчишки не был слишком большим.

А взрослые воспользовались моментом и хорошо выспались, после чего остаток дня прошел под девизом: «Все для Ковалева-младшего!» С оговоркой, что в половине десятого он без возражений отправится спать.

Последнее обстоятельство для наследного принца слегка омрачило первое, зато впервые взрослые принимали участие во всех развлечениях, какие только желал Юрка.

Полетали даже на вертолете, который запустили в дело предприимчивые авиаторы. Старенький вертолет превратили в аттракцион, к которому все время стояла очередь, несмотря на довольно дорогие билеты.

— А все говорят, что у нас зарплаты маленькие, — бурчала удивленная Марина.

Потом поужинали плотно, а в десять вечера все же решили устроить еще дополнительный взрослый банкет и опять накупили продуктов. Гарик из винного отдела вернулся с кучей бутылок.

— Куда столько? — спросила Вика.

— Оттянемся по полной программе, — не смутился тот, но подумал и пояснил: — Будем считать, что у нас с тобой сегодня помолвка, ладушки? Может, ты думаешь, что я злоупотребляю спиртным? Ошибаешься, малыш, разве что на отдыхе, да когда рядом любимая женщина.

— И часто у тебя так бывает?

— Впервые, — неожиданно серьезно ответил он.

— Пить будете, — понимающе протянул Юрка.

— А ты завидуешь? — вопросом на вопрос ответила Вика.

— Очень нужно! Пробовал я вашу водку. Такая гадость!

— Когда это ты пробовал? — испугалась Марина.

— На Новый год. Вы тогда все спали, а я пописать вышел. Не бойся, я ее выплюнул. Мне не понравилось.

Марина облегченно вздохнула.

В десять часов Юрка уже спал, не столько по причине договоренности, сколько от обилия впечатлений, так что Вика, Гарик и Марина спокойно сидели на веранде домика вокруг легкого плетеного стола. Свет от высокого фонаря с галогеновой лампой падал прямо на стол, и его оранжевое свечение, проникающее сквозь ветки чуть колышущихся деревьев, напоминало пламя огромной свечи и оттого создавало некий интимный настрой.

Вика захотела пить джин с тоником, Марина — традиционное шампанское, Гарик — водку «Улугбек».

— Клуб по интересам, — хмыкнул он.

Только успели разлить — каждому свое — по стаканам, как из кустов перед домиком раздался знакомый голос:

— А четвертым возьмете?

— Заходите к нам на огонек, — пропел Гарик и добавил: — Как не взять такого орла?

Вика взглянула на подчеркнуто равнодушное лицо сестры и шепнула ей на ухо:

— По твою душу?

Но Марина лишь пожала плечами.

Под ногами пришедшего чуть скрипнули деревянные ступени, которые скрипели и хрустели даже под Юркой, в

то время как в Нестеренко было не меньше восьмидесяти килограммов, а двигался он легко и бесшумно.

— Ты к нам направлялся или так, мимо проходил? — опять проговорил Гарик; он считал, что гостеприимность проявят женщины, но они молчали, словно сговорившись.

— Я шел к вам, подозревая, что в кино и на танцы вы не пойдете.

— Почему это? — сварливо поинтересовалась Марина.

— А что бы я тогда стал делать с этим? — Он показал ей объемистый пакет. — Вы, конечно, женщина строгая, но, думаю, не безжалостная?

— Вы принесли мне финансовые документы? — продолжала прикалываться Марина.

Он вздохнул и оглядел всех.

— Придется открывать секрет. Сегодня днем при попытке вручить взятку главному бухгалтеру был принамерно наказан с последним предупреждением. Потому пришел бить тебе челом, боярин, — защити! Не погуби мою молодую жизнь, поведай боярыне о чистоте моих намерений!

— А ты рассказывал, что директор базы — человек немногословный, — заметила Гарику Вика. — А он, видал, как говорит, будто реченька журчит. Куда там Цицерону!

— Садись, Иван Витольдович, ежели ты человек рискованный, почувствуй, в какой атмосфере я существую. Ты вон только голову приподнял, а тебя уже по уху — шварк! Знакомся, — это Виктория, сестра Марины. И как урожденная Меньшова зубаста и кусаста.

Марина, не выдержав, улыбнулась:

— Ну и словечко ты вымолвил — кусаста! Нет такого в русском языке.

— В языке нет, а в жизни есть. Я тут один против двоих таких держусь из последних сил.

— Совсем заели тебя! — сочувственно поддакнула Вика.

— Что поделаешь, я человек военный, мне во всяких трудных ситуациях выживать приходилось. — Нестеренко стал выкладывать на стол фрукты, пирожные, конфеты.

— Валюша завернула? — ехидно поинтересовалась Марина.

— Она, — спокойно кивнул гость. — Говорит, чего добру пропадать?

— У нас не пропадет, — заверил Гарик.

Они с Викой почувствовали некоторое напряжение между Мариной и Нестеренко и теперь старались разрядить обстановку. Вика для верности пнула под столом сестру: мол, кончай выступать, не порти компанию.

Марина старалась не думать о том, что приход директора базы вызван интересом к ее собственной персоне. Потому она мысленно ехидничала, придумывая за него причины. Решил развлечься мимоходом? Осознал, что был излишне суров с человеком, с которым теперь довольно часто придется сталкиваться по работе?

Приехала она всего на два дня. Уедет и забудет о бывшем военном и какой-то там его тайне.

С другой стороны, может, ему просто стало скучно одному, а тут свежие люди. Или с Гариком хочет поговорить между делом... Да, здорово он ее зацепил! Не может простить ему дурацкой шутки. Вот если бы Нестеренко сказал, что она ему понравилась. Именно такого признания Марина ждала? Похоже, она решила самоутвердиться изо всех сил. И любыми средствами, вплоть до девиза: кто не с нами, тот против нас!

А Иван между тем не скрываясь поставил стул между ней и Викой и шепнул на ухо Марине:

— Простите, Марина Алексеевна, сам не знаю, что на меня нашло. Испугался, должно быть.

Ага, значит, осознал? Тогда маску неприступности, пожалуйста, можно и снять.

— Меня испугался? — все же спросила Марина.

— Конечно же, нет. Наверное, самой жизни, которая вдруг ворвалась в мой замкнутый мир... — Он оглядел их стол. — Что вы пьете?

Словом, стал вливаться в их компанию без особых предисловий.

— Некоторые, наиболее продвинутые, члены нашей компании пьют джин с тоником. Американцы стали возить нам этот напиток, который сами не пьют. Прости, малыш. — Он поцеловал пальцы Вике. — Мне, как простому русскому мужику, не греет душу этот их джин с водой.

— С тоником, — поправила Вика.

— Один черт, как называется, но разбавляют так, что только запах и остается.

— Это запах тоника, а не джина, — рассмеялась Вика.

— Все равно не наш запах! — упирался Гарик. — По-моему, не жили хорошо, и привыкать нечего. Маришка, понятное дело, шампанское пьет. Традиционный женский напиток. Был. Теперь, выходит, к нему прибавился джин? В общем, так: Витольдыч «Лезгинку» принес, и мы с ним уж по старинке отравимся русским, то бишь дагестанским коньячком.

— А гестаповец Мюллер из «Семнадцати мгновений весны» утверждал, что в нем полно дубильных веществ, — поддела его Вика.

— Ничего, нам не грех и задубеть. А то мужик нынче больно хрупкий пошел. Как там по этому поводу военные шутят?

— Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона, — охотно проинформировал их Иван. — В этом пакете десерт.

Он продолжал выкладывать продукты на стол.

— А здесь... — Он помедлил и торжественно провозгласил: — Курица-гриль! Еще горячая...

— А мне нельзя отщипнуть от нее хотя бы крылышко? — простонала Марина.

— Не ты ли совсем недавно собралась худеть? — невинно поинтересовалась Вика.

— Мое слово, хочу — даю, хочу — беру. А ты можешь не есть. Мы хоть и сестры, но, если ты хочешь блюсти фигуру, на меня не оглядывайся... Вон посмотри, сколько фруктов Иван Витольдыч принес. В них калорий почти нет, одни витамины...

— Говорят, сейчас есть такие пищевые добавки, которые начисто отбивают аппетит. Но поскольку Гарик сказал, что ему худые девушки не нравятся...

— Когда это я говорил? — удивился Гарик.

— Не говорил? — фальшиво произнесла Вика. — А я то думала, порадуя своего дружочка, прибавлю на отдыхе пару килограммов.

— Значит, речь всего о паре килограммов? Стоило из-за такой мелочи огород городить!.. Хотя я все время говорил, что твоя фигура — высший класс, ни убавить ни прибавить...

— Все, все, первое слово дороже второго. Два килограмма ты мне разрешил.

— В первый раз встречаю женщин, которые не скрывают своей любви к еде, — улыбнулся Нестеренко.

— И заметь, несмотря на эту любовь, обе стройны, как газели.

— Имеешь в виду грузовик? — сварливо уточнила Вика.

— Перестань пинать меня, малыш, — попросил Гарик, — а то Иван подумает, что я собираюсь жениться

на пиле «Дружба»... Лучше похвали. Пока вы глазели на закат, я сбегал в кафе и попросил девчонок завернуть мне с собой четыре штуки прекрасных отбивных. На косточке!

Он с видом фокусника открыл скромно висящий на спинке стула пакет, на который до того женщины не обращали внимания.

— Да, с голоду мы не умрем, — потерла руки Вика. — Ты знал, что Иван придет.

— Не знал. Просто я взял нам с тобой по одной и две — Маринке.

— Смейтесь надо мной, смейтесь, — сказала Марина и положила на хлеб отбивную размером с приличный башмак.

— Маришенька, я не смеялась, — жалобно проговорила Вика, следуя примеру сестры.

— Кто хорошо ест, тот хорошо работает, — заметил Гарик и тоже протянул руку к отбивной.

— Ну, вы, городские, и пашете! — восхитился Нестеренко, придвигая к себе последнюю котлету. — А с курицей что будем делать?

— И курицу съедим, — успокоила его Марина.

Так, подшучивая друг над другом, они и прикончили закуску, джин, коньяк, а когда в голове приятно зашумело, стали рассказывать анекдоты. По кругу — кто что вспомнит, пусть и самый бородатый.

На Марину шампанское оказало странное действие: она никак не могла вспомнить ни одного приличного анекдота. Даже странно, что почти весь ее арсенал, оказывается, состоял из всякой пошлятины.

— Давай быстрее, мы ждем! — поторопила ее сестра. — Буквально вчера не останавливаясь штук десять вспомнила, а сегодня ты вне себя от скромности.

— А сегодня ничего не могу вспомнить, — развела руками Марина. — Приличного.

Ей отчего-то захотелось показаться Нестеренко женщиной остроумной, интересной в общении, а вместо этого... Она лихорадочно напрягала память, но единственное, что в ней болталось, — дурацкий анекдот про мужика, который прибегает в аптеку и кричит: «Граждане, пропустите, у меня за углом человек лежит!» Очередь расступается, пропускает его к кассе, а тот: «Пару презервативов, пожалуйста!»

Марина мысленно гнала анекдот прочь — есть же уйма других, но нахальный мужик снова и снова лез без очереди к кассе, а она смогла лишь жарко покраснеть, встретив внимательный взгляд Нестеренко. Что это с ней сегодня? Неужели новая, раскованная, Марина — всего лишь призрачный образ, а в глубине души она все та же кухонная женщина, которую бросил муж?

Нестеренко — почувствовал, что ли, ее самоугрызания? — предложил:

— Давайте пойдем прогуляемся?

— А Юрка? — обеспокоилась Марина.

— Замкнем дверь. Он у тебя крепко спит? — спросил Гарик.

— Пушкой не разбудишь.

— Тогда что ему сделается?

Никто не догадывался, что Марина попросту тянет время. Ее одолевало предчувствие, что сегодня вечером с ней должно произойти что-то, к чему она, возможно, не готова. Не говорить же всем: «Извините, но у меня сегодня предчувствие, что лучше посидеть в домике, а то, не дай Бог, случится нечто...» Хороша же она будет!

Как-то в последнее время так складывалось, что жизнь почти не давала Марине времени на раздумья.

Только она соберется отдохнуть, расслабиться, ни о чем не думая, как сразу тут как тут если и не проблемы, то судьбоносное — быть или не быть? Иными словами, судьба упорно не желала отпускать Марину из своих цепких объятий. А все тыкала носом: смотри, как живут другие люди, делай что-нибудь, не спи на ходу. А делать было страшно. Все время вертелось в голове осторожное: «А вдруг?»

Как водится, прогулка вчетвером постепенно превратилась в гулянье парами. Вика с Гариком поначалу шли впереди, потом будто невзначай отстали, потом вообще куда-то делись, и Марина тщетно их окликала. Забоялась. Разве не описывали ей Нестеренко чуть ли не как женоненавистника? А если это так, как прикажете ей себя вести?

Не такой уж у нее большой опыт общения, чтобы в разговоре с малознакомым мужчиной сразу найти верный тон. Да к тому же после посещения с ним кафе, из которого она ушла, чуть ли не хлопнув дверью. Правда, она была собой довольна: смогла щелкнуть по носу эту гору мышц! Но, как оказалось, надолго ее не хватало.

— Наверное, им хочется побыть одним, — мягко предположил в ответ на ее старания Иван.

Для чего-то же он сегодня появился перед их домиком? Ведь не решать и в самом деле свои производственные проблемы. А что, если он всего лишь вышел к людям потому, что не может больше оставаться один? Наедине со своей тайной. Или бедой. Или... что могло с ним случиться, если он удалился от света сюда, в поселок у моря, где жизнь бьет ключом всего четыре месяца в году?

Что может делать на базе отдыха, особенно во времена межсезонья, этот еще молодой человек, один, без

семьи? На работе, которую с радостью выполнял бы любой пенсионер, но никак не мужчина в самом расцвете лет.

А чего она вообще засуетилась? Может, человеку всего лишь нужно выговориться, и так ли уж трудно выслушать человека, который ей все-таки симпатичен? Только вот захочет ли он с ней поделиться тем, что его гложет?

Марина так прямиком ему и сказала:

— Расскажи мне о себе.

Иван остановился, как если бы она своим вопросом застала его врасплох. Будто споткнулся о невидимую в темноте преграду. Удивился, наверное, но спросил:

— Думаешь, история моей жизни будет для тебя интересна?

Он выговорил эту фразу излишне торопливо, словно не веря в то, что Марина и в самом деле захотела узнать подробности его жизни. Но наверное, вечер и вправду сегодня был особенный и располагал к откровенности.

— Боюсь, я предстану перед тобой не в самом лучшем свете, а мне бы очень этого не хотелось.

Вот что было особенного, вдруг поняла Марина, между ними протянулась невидимая глазу ниточка, благодаря которой они стали ближе друг другу.

— Мне кажется, такой человек, как ты, не может сделать ничего дурного, если его не вынудили к тому обстоятельства, — проговорила она и опять себе удивилась.

— Подумай, Мариша, — усмехнулся он. — В том, что произошло со мной, нет ничего героического, возвышенного, все пошло, постыдно, но ты права... Сколько можно пересказывать это себе самому, как единственному слушателю, который и так все прекрасно знает.

Глава 20

То, что случилось с Иваном, можно было бы назвать обыденным, тривиальным, если бы речь шла о каком-то постороннем человеке. Но он был здесь, рядом, и рассказ — Нестеренко старался вести повествование бесстрастно, но это ему не очень удавалось — Марину захватил.

Случилась эта история в Санкт-Петербурге, бывшем Ленинграде, куда курсант Рязанского высшего военного училища Иван Нестеренко приехал на каникулы к дяде по материнской линии, морскому офицеру.

Двоюродная сестра Надя тут же взяла брата Ивана в оборот:

— Все, на время твоего пребывания в Ленинграде ты — мой кавалер. Как здорово, я как раз купила себе туфли на шпильке, а пойти на дискотеку не с кем. Все мои знакомые, как назло, недомерки...

Надя и вправду была роста высокого, статная, грендерша, в отцовскую породу. Понятное дело, такой дынде подыскать себе кавалера было непросто. Тем более что Наденька даже ради дела не собиралась отказываться от высоких каблучков.

Ее отец, капитан первого ранга Анисимов, как раз уходил в боевой поход и приезд племянника одобрил.

— Помоги моим женщинам, Ванюша, — попросил он. — По дому там доделай, что я не успел, Надежду поводи по ее дискотекам, а то девчонка и вправду дома засиделась. Мало ли прохиндеев вокруг, а на тебя я хоть положиться могу. Я тебе на это время свою «тойоту» отдам — доверенность вон на столе лежит. Поезди, пофорси перед девчонками. Может, и себе какую кралю приглядишь.

И началось! Ванечка, привези, Ванечка, отвези. Днем жену дядьки Елизавету Павловну по городу туда-сюда — магазины, салоны, клубы, вечером — Надежду. Правда, при сестрице он не просто в роли шофера выступал. Тут Надя не скупилась на краски, описывала подругам будущего офицера-десантника крутым парнем, который далеко пойдет. У Ивана проблем с девушками не было. Надо честно признаться, сам бы он такого успеха не достиг, потому что в то время еще не очень-то умел с женским полом обращаться...

Он и прежде мало пил спиртного, занятия спортом тому способствовали, а тут и вовсе перестал — все время за рулем. Но Иван не печалился. Покорно ходил за двоюродной сестрой в ее компании, но в отличие от других молодых людей всегда оставался трезвым, а потому мог оценивать обстановку, в которой они с Надеждой оказывались.

Однажды он утащил сестру из квартиры, в которой молодежь собралась «на пробу» ширнуться наркотиком. В другой раз предотвратил нешуточную драку, отвесив обоим зачинщикам по хорошей затрещине. А в третий раз...

В третий раз он познакомился с Машей Левицкой, подругой Нади, которая накануне вернулась из Лондона.

— Машка у нас — дочь адмирала, — весело сказала Надежда.

Иван думал, что она пошутила. Оказалось, правда. Но он все еще не верил и, смеясь, спросил у Маши:

— Чего это подруга тебя так величает?

— Потому что я и есть дочь адмирала, — безмятежно улыбнулась Маша.

Она была красавицей. На его взгляд, просто потрясающей. Никого не могли оставить равнодушным огромные черные глаза и роскошная грива густых выющихся волос,

высокая грудь, тонкая талия — словом, все, что положено иметь классической красавице, отец которой был русским с примесью польской крови, а мать — ассирийка. Несколько представителей этой южной нации каким-то причудливым путем добрались на берег Невы и поселились в Северной Пальмире, постепенно привыкнув к ее сырому, промозглому климату.

То, что отец Марии был адмиралом, не произвело должного впечатления на Ивана. Ну адмирал, ну и что? Он собирался делать военную карьеру, опираясь исключительно на свои силы. Пусть бы отец Маши был конюхом, в его глазах она не стала бы выглядеть хуже.

Хотя позднее товарищи его просветили: так думают далеко не все молодые люди, которые избрали для себя карьеру военного. Иметь такого тестя — мечта молодого офицера! Чтобы ее исполнить, женились на откровенных дурнушках, а тут красавица, да еще и к тебе равнодушна!

— Везунчик ты, Иван! — говорили ему приятели Надежды, усилия которых «приручить» Машку успехов не имели.

Некоторые даже посмеивались:

— А что, Ломоносов вон пешком из Архангельска пришел, а стал великим ученым. Почему бы зятю Левицкого из Рязани не приехать?

Когда Иван понял и поверил в то, что его любит не просто удивительная девушка, а дочь адмирала, он был ошеломлен настолько, что даже не знал, как себя вести. Так и уехал домой, в Рязань, не посмеяв признаться Маше в любви. Ему казалось, что он ее не заслуживает. Из какой семьи Маша — и из какой семьи Иван. Небо и земля!

Не то чтобы он стеснялся родителей. Но отец со своим средне-техническим образованием, всю жизнь прорабо-

тавший мастером в инструментальном цехе, и мать — учительница географии — были обычной, тогда еще советской семьей. Небогатой. Средней. Ни генералы, ни адмиралы в их роду не водились. Иван собирался стать первым офицером Нестеренко.

Он — единственный сын у отца с матерью, и в средней школе, и в военном учился на «четыре» и «пять», активно занимался спортом. Имел значок «Мастер спорта» и по самбо, и по вольной борьбе. В школе хулиганил, но бандитом не стал. Словом, он тоже считал себя человеком средним, обычным, и можно было предположить, что при некотором везении он дослужится в конце концов до полковника...

А дочери адмиралов... Пусть ими интересуются сынки других адмиралов, генералов и прочих представителей верхнего командного состава.

В общем, он уехал в родной город, вернулся после каникул в училище и постарался забыть о Марии, вспоминая ее, как несбыточный сон. Он сумел обуздать свою страсть и убедить себя, что ничего хорошего из его любви к дочери адмирала не выйдет. Слишком велика разница.

Оказалось, он ошибся. Мария Левицкая не признавала слова «нет» в ответ на свое «хочу». Тот, кого она намечала себе в возлюбленные или, как с Иваном, в мужа, должен был принадлежать ей!

Для начала отцу-адмиралу была устроена такая истерика, что он даже растерялся.

— Я же ничего не знал! Я и не видел-то твоего Ивана. Кто он, откуда? Будущий десантник, говоришь? Жутко талантливый? Ты откуда знаешь? Хорошо, хорошо, молчу! Ну и где он? В Рязани. Что я могу сделать, сейчас у курсантов, если ты помнишь, учебный год.

Каково же было изумление Елены и Витольда Нестеренко, когда в один прекрасный вечер в дверь их квартиры постучала юная красавица в норковой шубке, которая заявила, что она невеста их сына. Иван, щадя чувства своих родителей, ничего им об отношениях с дочерью адмирала не сказал.

Его родители до последнего часа так и не знали, кто такая его невеста. Но в отличие от сына ничего особенного в возможности породниться с семьей адмирала, не видели. Елена Нестеренко была выходцем из семьи русских интеллигентов. Их среда дала миру многих знаменитых людей. Ну и что же, что провинциалы? А Витольд, потомственный мастеровой, тоже гордился своими корнями. Так что выбор сына Нестеренко одобрили, но со сватами общались без особого подобострастия, за что, надо сказать, адмирал их всегда уважал.

У адмирала Левицкого было две дочери, а он всю жизнь тайно мечтал о сыне. Теперь — хотя бы о внуке. Старшая дочь — переводчица, окончившая Институт иностранных языков, вышла замуж за англичанина, жила теперь в Лондоне. Изредка ее навещала младшая сестра. Сама Инна в Россию не приезжала.

Должно быть, «бабье царство», как он называл обычно свою семью, адмиралу надоело или в Иване он увидел своего нерожденного сына, но он привязался к зятю со всем пылом нерастраченной отцовской любви.

Хотел этого Иван или не хотел, Левицкого не волновало, но он стал делать то, что делали до него большинство адмиралов, стал двигать своего зятя по служебной лестнице так, как другие родных сыновей не двигали.

Правда, они вроде и в разных родах войск служили, но у десантных генералов были дети — морские офицеры,

потому найти нужные ходы-выходы для предприимчивого адмирала не составило труда.

Надо сказать, и сам Иван, когда почувствовал крепкую руку тестя, стал трудиться так, как прежде не учился и не работал. Как говорится, с полной отдачей сил. Он должен был соответствовать. Чтобы никто не мог сказать, будто внеочередные звания и награды Нестеренко получает незаслуженно.

Все равно за спиной шептались. Но в основном с завистью. Повезло парню, ничего не скажешь.

Никто не знал, что сказка об Иванушке-дурачке и прекрасной принцессе развивалась вовсе не по законам сказочного жанра. Маша своего мужа разлюбила. Точнее сказать, страсть ее угасла, а любить она и не умела. Едва стихли последние аккорды марша Мендельсона, как она стала оглядываться вокруг в поисках нового объекта для страсти. Семейная жизнь ее ничуть не привлекала. Ей было откровенно скучно.

Да и молодой муж, по ее мнению, оказался обычным солдафоном. Торчал целыми днями на работе, пропадал в учебных лагерях.

За него не надо было бороться; ездить за ним, как когда-то, в Рязань. Руку протяни, и вот он, рядом, всегда одинаково любящий, преданный. Она втайне мечтала, чтобы он хотя бы изменил ей, что ли. Тогда можно было бы разбираться с соперницей, воевать за него... Словом, Мария Нестеренко смертельно заскучала.

Работать она не хотела, сидеть целыми днями дома было скучно, а она еще была так молода...

Молодой муж долго ничего не замечал. А когда прозрел, понял, какую роковую ошибку совершил. Ему бы сразу уйти, как только он столкнулся нос к носу с очередным офицером, выходящим из их квартиры, подаренной

тестем, но он продолжал еще на что-то надеяться. Иван не верил, что пылкая страсть может исчезать вмиг и бесследно.

— Как надену португею, так тупею и тупею! — зло смеялась она, особенно когда уставший Иван засыпал над очередной модной книгой, — Маша всегда старалась быть в курсе литературных новинок.

А он уставал, что поделаешь. Главное, тесть был доволен: зять служил не за страх, а за совесть. Он гордился Иваном.

Шутка — Иван да Марья — была теперь у него дежурной. Он знал о художествах своей младшенькой, но отчего-то думал, будто она сможет перемениться к лучшему. Из любви к своему мужу. Несомненно, талантливому военному...

Внимательно слушавшей Марине стало зябко. Иван рассказывал историю своей жизни скучным, монотонным голосом, а перед ее глазами все вставало так живо. И так страшно...

Женщина, не умеющая любить. Адмирал, который при двух дочерях рисковал никогда не дожидаться внуков, потому что старшая, англичанка, о детях слышать не хотела. А младшая — тем более. Молодой офицер, у которого так удачно складывалась карьера. И какую высокую цену ему приходилось за это платить!

— Но как водится, в чужих руках всегда что-то больше... — продолжал рассказывать Иван. — Мужчины мне завидовали. Такая женщина! Темпераментная, яркая. Она выгодно отличалась от большинства офицерских жен и потому казалась друзьям-офицерам женщиной необычайных дарований. Тот же, кто пережил с ней минуты страсти, преувеличивал впечатление от них. Так возник миф о том, что жена Нестеренко в постели не иначе

нимфа. В просторечье — нимфоманка. Но зато какая! Новая Клеопатра, за ночь с которой не жалко заплатить хотя бы и очередной звездочкой на погонах. Тесть-адмирал пытался своими средствами сохранить семью. Но уходил один, появлялся другой. На всех не хватало ни времени, ни сил...

Иван горько усмехнулся:

— Стоило Марии появиться в каком-нибудь собрании, как возле нее начинали толпиться мужики и жадно пожирать ее глазами. Они думали, что она — это яркий огонь костра, а Маша была всего лишь призрачным болотным огоньком, возле которого никому не бывает тепло, который если куда и ведет, то только в болото, в трясины...

— В твоем рассказе это выглядит жутко, но завлекательно, — пошутила Марина, но сбить его с этого яростного настроения не смогла. Иван, что называется, завелся.

— Я сам гнался за этим огоньком. И провалился в болото. Меня стало засасывать в трясины.

— Говоришь, ее огонь тепла не давал? А мне ты показался серьезно обгоревшим, — заметила она.

— Если меня что и сжигало, то лишь собственный стыд. Ты почувствовала, что я буксую в своем рассказе? Это потому, что даже сейчас, по прошествии пяти лет, я не могу поверить, что такое могло случиться со мной...

— Прости, — прошептала Марина, — я не подумала, что воспоминания твои еще настолько свежи.

— Ничего, ты права, мне надо выговориться, иначе я так никогда и не избавлюсь от своих кошмаров... В общем, у меня был друг. Дмитрий Кузьмин. Мой лучший друг. Из настоящих мужчин. Ни до, ни после такого не было. Я до сих пор без него тоскую... В один прекрасный момент очередной раз, когда Маша скучала, она решила

обратить внимание на Димку... Говоря высоким штилем, на мой последний оплот...

Он судорожно сглотнул, а Марина торопливо заметила:

— А у нас стереотип сложился, будто настоящий мужчина непременно должен устоять перед чарами женщины. Наверное, твоя жена была все же очень красива.

— Пожалуй, классической красавицей ее назвать было нельзя, но что она, безусловно, умела, так это заглянуть в душу мужчины. Медленно этак поднимет ресницы, посмотрит пристально... Одним взглядом такое блаженство пообещает, черту душу отдашь, чтобы побыть с ней хоть одну ночь...

Странно, что Марина, слушая рассказ Ивана, не чувствовала ни ревности, ни зависти к той далекой красавице Маше, сводившей с ума мужчин. Даже в глубине души жалела ее. И почему-то подумала, что однажды эта женщина, устав от себя самой, выпьет флакон таблеток и заснет навсегда.

— Наверное, когда Маша охладевала к мужчине, ей и самой становилось холодно, — вслух проговорила она.

Иван медленно кивнул:

— Ты будто подсмотрела. Маша часто сидела в кресле, и куталась в длинную пуховую шаль. Мерзла даже в жару...

Он внимательно посмотрел на Марину.

— Что ты на меня все время так пристально смотришь? Ищешь скрытые пороки? — улыбнулась она.

— Мне кажется, у тебя их не может быть.

— Ну вот, приплыли! — сказала Марина. — Все наши беды от того, что мы себе жизнь придумываем, вместо того чтобы смириться с ее несовершенством. Конечно, пороки у меня есть. Как и у всех. Как и у тебя. Ты всегда недоговариваешь то, что вначале хотел сказать.

— Разве я не рассказал тебе обо всем?

— Ты не рассказал о своем друге Дмитрие Кузьмине. Что случилось с ним?

Иван повел плечами, словно его стесняла легкая футболка.

— Почему ты думаешь, что с ним что-то случилось? — тихо пробормотал он.

— Чувствую.

— Да... Георгий Васильевич прав: с Меньшовыми — так ведь он сказал? — надо держать ухо востро.

Он подшучивал над ней, словно давал себе передышку перед прыжком в бездну.

— Ты говорил, будто Машу нельзя было назвать классической красавицей. А что в ее внешности, так сказать, выбивалось из идеала?

— Губы. У нее были тонкие влажные губы... Странно, я только потом стал замечать, что они живут будто сами по себе. Хочет сказать какую-нибудь гадость, губы словно сворачиваются и еще больше утончаются. Наметила себе очередную жертву, засекла — губы разворачиваются, приоткрываются, значит, она уже готова заглатывать...

Марине стало не по себе, таким осязаемо гадким предстал перед ней образ его бывшей жены.

— ...Словом, в один прекрасный момент Мария открыла рот на моего лучшего друга Диму. В один прекрасный момент друг перестал приходить к нам в гости и вообще попадаться мне на глаза. Казалось бы, насто-рожись. Но нет. Незадолго до того мои ребяташки на учениях его солдатиков обошли, вот я и решил, что Димка на меня дуется. Не мне же первому было на примирение идти. Я вовсе не чувствовал себя виноватым. Не было в моей победе ни руки тестя, ни подсуживания — все по-честному. Подумал я: хочешь злиться, злись, на злых воду возят...

Иван подобрал с земли сухой прутик и теперь, рассказывая, машинально обламывал его на мелкие кусочки. Наконец у него в руках ничего не осталось, и он невольно огляделся вокруг в поисках чего-нибудь подходящего.

Марина воспользовалась паузой в рассказе и предложила:

— Давай посидим на бревне?

Бревно на пляж выбросило штормом, но сразу его не убрали, а потом отдыхающие присмотрели его для себя в качестве сиденья. На нем сидели, возле него назначали встречи.

На бревно складывали одежду, а дети играли, покачиваясь на его более тонком конце.

Они сели на бревно, и теперь Иван отламывал от него кусочки коры, как будто это действие помогало ему не терять нить рассказа.

— В тот роковой день я был на дежурстве и дома появиться никак не мог. Теоретический. Но надо же было такому случиться, что начальнику штаба понадобилось обоснование моей докладной записки, которую я подал накануне. На основании ее он писал донесение в штаб округа. Мои заметки оказались дома, и мне дали машину, чтобы я мигом обернулся туда и обратно. Понятное дело, я не стал звонить, открыл дверь своим ключом и...

Он будто задохнулся. Нервно сглотнул, и Марина почувствовала, как в момент закаменели его мышцы. Может, надо как-то отвлечь его? Но Иван в ответ на движение лишь больно сжал ее пальцы:

— Потерпи, осталось совсем немного.

Потерпи. Он думает, что ей это трудно. Да она вся словно превратилась в слух, сопереживая каждому слову.

— Я схватил Димку в чем мать родила, вытащил на балкон и сбросил вниз. А ее — Машка кинулась на меня

как тигрица — оттолкнул. Наверное, слишком сильно, потому что она ударилась о стену и потеряла сознание... Комедия, да и только. Жена бросилась на защиту не мужа, а любовника!.. Странно, со мной был пистолет, заряженный боевыми патронами, но в тот момент я не вспомнил о нем... Взял тетрадь с записями, сел в машину и уехал.

— А на каком этаже вы жили? — тихо спросила Марина.

— На третьем.

Взошла луна. Будто на небе его заботливый хозяин повесил мощный фонарь, чтобы людям, которые в этот час не спят, стало уютнее при свете.

Марина никогда прежде об этом не задумывалась, а теперь вдруг ее осенило, почему влюбленные так охотно гуляют под луной или сидят и молчат. У луны — свет откровения. Появись сейчас солнце, и сразу сникнет их разговор. Солнечный свет убивает откровенность.

Она задумалась и вздрогнула от неожиданности, когда Иван опять начал говорить — его голос был хриплым и каким-то дребезжащим.

— Самое страшное — и это я осознал потом — Димка ведь не сопротивлялся, когда я потащил его к балкону. А он был физически силен, занимался спортом. Разве что поуже меня в кости. Но тогда он, словно тряпичная кукла, позволял делать с собой все, что мне хотелось. Я бил лежащего, понимаешь?! Если бы только бил... — Иван мрачно усмехнулся. — Меня арестовали прямо на дежурстве. Совершенно не помню, что я делал, как двигался, о чем говорил. Я даже, кажется, не думал... У Марии оказалось сотрясение мозга, а у Дмитрия — сломан позвоночник... — Он застонал. — Из-за твари, которая не стояла его мизинца!.. Я был готов искупить вину полной мерой. Как бы ни оправдывали меня оскорблен-

ным достоинством или состоянием аффекта, оправдания самому себе я не находил... А Димка молчал. Никто не услышал ни слова обвинения в адрес человека, который сделал его инвалидом... Я готовился провести несколько лет в зоне среди бандитов и убийц — это было бы справедливым наказанием, — но судьба приготовила мне куда более страшное испытание. На третий день ко мне в камеру пришел тесть...

Марина потихоньку сжала его пальцы, и он схватился за ее руку, как утопающий хватается за соломинку. Теперь Ивана била мелкая дрожь. Но он тут же выпустил ее руку и сказал:

— Не помогай мне, я сам должен дойти до конца!

Какая-то парочка направилась было к бревну, где они сидели, но остановилась поодаль у воды.

— Раздевайся, никто на тебя не смотрит! — пробасил веселый мужской голос, и через несколько минут мужчина и женщина, взявшись за руки, с шумом плюхнулись в море.

Марина тоже с удовольствием поплавала бы в ночном море, но она чувствовала, что вряд ли еще когда Иван соберется с духом для подобной откровенности.

Глава 21

Она украдкой посматривала на его профиль, в свете луны четкий, будто вырезанный. Про такие говорят — медальный. На первый взгляд нос великоват, но лица он не портит, разве что делает его более мужественным.

— И с чем пришел к тебе тесть?

— С предложением вытащить меня на свободу, если я соглашусь на его условия. Да-да, не удивляйся, у него доставало власти, чтобы замять начатое в отношении меня уголовное дело.

— Наверное, он и в самом деле любил тебя, как сына.

— Наверное, — равнодушно кивнул Иван. — У сильных мира сего, как я понял, даже любовь не такая, как у остальных.

— Что значит — не такая?

— Жестокая и эгоистичная. Когда-то адмирал был, видимо, неплохим человеком, но когда он пришел ко мне... Он говорил без обиняков. Выбирай: несколько лет зоны среди всякого отребья или прежняя жизнь женатого офицера. У них в роду, видите ли, не приняты разводы... Думаю, адмирал думал о себе: история моя не получит огласки, Дмитрий наверняка не станет писать заявление в суд, возьмет вину на себя, я вернусь к любимой и верной жене... В противном случае меня лишат всего: звания, квартиры, работы — я превращусь в человека с криминальным прошлым, в бомжа, в отверженного... Признаюсь, я струсил. Перед моими глазами встал образ грязного, немытого мужика, которому нет места среди обычных людей... Я поставил единственное условие — должен же я был себя хоть как-то не утвердить, нет, проявить... У нас с Марией на книжке лежала приличная сумма сбережений. Я настоял, чтобы ее под любым предлогом отдали Дмитрию. Тесть обещал взять все это на себя. Думаю, он меня не обманул.

— А что стало с Дмитрием? — не выдержав, спросила Марина.

— Я говорил с врачами госпиталя, в котором он лежал. Его дело оказалось вовсе не безнадежным, как я предполагал в приступах самоуничтожения. Потом он даже стал

ходить. Правда, с палочкой. Правую ногу слегка привлекал.

— Вы с ним больше не виделись?

— Нет. Я наблюдал издали, как его забирали из госпиталя родители. Тесть и тут подсуетился: Димке выделили легковую машину за какие-то особые заслуги, за которые прежде он не получил бы даже повышения в звании, отправили в дорогой санаторий... Понятное дело, из армии его комиссовали. Пару лет назад здесь отдыхал один капитан из наших, говорил, что он женился на вдове десантника с двумя детьми...

— А что с тобой случилось потом?

— То, что и должно было случиться: я люто возненавидел свою жену. Конечно, это говорило лишь о моей слабости. Взял бы да ушел. Дело закрыли. Вряд ли тесть из-за моего ухода стал бы вновь его открывать. Но я со странным постоянством приходил и приходил в нашу трехкомнатную квартиру. По утрам завтракал с женой, не произнося при этом ни слова. Первой не выдержала она. Уехала к сестре в Англию, а через два месяца прислала мне документы на развод. Написала, что оставляет мне все, в том числе квартиру, как компенсацию за причиненный моральный ущерб. Так в точности и написала. Тесть заглядывал мне в глаза: «Ты ведь не уедешь, Ванюша, не бросишь нас одних?» Я не мог ему сказать правду, хотя ждал всего лишь того момента, когда они с тещей уедут в отпуск.

— Тебе кто-то помог?

— Мой командир, дай ему Бог здоровья, быстренько оформил увольнение в запас. Я даже все деньги не получил, так торопился уехать. Работал на Кавказе заготовителем трав. Дышал чистым воздухом гор, пока не выкашлял куски отравленных легких, не смыл в прозрачных холод-

ных ручьях всю скверну со своего тела. Не удивляйся, что я так говорю, но и вправду мне долгое время казалось, что я осквернен...

— А родители твои живы?

— Живы и здоровы. Я уговорил их перебраться на юг. Они теперь живут недалеко от этого поселка, в предгорье. Порой я езжу к ним помогать в хозяйстве... Вот и вся моя история. Спасибо, что выслушала. Сам весь вывернулся наизнанку, а о тебе ничего не знаю. Вот сейчас подумал: а вдруг ты несвободна?

— Спыхватился! — рассмеялась Марина. И, посерьезнев, добавила: — Стала бы я с тобой в кафе сидеть да по ночам разгуливать.

— Но у тебя тоже, кажется, за плечами печальная история.

— Лучше сказать, что банальная. Меня бросил муж. Ушел к другой. Чуть было не сказала, к молоденькой! Хотя она и вправду лет на восемь меня моложе, но, думаю, дело не только в этом. Наверное, она интереснее как человек. Как женщина. И я в отличие от тебя такой исход вполне заслужила.

— Я не могу в это поверить, — сказал он. — А мне нельзя узнать, в чем твоя вина?

— В полном отсутствии самоуважения, в трусости и лени души.

— Ого, какой букет! — улыбнулся он. — Выходит, самоежеством не только я занимаюсь? Что же нам с тобой теперь делать?

— Знаешь, раньше я как-то не задумывалась, почему старые люди говорят: «Кто старое помянет, тому глаз вон!»

— А теперь поняла?

— Посуди сам. Наверное, в жизни каждого человека случаются моменты, которые потом стыдно вспоминать

Но всю жизнь ведь нельзя жить с этим стыдом. Верующим людям церковь отпускает грехи, а нам кто их отпустит? Только мы сами. Свой грех ты, я думаю, уже искупил. Самоистязанием, одиночеством. Главное, в твоей душе не осталось ни злобы, ни ненависти. Поэтому, я думаю, ты еще будешь счастлив.

— Правда? — с надеждой спросил он.

Марина улыбнулась про себя: совсем как ее Юрка. Словно она знает то, что ему неизвестно, или то, во что он боится поверить. И, как Юрку, она погладила его по голове и сказала:

— Правда. А теперь... не мог бы ты отвернуться?

— Зачем? — не понял он.

— Я хочу раздеться, но луна слишком ярко светит.

— Раздеться? Прямо здесь?

— О Господи, разве люди не раздеваются у моря?

— А, ты хочешь поплавать!

— Не знаю, что ты подумал прежде, но хочу. Днем совершенно невозможно этого сделать. Буквально весь пляж кишит спасателями.

Он отвернулся и тоже стал раздеваться.

— Иван, ночь на дворе.

— Ага, пес в конуре.

— Я не о том. Собираешься проконтролировать, не заплыву ли я за буйки?

— Не надейтесь, гражданка, ускользнуть от нашего бдительного ока. Граница и ночью на замке!

— Какая граница?

— Морская, конечно... Давай руку.

— Мог бы хоть ради приличия отойти подальше.

— Зачем?

— А разве не должна я тебя стесняться?

— После того, что ты обо мне узнала, и не ужаснулась, не отвернулась, не осудила, ты вроде как со мной боевое крещение приняла.

— Как бы породнилась?

— Вот именно.

— Значит, ты теперь как бы мой брат?

— А вот на это не надейся. Чего я тебе никак пообещать не могу, так это братских отношений. К тому же сегодня воскресенье...

— Суббота.

— Не спорь, уже воскресенье. До твоего отъезда осталось всего несколько часов. Мне нужно торопиться.

Она отдернула руку.

— Что ты имеешь в виду?

— Не бойся. Торопиться — значит, не выпускать твою руку из своей, быть все время рядом, стараться тебе понравиться. А то уедешь и забудешь...

— Только потому, что я попалась тебе под руку в минуту откровения и смогла выслушать твою исповедь до конца?

Они уже вошли в море, но при этих словах Иван остановился и слегка притянул ее к себе.

— Глупышка! Я открылся тебе вовсе не в порыве откровенности, как ты говоришь, а потому, что ты наконец пришла. Появилась.

— Ага, явление Мадонны народу, — сварливо буркнула она, все еще держа его на расстоянии; с некоторых пор она предпочитала быть более осторожной. Лететь на огонь, как мотылек? С одним поторопилась, с другим, а там уже... могут и плохим словом назвать...

«Плохого слова она испугалась! — не поверил ее сентенциям внутренний голос. — Трусишь, так и скажи. Слишком он серьезно стал к тебе относиться, вот тебе и страш-

но стало. Тимофея вспомнила. Везет тебе, Ковалева, на серьезных мужчин!»

Они вошли в море и поплыли, раздвигая перед собой блестящее в лучах луны его серебряное полотно. Однако далеко плыть Марине вдруг расхотелось.

— Капризные люди вы, отдыхающие, — со вздохом сказал Иван. — Я собрался сопроводить тебя до Турции, а ты передумала плыть.

На берегу он, несмотря на протесты Марины, вытер ее своей футболкой.

— Когда ты уедешь, — сказал он, — я буду класть ее на подушку рядом с собой и вдыхать твой запах.

— А не слишком ли мы мало знакомы для такого признания? — продолжала упорствовать она.

— После того как я покажу тебе одну вещь, ты все поймешь, — сказал он загадочно.

— Как, разве ты еще не все о себе рассказал?!

— Не обо всем можно рассказать. Кое-что тебе надо увидеть собственными глазами.

— Ты говоришь загадками. А что для этого надо?

— Посетить один маленький домик. Когда-то это был сарай для лодок, но я обложил его кирпичом. Собственноручно сложил камин. Теперь в нем можно жить...

— Камин. Как здорово. Жаль, что сейчас лето.

— Если хочешь, я зажгу его для тебя. Большой жары он все равно не дает, но мы могли бы сидеть и смотреть на огонь.

— И больше у тебя ничего интересного нет? — нарочно строго спросила она. — Камин летом — это, конечно, романтично, но еще недостаточно для того, чтобы увлечь девушку.

— У меня есть отличное кресло-качалка, я сам его реставрировал.

Он тоже включился в эту игру, понимая, что ей трудно так сразу взять и отправиться в жилище одинокого мужчины. Молодежь лет пятнадцати-шестнадцати шутит на этот счет довольно грубо: «Чай-кофе-потанцуем, вино-водка-полежим!»

— Кажется, ты не сидел в своем домике сложа руки.

— Я старался работать не переставая, чтобы не думать об одиночестве, в котором оказался. Без друзей, без любимой женщины... Почти в том же положении, каким пугал меня тесть.

— Думаешь, в зоне тебе было бы так же плохо? — с неизвестно откуда взявшимся раздражением сказала Марина.

Что он может знать о зоне, об этом страшном месте, которое ломает и корежит нормальных мужчин?! Делает из них тех, кем бы они без нее никогда не стали. Она тоже не была за колючей проволокой, но с некоторых пор стала бояться тех, кто побывал в местах заключения, — они казались ей неизлечимыми, как больные проказой. А может, она до сих пор чувствовала себя виноватой в том, что безгласно оттолкнула от себя Тимофея, не попытавшись ему помочь?

— Ты права, я ляпнул не подумав, — легко согласился он. — Наверное, обиженным судьбою всегда кажется, что их горе — самое горькое.

— Разве в поселке, где ты живешь, нет достойных женщин?

— Наверное, есть, — усмехнулся он, — я как-то об этом не задумывался.

— Прости, но прежде мне всегда казалось, что мужчины не слишком утруждают себя, выбирая женщину для постельных утех.

— Я тебя чем-то рассердил? — Он заглянул ей в глаза. — Прости, если это так, то я сделал это не нарочно. Хотя твою

последнюю фразу я мог бы тебе вернуть — то же самое я думал и о женщинах.

«В самом деле, чего это я задираюсь?» — подумала Марина.

Она шла туда, куда ее вел Иван. Ей было приятно чувствовать свою руку в его большой теплой руке.

Домик, к которому Иван ее привел, выглядел совсем крохотным. «Наверное, в нем всего одна комната», — подумала Марина.

Иван оставил ее у крыльца и предложил:

— погоди минутку, я сейчас.

Она услышала, как в небольшой сараюшке он стучит чем-то деревянным.

— Что ты там делаешь?

— Разве я не обещал тебе растопить камин?

— Надеюсь, что нам не будет чересчур жарко, — посмеялась она.

Иван возник перед ней с охапкой поленьев и сказал:

— Возьми, пожалуйста, ключ под половиком и отпри дверь.

— Я считала, что гостей обычно вначале проводят в комнату, а потом уже ненадолго оставляют, чтобы принести дров.

— Нет, я не оставлю тебя даже ненадолго, хочу быть вместе с тобой, когда ты станешь осматривать мое жилище.

Она открыла дверь, пропуская Ивана вперед. Послышался стук сброшенных на пол поленьев, а потом зажегся свет. Марина ахнула: это было самое оригинальное жилье, какое ей до сих пор приходилось видеть.

Стены были покрыты чем-то вроде сплетенных из камыша циновок. Причем они не просто висели на гвоздях, а были плотно приклеены, так что комната изнутри вы-

глядела как большое лукошко. А в нем, будто отпочковавшиеся от материнского ствола, стояли тоже плетеные стол, табуретки, большой ларь.

— Нравится? — спросил ее Иван.

— Очень, — сказала Марина.

Она перевела взгляд на огромную кровать, застеленную искусственным мехом под леопарда, которая в сочетании с двумя такими же меховыми подушками выглядела просто по-королевски.

— Кровать не широковата для одного? — поинтересовалась она.

— Наверное, когда я ее мастерил, на что-то надеялся.

Он лукаво взглянул на нее. Что ж, правильно, каков вопрос — таков ответ. А не напрашивайся!

— Интересно, подушки тебе кто сшил?

— Я сам. А что их шить-то? Грубыми стежками, через край, все равно благодаря ворсу ничего не видно... Мех я купил в здешнем магазине. Кроме меня, его никто не брал, считали, дорого — полторы тысячи рублей за метр. Подушки я набил морской травой...

— У тебя просто дизайнерский талант! Ты где-нибудь этому учился?

— В юности я ходил в художественную школу. Говорят, недурно рисовал. А для отделки домика... Смотрел журналы по интерьеру.

— Ну вот, все испортил! — нарочито вздохнула Марина. — Нет чтобы сказать: это эксклюзив! Мое озарение, вдохновение, изобретение... Что там еще посещает художественно одаренных людей?

— А и правда, надо было себе самому пиар устроить. Кажется, так теперь рекламу называют?

Он подошел к камину и достал с полки приготовленную для растопки щепу.

Теперь Марина обратила взгляд на камин. Он тоже смотрелся настоящим произведением искусства. Облицованный галькой и ракушками, умело подкрашенный по сюжету — изображение морского дна и его обитателей. Вон и морская звезда, — Юрка бы визжал от восторга.

В ответ на ее похвалу Иван сожалеюще улыбнулся:

— Я думаю, польза от камина должна быть не только в созерцании его внешнего вида. На самом деле это монстр среди каминов, чудище Франкенштейна! Сложил я его, как и положено дилетанту, с каким-то нарушением. Выхлопная труба... я хотел сказать, дымоход слишком широкий. Дрова он сжигает с ревом, в мгновение ока, будто сказочный дракон... Зато дает много света.

— А, вот и легендарное кресло-качалка. Ты садишься в него, качаешься долгими зимними вечерами, смотришь на огонь и мерзнешь.

— Примерно так. Но здесь на помощь любителю-печнику приходит российская промышленность, выпускающая электрокамины, которые не так красивы, зато дают куда больше тепла... Не думай, что я собираюсь на этом останавливаться. В соседнем поселке, в десяти километрах от нашего, я отыскал печника — золотые руки. Он обещал научить меня своему ремеслу, если я соглашусь месяц проработать у него в подсобниках.

— Месяц? Видимо, игра стоит свеч. Ты решил поселиться здесь навсегда? И люди станут ходить в твой дом, как в музей, а потом краевое телевидение сделает передачу о тебе, как о народном умельце.

Марина задала свой вопрос с самым невинным видом, но в ожидании его ответа почувствовала невольное волнение.

— Боюсь, теперь мне будет скучно здесь одному, — проговорил Иван, не сводя с нее глаз. — Как Робинзону ни нравился его остров, а корабль спасения он все равно ждал. Все долгие годы.

Огонь весело трещал в камине. Поленья и вправду таили на глазах, будто их жадно жевал какой-то огненный великан.

— Камин у тебя царский — ни дыма, ни жары. А ты говори всем, что это разновидность летнего камина. У тебя ведь проблем с дровами нет?

— Плавника, который я собираю на берегу, мне вполне хватает. Но кому это — всем, кто, ты думаешь, у меня бывает?

— Мало ли... — Марина пожала плечами, медленно покачиваясь в кресле. — А тот сюрприз, о котором ты мне говорил... Это все то, что я увидела?

— Нет. — Он помедлил, будто в последний момент заколебался, показывать ей это нечто или нет. — Только ты не пугайся.

— Это так страшно? — рассмеялась Марина.

И в этот момент в дверь постучали.

Глава 22

— Войдите! — произнес Иван с некоторым недоумением.

А Марина сжалась в кресле, отчего-то испытывая дурное предчувствие.

Но тот, кто постучал, не спешил открывать дверь, а топтался снаружи, как волк перед дверью домика одного из трех поросят в известной сказке.

Оказалось, не волк, волчица. Так неприязненно окрестила Марина вошедшую гостью. Валюша, официантка. Сразу было понятно, здесь что-то нечисто.

Из них троих, пожалуй, был спокоен только Иван. Потому что он обратил вопросительный взгляд на женщину и спросил:

— Что-то с Николаем?

— Со мной, — прошептала Валентина, обессиленно прижимаясь спиной к косяку. — Это произошло со мной. И очень давно.

— Валюша, давай поговорим завтра, — мягко сказал Иван. — Насколько я понял, это у тебя не срочно, а сейчас я занят. Ты же видишь!

Последнюю фразу он произнес с легкой укоризной, но от этих спокойных его слов лицо молодой женщины исказилось, словно Иван хлестнул по нему плеткой.

— Но может быть, у человека к тебе важное дело, — подхватила Марина, намеренно не упоминая имя. — А я, пожалуй, пойду...

— Сидеть! — коротко приказал он, не оборачиваясь.

Ох уж эти его военные замашки, проявляющиеся, оказывается, в щекотливых ситуациях. Что в таком случае делать женщине? Уйти оскорбленной, оставляя поле боя за соперницей? Или остаться и посмотреть, чем это все кончится?

— Валя! — между тем с нажимом произнес Иван.

— Иван Витольдович! — тоскливо сказала она.

— Нет! — выговорил он. — И ты прекрасно знаешь.

— Значит, это она?

— Прости, но я не хотел бы обсуждать с тобой такой личный вопрос.

— Она, я сразу узнала. И глаза — такие же синие. Я думала, у тебя просто не было другой краски. — Гостья

обратила на Марину яростный взгляд. — А где она была, когда ты валялся здесь один, возле своего дурацкого камина, с воспалением легких?

— Вот ты за чем пришла, за моей благодарностью?

Чувствовалось, что Иван начинает закипать.

— Ты его снял, этот портрет? Свою икону! — продолжала вопрошать она. — Еще бы, сам оригинал явился!

— Валя, если бы я знал, что ты так дорого запросишь за свое лечение, я бы не принял его.

— И сдох бы как собака!

— Это мое дело.

— Я знала, я сразу почувствовала!

Она так и стояла у косяка, откидываясь назад и ударяясь об него головой.

— Бог тебя накажет! — наконец выговорила Валентина.

— Он меня уже наказал, — усмехнулся Иван.

На мгновение их взгляды скрестились, а потом женщина закусил губу и выскочила прочь, хлопнув дверью.

Иван тревожно посмотрел на Марину. Боялся ее истерики, ждал, что она потребует от него оправданий? Но какое Марина имела на это право? Наверное, ей тоже пришлось бы кое в чем каяться... Если вспоминать то время, когда они еще не знали друг друга.

Но он все же попытался оправдаться, глядя в глаза Марины:

— Между нами ничего не было.

Всего одна фраза, но она отчего-то сразу ему поверила.

— О каком портрете говорила Валентина? — все же спросила она.

— Испортила мне сюрприз! — смущенно пробормотал он. — Но теперь уж ничего не поделаешь.

Иван открыл плетеный ларь, где, как видно, хранил свои сокровища, и протянул ей увесистый плоский свер-

ток. Она осторожно развернула бумагу, в которую он был упакован, и увидела портрет молодой женщины на фоне, очевидно, дверного проема, потому что фигура женщины была вся подсвечена солнцем, словно она влетала, стоя на солнечном луче. Но самое странное, что с портрета на нее смотрела не кто иная, как сама Марина!

Она растерянно обернулась на Ивана:

— Ты... ты видел меня прежде?

Он молча покачал головой.

— Но так не бывает! Это ведь я, правда? Или кто-то на меня похожий?

— Это ты.

— У меня здесь длинные волосы — такую прическу я никогда не носила. Мистика!

— Я тоже так подумал, когда в первый раз помогал тебе влезть в лодку. У меня даже руки задрожали.

— Так не бывает!

— Значит, бывает. Придуманный мной образ вдруг ожил...

— Минуточку, я могу поверить в совпадения, но ты не слишком увлекайся. Я понимаю, когда рисуют лица красивые, там лики мадонн, идеальных красавиц.

— С некоторых пор я не люблю красавиц. В большинстве из них нет жизни. Куклы самодовольные... А ты... ты даже в мою жизнь не вошла, а ворвалась. Нарушила придуманные мной законы, нагрубила... О, как ты меня ненавидела! Я даже растерялся, но когда ты ушла из кафе, мне показалось, что с твоим уходом кончилась и моя жизнь.

Марина продолжала недоуменно вглядываться в портрет. Если придираться, то это не совсем она. Глаза у нее явно поменьше, если, конечно, без косметики, и нижняя губа гораздо пухлее...

— Все равно, в сказки я не верю. Ты просто охмураешь меня, а на портрете всего лишь похожая на меня женщина. Приглядишься, и глаза у нее побольше, и брови другие, и губы гораздо тоньше...

Это она уже придиралась, но он легко согласился:

— Ты права, губы мне не очень удались. У оригинала они куда красивее... Но все-таки разреши мне поохмурять тебя еще немножко?

— Давай, валяй, раз уж я пришла, все по полной программе. Больше у тебя ничего нет в рукаве?

Она подтащила кресло поближе к огню и опять стала в нем покачиваться. И вдруг из сознания выплыли строчки, словно у нее внутри они наконец сформировались и теперь не стали засиживаться.

Высокое рождается не вдруг,
Высокое рождается из боли.
Его кормить приходится из рук
И долгим воспитанием неволить.

Она прочла их вслух и сама этому удивилась.

— Чьи это стихи? — Иван на миг оторвался от своих хлопот.

— Мои, — сказала она растерянно. — Как-то вдруг выплеснулись, я и не ожидала.

Две строчки, которые ее подсознание выдало на днях, притащили за собой еще две. Или это не все? Она прислушалась к себе. В ее душе что-то происходило, что-то варилось на медленном огне, под крышкой.

Оно на удивление мало,
Неопытно и слепо в час рожденья,
И нужно неустанное тепло...

Последняя строчка не давалась, мучительно застряв по пути. Зато выскочила еще одна строфа:

По недоразумению, впопыхах
Оно в любую дверь не постучится,
Поскольку часто ходит в дураках,
Хотя совсем не к этому стремится.

— Марийка, иди сюда!

Как он странно ее назвал! Вернее, непривычно. Но ласково и совсем по-родному.

Откуда-то Иван вытащил столик. Тоже плетеный, но складной. И вправду народный умелец этот бывший десантник! Она мысленно вроде посмеивалась над ним, чтобы охладить свое возбуждение. С ней таки происходили вещи мистические. И этот портрет, и неизвестно откуда взявшиеся стихи.

Когда она на второй день знакомства отдалась Тимофею, это хоть можно было объяснить: она весь вечер перед этим пила шампанское. Но теперь... хмель ее давно покинул, а ночное купание вообще выветрило и его остатки. Что с ней творится?!

На столике уже стояла тарелка с огромными краснобокими яблоками и бутылка из темного стекла, по виду старинная.

— Ты не в море ее выловил?

Она решила больше не задавать себе вопросов. Разве не для этого рядом с ней Иван?

— В море. А ты откуда знаешь?

— Догадалась... Она была с вином?

— Нет, вино я сделал сам.

— И яблоки вырастил сам?

— Яблоками меня угостил приятель... Ты что, нервничаешь?

— Нет, откуда ты взял?

— Ты боишься мне верить и оттого сердишься. И на меня, и на себя. А что тебя пугает?

— Как-то все слишком быстро происходит, понимаешь?

— Понимаю. — Он свесил между коленями свои руки и слегка набычился, размышляя. — Не знаю, как ты, но я потерял столько времени... Можно сказать, выбросил из жизни целый кусок, так что теперь поневоле приходится торопиться... Нет, я должен сделать то, что давно хотел.

Он притянул ее к себе и поцеловал. Сначала легонько, едва касаясь губ, а потом жадно накрыл ее рот своим, словно умирающий от жажды, который наконец-то добрался до воды. И оба понимали, что такую жажду одним глотком не утолишь.

Иван на мгновение оторвался от нее, чтобы погасить свет, но пламя камина высвечивало все: их глаза, губы, руки, нетерпеливо срывающие друг с друга многие одежды.

Их нагие тела в неверном свете камина казались бронзовыми, и переплетались в причудливый рисунок их тени на плетеной стене.

Как там Марина думала о себе — брошенная? Ничего подобного. Она избранная. Для того, чтобы вернуть миру почти потерянного им еще одного хорошего человека, дети которого непременно сделают его лучше.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22.
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кондрашова Лариса

Брошенная

Роман

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: Н.В. Пашковой

Технический редактор О.В. Панкрашина

Компьютерная верстка: Е.В. Аксенова

Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77-99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва,

г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Транзиткнига»

143900, Московская область,

г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 МПТР России.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

